

Бунт на Свалке.

Волков Олег.
Фантастический роман.

Мир: «Бездна».
Серия: «Колониальная империя».
Трилогия: «Свалка человеческих душ» - 1.

Аннотация.

В далёкой колонии взбунтовалась самая крупная на планете тюрьма. Положение критическое. Армии в колонии нет. Полиция мала, да она и не может справиться с бунтом. Но на деле бунт заключённых оборачивается прелюдией к ещё более крупному бунту.

Колония справилась с заключёнными, но, ни много, ни мало, провозгласила собственную независимость. Однако мстительная метрополия просто так не отпустит маленькую, но очень гордую колонию. Впереди война, схватка с противником гораздо более развитым экономически и технически. Однако на стороне бунтовщиков родная планета с её негостеприимным климатом и огромным количеством туннелей, которые заменят бунтовщикам леса и джунгли.

Оглавление.

«Бунт на Свалке».....	2
I-ая часть. «Подавление».....	2
Глава 1. «Ссора с женой».....	2
Глава 2. «Транспортник».....	6
Глава 3. «Прибытие на Свалку».....	9
Глава 4. «Пэйнтбол».....	15
Глава 5. «Передача власти».....	30
Глава 6. «Предупреждение».....	33
Глава 7. «Разговор с губернатором».....	38
Глава 8. «Бегство со Свалки».....	41
Глава 9. «Бунт заключённых».....	47
Глава 10. «Заседание ЦК».....	54
Глава 11. «Налёт заключённых».....	58
Глава 12. «Древний анахронизм».....	60
Глава 13. «Народная армия самообороны».....	64
Глава 14. «Захват власти».....	68
Глава 15. «Карательная акция».....	72
Глава 16. «Без энергии».....	78
Глава 17. «Штурм отчаянья».....	85
Глава 18. «Независимость».....	85
II-ая часть. «Бунт».....	85
Глава 1. «Общая тревога».....	85
Глава 2. «Прибытие Первого крейсерского».....	85
Глава 3. «Ультиматум».....	85
Глава 4. «Штурм космопорта».....	85
Глава 5. «Итоги первого боя».....	86
Глава 6. «Отрезвление».....	86
Глава 7. «Наблюдательный пункт».....	86
Глава 8. «Штурм тюрьмы».....	86
Глава 9. «Под завалом».....	86
Глава 10. «Тяжелое решение».....	86
Глава 11. «Уход».....	86
Глава 12. «Торжество».....	86
Об авторе.....	86

«Бунт на Свалке».

I-ая часть. «Подавление».

Глава 1. «Ссора с женой».

Тихий, приятный вечер. На землю опустились сумерки, а на небе высыпали яркие звёзды. Дневной зной давно спал. Воздух прохладен и свеж.

Белая авто с открытым верхом легко поднялась на очередной пологий холм. С плоской вершины жилой пояс Пингао – Дохлес на протянутую вдоль берега океана широкую полосу огней. Цепочки фонарей освещают пустые улицы, фасады ухоженных домов и низкие живые изгороди.

Кассен Откен убрал ногу с педали газа, машина тут же сбавила ход. На миг возникло желание остановиться, выйти из машины и последний раз полюбоваться жилым поясом, где довелось прожить последние пятнадцать лет. Самые счастливые пятнадцать лет в его жизни. Как знать: может ему больше не суждено

вернуться сюда, прогуляться по берегу океана и выпить кружку великолепного пива в кабачке старого Сома. Но легковая машина, двигаясь по инерции, спустилась с холма. Цепочки уличный фонарей скрылись за стеной тропического леса.

Хорошо знакомая дорога привела к дому. Кажется, будто двухэтажный домик с просторной лужайкой и аккуратно постриженными кустами давно пуст и никто не ждёт позднего путника. В широких окнах темнота. Ни скрипа, ни шороха. Не горит даже лампочка на крыльце у входа. Но на самом деле его ждут.

Автоматика узнала хозяина и гостеприимно подняла ворота. Откен аккуратно загнал машину в гараж. Ворота, шелестя складными створками, опустились на землю. В гараже стало темно.

Вот он и дома. Но... Совершенно не хочется выбираться из машины и подниматься наверх. Четыре дня специально задерживался на работе, находил ненужные дела, всё тянул и тянул кота за хвост, но... Рано или поздно она всё равно узнает. Так пусть лучше от него, нежели от какого-нибудь случайного болвана. Откен тяжело вздохнул и поднялся из кресла. Рука привычно захлопнула дверцу.

Можно включить свет. Всего одна стандартная фраза и в гараже, в коридоре и в комнатах зажгутся десятки ламп, но зачем. Он и так великолепно ориентируется в собственном доме. Едва касаясь пальцами стен, Откен прошёл в гостиную.

- Добрый вечер, дорогой, – раздался в темноте ласковый голос супруги.

- Здравствуй, дорогая, - тихо ответил Откен.

В полумраке гостиной угадывается широкий диван и глубокое кресло с толстыми подлокотниками. Через открытое окно доносится шум прибоя. В воздухе витает приятный запах океана и едва уловимых аромат женских духов.

- Зажги свечи, - попросила Тана.

На низеньком столике возле дивана пальцы нашарили зажигалку. Откен зажёл витые свечи. Маленькие огоньки высветили сидящую в глубоком кресле Тану. Боже! Как же она хороша! Коротенькое платье с глубоким вырезом обтягивает стройную фигуру. Сквозь тонкую ткань просвечивает нижнее бельё. Откен невольно улыбнулся. Частичная нагота – самое убойное сочетание. Заводит и возбуждает сильнеей полной обнажённости или вычурности дорого платья. Минимум косметики, простое полупрозрачное платьице, Тана великолепна.

- Открой вино, – Тана улыбнулась.

Супруга очень любит устраивать романтические вечера при свечах. Лёгкий ужин, немного свежих фруктов, пара ломтиков ветчины и бутылочка вина, обязательно дорогое, с восхитительным букетом вкуса и запаха. Ещё днём, когда Тана попросила отвезти дочку к тётке, он сразу догадался, что ждёт его по возвращению. Печально, Откен присел на диван, любимая женщина даже не догадывается, что таким образом сама подтолкнула его к очень и очень неприятному разговору. Тянуть дальше смысла нет, когда ещё подвернется столь удобный случай.

Серая пыль тонкой плёнкой блестит на тёмных боках бутылки. Откен протянул руку. Наверняка оно пролежало не один десяток лет в погребе магазина элитных вин. Серая пыль очень выразительно подчёркивает благородство дорогого напитка. Залитая сургучом пробка на удивление легко выскочила из узкого горлышка. Густой, насыщенный аромат хорошо выдержанного вина поплыл по гостиной. Откен налил полный бокал вина.

- Может теперь расскажешь, что тебя мучает последние четыре дня? – ненавязчиво поинтересовалась супруга.

В голосе Таны чувствуется неподдельная забота и нежность. От неё невозможно что-либо скрыть. Она чудесная женщина и великолепная мать.

- Это... Это хорошо, что Рума у бабушки... - неуверенно протянул Откен.

Вроде, столь долго готовился к этому разговору, заготовил целую кучу фраз, но, как обычно бывает, нужные слова в раз вылетели из головы.

- Дело, в общем, в том... Ну, как бы это, по точней... Меня повысили, - Откен отвернулся.

После окончания Шондорского юридического университета Откен сразу же устроился на работу в тюрьму Антал. За двадцать лет прошёл путь от простого надзирателя до помощника начальника тюрьмы по вопросам безопасности или зама по безопасности.

- Так это же хорошо! - Тана подвинула ближе пустой бокал.

Откен тут же наполнил второй бокал до краёв. От волнения и растерянности совершенно забыл налить супруге.

- Неужели этого старого пня Обола наконец-то выперли на пенсию?

- Нет, меня переводят в другую тюрьму.

От скрытого вранья, от бесполезной попытки избежать неизбежного, першит в горле. Откен пригубил вино, но тут же поставил бокал обратно на стол.

- Ну... - Тана призадумалась. - Придётся переезжать на новое место, дом, школа для Румы, но от перемены мест ещё никто не умирал. И как же называется твоя новая тюрьма?

Откен чуть не прикусил губу. Вот он - первый вопрос.

- Официально Глот. Но зеки зовут ее Глотка.

Двумя судорожными глотками Откен осушил бокал до дна и тут же снова наполнил его до самых краёв.

- Э-э-э... И где она находится? - спросила Тана.

Второй, самый главный вопрос. Откен выглянул в распахнутое окно. В темноте, за светлой полосой песчаного пляжа, мерцает океан. Зелёные волны лениво отражаются свет Итаги, повелительницы ночи. Сейчас бы выброситься из окна! Чтоб не мучиться! Только, Откен тяжело вздохнул, бесполезно: второй этаж, внизу мягкий песок. Максимально возможный ущерб - отбитые ноги и ушибленная гордость.

- На Свалке, - Откен с трудом выдавил из себя пару слов.

- На какой свалке? - удивилась Тана.

Неужели столь убийственное название ничего ей не говорит? Но нет, Тана выпрямилась в кресле. На лице от напряжения выступили скулы. Догадалась.

Во всей Федерации Мирема только одна единственная Свалка пишется с большой буквы. Пусть его не найти в официальных документах, но оно часто мелькает в бульварных изданиях и слетает с языка бойких журналистов.

Тана в упор посмотрела на Откена.

- Откажись! - потребовала супруга.

- Не могу, - Откен виновато развёл руками. - Отказ начисто разрушит мою карьеру. Мне даже шлагбаум на въезде стеречь не доверят, не то, что в прежней должности оставят.

- Черт с ней, с карьерой! Поработаешь продавцом, грузчиком, дворником. Переучишься, получишь новую специальность и начнёшь заново. Проживём как-нибудь.

- Это уже не важно, - вяло возразил Откен. - Я подписал все документы.

Полный стакан выскользнул из её рук. Тана передвинулась на край кресла и громко скомандовала:

- Свет включить!

Домашний компьютер тут же зажёг в гостиной большую люстру. Аура романтического свидания при свечах с треском рассыпалась на мелкие кусочки.

Откен посмотрел на супругу. Боже! Как же она хороша! Даже когда в её глазах пылает гнев.

- На сколько контракт?

- Стандартный – двадцать лет.

Глаза Таны вытянулись в узкие щёлочки, а на щеках выступил румянец.

- Я с тобой – не полечу! – ледяным тоном, как отрезала, заявила супруга. – Рума останется со мной!

Великий Создатель. Откен уставился в пустой бокал. Ну где же гром и молния, цунами или хотя бы землетрясение?! Именно такой реакции обожаемой супруги он больше всего ждал и боялся. Прятал глаза, тянул резину, но... Шило всё равно высунуло острое жало из пустого мешка и ткнуло в самое больное место. Откен вылил в бокал остатки вина. Последняя капля на миг задержалась на горлышке, но тут же обречённо упала в бокал.

- Когда улетаешь? – спросила Тана.

- Через две с половиной недели.

- Отлично. Как раз успеем развестись.

- Послушай, - Откен так и не донёс бокал до губ. – Мы не родили второго ребёнка. Если ты выступишь инициатором развода, то потеряешь право на воспроизводство.

- Ну и что! – с вызовом ответила Тана. – Одна – не останусь. А тебе твоё будет как собаке пятая нога! Можешь завести хоть целый гарем и клепать по отпрыску каждый день!

Как же она права. В груди вспыхнул и тут же погас маленький огонёк злости.

Мирем давно и плотно заселён. Каждый житель метрополии может родить одного и только одного ребёнка. Право на воспроизводство нельзя ни продать, ни передать по наследству, ни проиграть в карты. Его можно только реализовать. Обычная практика: при заключении брака супруги обязуются родить двоих детей, чтобы не один, а два раза воспроизвести себя.

Тана поднялась из глубоко кресла и демонстративно одёрнула платье. Боже! Как же она прекрасна! В тридцать восемь она сохранила великолепную фигуру первой красавицы в классе. В своё время пришлось не мало постараться, и даже свернуть пару носов, прежде чем Тана приняла предложение выйти за него замуж.

- Я пошла спать. – на миг Тана остановилась возле спальни. - Одна! Диван в твоём полном распоряжении.

Дверь с грохотом захлопнулась за её спиной.

Вот так, Откен залпом осушил бокал с вином, походя, пятнадцать лет счастливой семейной жизни коту под хвост. Отныне и навсегда дорога в супружескую спальню для него заказана. Тана вынесла самое суровое наказание – отлучила от тела. Даже на последок.

Откен попытался вытряхнуть из пустой бутылки хотя бы капельку вина. Облом. Откен с треском поставил бутылку на стол.

Какое горькое облегчение, когда самое страшное осталось позади. Конечно, знал: так оно и будет. Со всеми так. Без исключения. Но всё равно до последнего надеялся на чудо. Прошли те времена, когда жёны следовали за мужьями в ссылку в глухомань. Как хорошо, что Рума, шестилетняя дочь, не видела, как раз и навсегда разошлись её родители.

Да и зачем ей отправляться за ним в ссылку? Откен вновь взял пустую бутылку, но тут же поставил её на место. Такая женщина, как Тана, не останется одна даже с ребёнком на руках и без права на воспроизводство. Зачем ей ждать двадцать лет? Да пропади оно все пропадом!

Откен, прямо в ботинках, бухнулся на диван и уставился в потолок. В одиночку прикончил бутылку отличного вина, но алкоголь не принёс желанного облегчения.

- Свет выключить!

Гостиная вновь погрузилась в темноту. Откен закрыл глаза. Пусть дорогое вино не принесло облегчения, зато оказалось отличным снотворным. Быстро, не замечая ничего вокруг, Откен уснул. Лишь забытые на столе свечи прогорели до самого рассвета. Но под утро, выбросив на прощанье тонкую струйку дыма, погасли и они.

Глава 2. «Транспортник».

Грузовой транспортный корабль с безликим номером 419 приближается к планете Дайзен 2. Вообще-то у космического грузовика есть имя – «Метрополия». Оно даже выведено большими буквами на кольце жилого модуля. Но по всем официальным документам Министерства колоний транспортник проходит под всё тем же безликим номером 419. Чиновникам министерства абсолютно наплевать, что нарисовано на внешней обшивке подведомственных транспортников. Хоть название «Метрополия», хоть самое пошлое граффити из самой дешёвой пивной Пасмы, столицы Федерации Мирема.

В рубке управления чистота и порядок. Тихая музыка работающих приборов успокаивает нервы. Не нужно вертеть головой и пялиться на многочисленные датчики, индикаторы и показатели. Если, не дай бог, что пойдёт не так, то бортовой компьютер сам обратит внимание капитана лёгкой трелью. Только в особо тяжёлом случае, при попадании крупного метеорита или аварии главного реактора, противно взвоят сирена. А пока Анк Шустов, капитан «Метрополии», с комфортом сидит в широком кресле и читает очередной детектив из серии «Мир криминала» о похождениях частного сыщика со смешной фамилией Тонингон.

На большом обзорном экране планета Дайзен 2 растёт прямо на глазах. Унылый мир тёмных оттенков красного. Дурной климат, переломанный рельеф и насыщенная углекислотой атмосфера. Маленькая колония с населением около двух миллионов человек затерялась среди гор и пересохших озёр. Самый настоящий ад для преступников. Третью сотню лет метрополия исправно сливает на Дайзен 2 отбросы законопослушного общества. Как печально выразился витус Пилаг, первый губернатор колонии: «Дайзен 2 превратился в свалку человеческих душ». Сам того не желая, он дал колонии второе гораздо более известное имя – Свалка.

Но Шустова совершенно не волнуют условия жизни на Свалке. Ему посчастливилось родиться на Миреме. Работа межзвёздного перевозчика оплачивается очень даже хорошо. Настолько хорошо, что можно потерпеть зловещий вид красной планеты по ту сторону обзорного экрана. Другое дело, когда он выработает стаж и уйдёт на заслуженных отдых, то обязательно поселится в 19 световых годах от Свалки в тихом уголке старичка Мирема. Лучше всего там, где много простора, зелени, а красный песок всего лишь устилает садовые дорожки.

Маленький ридер удобно держать в руке и легким нажатием пальца переворачивать страницы. На дежурстве всё равно делать нечего, вот и остаётся читать, читать и ещё раз читать. Не даром экипажи космических кораблей слынут самыми начитанными. Но чем закончится очередное гениальное расследование утуса Тонингона так и не удалось узнать.

Прямоугольный часы над обзорным экраном показали 16 часов. Тут же запищал зуммер вызова. Диспетчер «Снежинки», большой орбитальной станции

на орбите Свалки, очень хочет поговорить. Анк с большим сожалением оторвал взгляд от ридера.

- Связь разрешаю, - произнес Анк.

Бурным потоком, словно сломив плотину, в рубку управления ворвался знакомый немного хрипловатый голос:

- А-а-а! Так это ты?! Старый хрен! Я тут, понимаешь, заступил на дежурство, а «Снежинка» докладывает: какая-то хрень летит в нашу сторону!

Анк улыбнулся и уже без сожалению отложил ридер в сторону. На Ансуда, болтливое диспетчера «Снежинки», грех обижаться. Их своеобразная дружба длится больше десяти лет, буквально с самого первого рейса на Свалку. Что может быть приятней, чем сменить обстановку и разнообразить круг одних и тех же лиц старым и неуёмным на солёные шутки другом.

- Я те дам хрень! – шутливо пригрозил Анк. – Если ты до сих пор не понял, к твоему орбитальному корыту приближается самый лучший транспортник Федерации Мирема, с самым гордым названием «Метрополия»!

- А-а-а! Вспомнил! – динамик выплеснул порцию задорного смеха. - Ты – тот самый капитан, которому по большой и очень глупой ошибке выдали капитанский патент! Я прав?

- Да, это я, - спокойно, не поддаваясь на провокацию, ответил Анк.

- И неужели красавица Арсика до сих пор пускает тебя в свою койку? – поинтересовался Ансуд.

- Да куда она денется! – с вызовом ответил Анк. – Как только «Метрополия» отчаливает от старика Мирема, она моя и только моя! И мне плевать, что в Наймоне её ждет какой-то там муж.

Путь от Мирема до Свалки не близкий. Ни один параграф полётного устава не в силах отметить сексуальные потребности. От через чур долгого воздержания крыша съезжает не только у мужчин, но и у женщин. Чтобы не пачкать кровь химией, транспортники комплектуют смешанными экипажами. Но и это ещё не всё. Чтобы не создавать проблем на личной почве, мужчины и женщины официально заключают так называемый космический брак. Иначе говоря – кто с кем спит и кто кому не имеет права отказать.

Иногда космические браки перерастают в официальные, заключаемые под торжественную музыку и слёзы радости матерей. Но не всегда. Гораздо чаще мужчины предпочитают оставлять на Миреме официальную жену, а длительные межзвёздные путешествия проводить с женой космической. Обратная ситуация, когда отважная покорительница космоса делит постель с космическим мужем, а дома её ждёт законный супруг, встречается гораздо реже. И тем более смешной и нелепой выглядит случай, когда космическая жена холостого капитана «Метрополии» официально замужем за другим.

- Везёт тебе безбожно, - со вздохом заметил Ансуд. – Любит она тебя, что ли?

- Любит. Любит. Ещё как любит. Каждую неделю по три раза, – заверил Анк.

- Тогда, чем на этот раз нас порадуют твои бездонные трюмы?

- Ну... как обычно, Ансуд, как обычно: десять контейнеров с первосортным свежим мясом. Во! Пальчики оближешь, – пообещал Анк.

- Ну-у-у... - разочарованно протянул Ансуд. – У нас этим добром вся Глотка забита, под самую глотку! – скаламбурил диспетчер.

- Э-э-э, не-е-е... Не спеши... – улыбнулся Анк. – Я же сказал – первый сорт.

Анк выждал эффектную паузу и выпалил на одном дыхании:

- Да я вам нового Погонщика везу!

- Да ну! Быть не может!? – ахнул Ансуд.

Весть о новом начальнике Глотки настолько заинтриговала Ансуда, что он включил видеопоток. На переднем экране, заслонив унылую Свалку, появился болтливый диспетчер.

За прошедший год Ансуд совершенно не изменился: как был, так и остался вечным подростком с гривой пышных волос, наскоро прилизанных расчёской. Куртка диспетчера всё так же расстёгнута не по уставу, мятый ворот рубашки всё так же выглядывает наружу.

- Точно новый? – недоверчиво переспросил Ансуд.

- Точняк! – заверил Анк. – Клянусь самым дорогим, что у меня есть – попкой Арсики. Да не видать мне её в горизонтальном положении!

- Кто такой? Как зовут? Какой из себя? Пофигист, пьяница? Как... - диспетчер «Снежинки» выплеснул море вопросов.

- Э-э-э! Притормози! – Анк поднял правую руку. – Всё, что мне известно, так это его имя – Кассен Откен. И то, что перед отправкой к вам его с треском выгнала жена.

- Ну, этим нас не удивишь. Других к нам и не отправляют, – Ансуд едва не подавился смехом. – Ты вот что: как пристыкуетесь, давай в бар заглянем. Такое дело, понимаешь, обмыть надо.

- Что именно обмыть? – спросил Анк. – Прибытие «Метрополии» или нового Погонщика?

- И то и другое достойно быть помянуто кружкой доброго пива, – объяснил Ансуд. – За «Метрополию» платишь ты, а за нового Погонщика, так быть, заплачу я. Идет?

- Вполне, – согласился Анк. – Но чур: на Свалку меня не тащить.

Весёлый диспетчер недовольно поморщился и, чеканя каждое слово, произнес:

- Не называй мой дом свалкой. Прошло три года, а ты так и не избавился от этого глупого суеверия.

Бешенная «популярность» Свалки породила страшное поверье. Экипажи космических транспортников уверены на все сто: достаточно хотя бы раз ступить на её поверхность, как тут же превратишься в аборигена. Навсегда. Может и звучит глупо, но, на всякий случай, лучше провести пару недель на орбитальной станции в четырёх стенах, лишь бы только не проверять на себе подлинность поверья.

- Прости, – Анк развёл руками. – Только, ради бара «Пьяный космонавт», – не пытайся утащить меня к себе домой.

- Ладно, черт с тобой, – Ансуд вновь улыбнулся.

Болтливый диспетчер совершенно не умет обижаться и копить на кого бы то ни было злость, поэтому у него полно друзей.

- Пора завязывать, – Ансуд глянул в сторону и отключил видеопоток. – Жди меня в «Пьяном космонавте». Вы как раз пристыкуетесь, а моя смена закончится. Выпьем. Только без меня не начинай.

- Боишься, спушу твой заказ? – усмехнулся Анк.

- Ещё как боюсь, – легко согласился Ансуд. – За подборку журналов мод с самого Мирема наши женщины готовы тут же, прямо на столе, выйти замуж. Так что будь осторожен. Пока. До встречи.

- До встречи, – попрощался Анк.

Насчёт журналов мод и предложения выйти замуж Ансуд прав на все сто. Закон чаще всего нарушают мужчины. Вот и не хватает на Свалке женщин. Не то, чтобы очень, но вполне достаточно, чтобы убеждённого холостяка местные жители воспринимали не иначе, как самого тяжкого неудачника. Выйти замуж – высшая награда, какую только может предложить местная красавица.

До конца полёта чуть больше двух часов. Анк подобрал ридер и вновь погрузился в чтение. Интересно: утус Тонингон поймает неуловимого вора, который спёр легендарный, почти мифический, бриллиант под романтическим названием «Слеза Леи-целительницы»?

Глава 3. «Прибытие на Свалку».

Перевозка грузов в больших стандартных контейнерах давно оправдала себя со всех сторон. Отпала надобность в трюмах, цистернах и грузовых платформах. Более того, ледяной анабиоз превратил пассажиров в точно такой же груз, который ничем не отличается от медной руды, запчастей для машин или детских игрушек.

На борту космического корабля от пассажиров никакого проку. Пусть чувствовать себя глыбой льда не очень приятно, зато экономия воды, воздуха и пропитания на порядок снижает транспортные расходы.

Через пару часов «Метрополия» пришвартовалась к орбитальной станции «Снежинка». Два зелёных контейнера с синими полосками отцепили от внешних ферм транспортника. А ещё через час атмосферный челнок доставил их на поверхность планеты. Путешествие, которое для Кассена Откена началось в анабиозном центре на Миреме, закончилось в анабиозном отделе космопорта имени Пилага на Дайзен 2.

Откен глубоко вздохнул и открыл глаза. Такое чувство, будто его вытащили из сугроба, занесли в дом и погрузили в тёплую ванну. По коже бегают мурашки, а в ступни тычутся мелкие иголки. По телу расползлась страшная слабость, будто бухал целую неделю и налегал исключительно на чистый спирт.

Откен ухватился за край странной прямоугольной ванны и с трудом, хрипя от напряжения, перевёл тело в вертикальное положение. С запястий, словно сытые пиявки, отвалились разноцветные трубки.

- Добро пожаловать на Дайзен 2, витус.

Откен ошалело посмотрел по сторонам.

Небольшая светлая комната очень похожа на кабинет врача в самой обычной поликлинике: белые стены и потолок, тепло и пахнет медицинской химией. Прямо перед ванной стоят двое. Один, что по ниже ростом и по крепче телом, держится уверенней, чем молодой и высокий парень, который нерешительно выглядывает из-за спины старшего товарища. На обоих чёрная форма тюремных надзирателей. Откен несколько раз с усилием моргнул. Вот уже третий десяток лет приходится носить точно такую же. Хотя нет, не совсем надзиратели. Красными крестами на чёрных рукавах выделяются эмблемы медработников.

- Вам помочь? – тот, что по ниже, учтиво наклонился.

- Благодарю. Я сам, - Откен упрямо мотнул головой.

К черту помощь. Откен поднатужился и приподнялся. Он сам и только сам выберется из анабиозной капсулы. Точно! Похожая на гроб металлическая ванная на самом деле анабиозная капсула. Значит... Здравствуй Свалка. Всего-то заснул на пару минут, а уже в 19 световых годах от родного дома и..., и от Таны.

Сердце сжалось в комок. Волна горечи и злости на долбаный мир поднялась из желудка и обожгла щёки. Пальцы, густо заляпанные анабиозным раствором, проскользнули по гладкой стенке капсулы. Откен перегнулся через край, подался всем телом вперед и прыгнул на пол. Точнее, попытался прыгнуть. На деле едва не шмякнулся. Откен с трудом удержал равновесие. Голые пятки едва не разъехались в разные стороны. Осторожно, боясь упасть, Откен выпрямился.

Ледяной анабиоз прекращает абсолютно все обменные процессы в организме, так что дистрофии мышц можно не бояться. Но погружение в лёд не

проходит бесследно. Пробуждение, или разморозку, проводят только квалифицированные врачи.

- Витус, душевая кабина сразу за вами, - подсказал тот, что ниже.

Откен кивнул и развернулся на месте. Пятки опять едва не разъехались на гладком полу. До узкой белой дверцы больше трёх метров – господи, как далеко.

Анабиозный раствор. Бр-р-р!!! Гадость редкостная. Да и не раствор вовсе, а самая настоящая слизь. Скользящая и липкая. Пока ещё влажная – терпеть можно. Но! Как только начинает подсыхать, как кожу на груди и плечах раздражает противный зуд. Будто обгорел на солнце, и кожа лезет с тебя лохматыми пластами. Не зря рядом с анабиозными отделами устраивают душевые, чтобы сразу же после пробуждения смыть с себя эту гадость.

За белой дверцей с архаичной ручкой в виде стальной скобки самая обычная душевая кабинка. На полу пластиковая решётка, слава Создателю, нескользкая. Откен с трудом переступил через порог, на дверном косяке остались липкие отпечатки.

- Воду – включить! – громко скомандовал Откен.

Стандартная команда, которую должен понимать любой даже самый тупой домашний компьютер. Только ничего не изменилось. Круглый распылитель над головой по прежнему сух, как песок и камни в знойной пустыне.

Может душ неисправен? Неужели придётся возвращаться к тем двум идиотам с красными крестами на рукавах? Хотя нет, Откен протер глаза. Из стены, на уровне пояса, торчат два механических крана. На одном синяя точка, на другом – красная.

Примитив! Откен слабо ткнул кулаком в стену. На этой Свалке, забытой Создателем и людьми, даже душа нормального нет. Всего лишь две трубы с механическими кранами и никакого голосового управления. Что дальше? Пляски с бубенцом, чтобы узнать прогноз погоды?

Откен крутанул кран с синей точкой. Из распылителя ухнул поток холодной, как лёд, воды. Хессан вас всех побери! Откен крутанул кран с красной точкой. Грязная ругань помогла: бьющий из распылителя поток быстро стал терпимо холодным, потом приятно прохладным, а ещё позже горячим. Засохшая на теле слизь размякла и потекла на пол мутными ручейками.

Какое блаженство. Не жалея ни себя, ни воды, Откен самым тщательным образом смыл с себя остатки анабиозного раствора. Жидкое мыло и мочалка с длинными петлями вместо ручек нашлись рядом в полинявшем ящике. Пришлось по старинке пачкать мочалку мылом и самому себе тереть спину. А как раньше это делала Тана... Как она умела превращать банальную гигиеническую процедуру в увлекательную игру. Понутив голову, Откен вышел из-под душа.

Трудности продолжают. Раз местный душ не душ вовсе, а примитивная гидравлика, то вряд ли в него встроены режим просушки. Тогда как стать сухим? Стеллаж с полотенцами, или хотя бы просто крючка с полоской ткани, по близости не наблюдается. Нужно мыслить логически, Откен завертел головой.

Раз на Свалке всё же есть некое подобие душа, то рядом с ним должно быть хотя бы некое подобие сушилки. Не шлёпать же в промокшем виде. Так и есть, в углу, в маленьком закутке за душевой кабинкой, нашлась надпись «Просушка», а под ней маленькая красная кнопка. Автоматики ноль, опять ручками.

Как и следовало ожидать, местная просушка примитив, не лучше душа. Струя тёплого воздуха падает сверху и тут же уходит в металлическую решётку под ногами. Худо-бедно удалось высохнуть. Волосы чуть влажные, зато на руках и груди не блестят мелкие капельки воды. Но, словно желая окончательно доконать его, в стене слева что-то ухнуло и брякнуло. С тихим шипением отворилось маленькое окошко.

Что там? Откен заглянул во внутрь.

- Да чтоб вам электричество отключили! Бабы давать перестали! – Откен разразился грязной руганью.

Аборигены малого того, что заставили мыться в примитивном аппарате, так под конец предложили одень красный зековский комбинезон и красные же зековские ботинки. Бирка с числом 49 на ботинках и ещё одна с числом 56 на отвороте комбинезона подчёркивают, что комплект предназначен специально для него.

От злости трудно дышать. Так бы и прибил первого встречного. Откен кулаком отворил серую дверь и вышел в накопитель. Точно накопитель. Раз на Свалку привозят исключительно заключённых, то за душевой в анабиозном отделе вполне резонно ожидать большую комнату с двухъярусными койками без одеял и подушек. Каждый новоявленный абориген приходит в себя в анабиозной капсуле, отмывается в душевой, там же одевает тюремный комбинезон и выходит сюда, ждать товарищей по нарам.

На счастье будущих подчинённых, на ближайшей койке нашёлся зелёный чемодан с его именем. Откен приложил большой палец к сенсору. С тихим щелчком чемодан открылся. Как знал, как знал, Откен вытащил чёрный китель. Собирая вещи в далёкий путь, на всякий случай прихватил полный комплект формы тюремного надзирателя, а так же чёрные ботинки, щётку, зубную пасту и пару носков на первое время. Если и носки здесь красные со штрих-кодом на пятке, то самое время вешаться на первом же крючке.

Неторопливо одеваясь, с наслаждением натягивая носки, Откен невесело улыбается. Начальство, не мудрствуя лукаво, отправило его на Свалку как простого заключённого. Уверен на все сто: весь путь до этой чёртовой планеты он пролежал в одном штабеле с уголовниками. Ладно, разморозили в первую очередь. А то ещё не хватало толкаться в накопителе с будущими подопечными. Достаточно того, что только двое из тюремного персонала видели его голым. Один хрен завтра по утру эти самые медики начнут рассказывать байки о размере его мужского достоинства.

Застегнув последнюю пуговицу, Откен присел на койку. Неприятная мысль сверлит голову. Осуждённых отправляют на Свалку по мере накопления. Ровно десять зелёных контейнеров с синими полосками по шестьдесят человек в каждом. Не по собственной воле довелось занять чьё-то место. Завидно и обидно – какой-то жулик, осуждённый гнить в этой дыре, выиграл возможность понежиться в благодатных объятиях родного мира месяц – полтора. За возможность открыть форточку и вдохнуть свежий морской воздух с удовольствием бы отдал должность начальника местной тюрьмы. Но... не судьба.

Последним из чемоданчика Откен вытащил наладонник. В развитом информационном обществе невозможно обойтись без персонального средства связи с планетарной информационной сетью. Карманный компьютер размером с ладонь служит телефоном, навигатором, записной книжкой, а так же выполняет кучу мелких, но не менее полезных и приятных функций.

Откен включил наладонник. Карманный компьютер быстро проскочил загрузку, тестирование и озабочено замигал красной антенкой. А существует ли на Свалке информационная сеть? Мигнув последний раз, антенка позеленела. Существует – и то легче. На экране появилось до жути интересное сообщение. Откен быстро пробежал глазами по чёрным строчкам и опять, в который раз, невесело улыбнулся.

Свалка не уступает Мирему ни размерами, ни массой, вот только летит вокруг Дайзена в четыре раза быстрее. В местном году всего четыре месяца. Аборигены не придумали ничего лучше, как прямо так и назвать их: «зимний», «весенний», «летний» и «осенний». Да и дней в этих самых месяцах заметно меньше: в зимнем и летнем 24, а в весеннем и осеннем и того меньше, всего 23.

Но самое печальное другое: продолжительность местных суток 20 часов. Да ещё хор, последний псевдочас, который компенсирует оставшиеся 19 минут.

Аборигены живут по собственному календарю. Даты стандартного летоисчисления можно найти разве что в официальных документах. Едва вступив на Свалку, он сразу постарел с 41 года до 190. Да и срок кабального контракта, будь он трижды проклят, автоматически вырос с 20 до 90 лет – мелочь, а всё равно противно.

Наладонник попросил разрешения перейти на местное время. Откен тяжело вздохнул и щёлкнул ногтем по кнопочке с надписью «Да». Как бы не хотелось, но придется жить и по местному календарю и по местному времени. В правом верхнем углу тут же загорелась местная дата: 23 осенний 1548 года, пятница. Будь она проклята. Потыкав пальцем по настройкам, Откен заодно вывел на экран стандартное время: 2 июня 7347 года, суббота. Чтобы привыкнуть к местному календарю понадобится время. Пусть, пока, на экране соседствуют две даты.

Наладонник заиграл прямо в руке. На экране появился символический конвертик с надписью: «Получено сообщение». Вот оно как – не успел натянуть трусы и причесаться, а уже засыпают сообщениями. Что там? Откен щёлкнул ногтём по конвертику.

Если отбросить вежливые обороты, поздравления в честь счастливого прибытия и пожелания успехов в деловой и личной жизни, то сообщение совсем короткое: витус Рекоу, действующий начальник тюрьмы, забронировал для него самый шикарный номер в самой шикарной гостинице, а так же открыл в местном банке счёт на его имя. Отныне можно бродить по местным магазинам и сорить деньгами. Какая гадость! Как будто больше всего на свете мечтал затариться местными сувенирами. И, конечно же, старый динозавр ждёт не дожждётся, чтобы спихнуть на приемника эту чертову Глотку.

То, что витус Рекоу не пришёл встречать лично, ничего удивительного. Анабиоз штука коварная. Откену посчастливилось почти безболезненно перенести погружение в лёд. Но везёт далеко не всем. Некоторых в прямом смысле приходится вытаскивать из капсулы и реанимировать. Препараты для заморозки кого-то усыпляют, а кого-то едва не отправляют на преждевременное свидание с Великим Создателем. Из-за чего заключённых размораживают тюремные медики. Не было никакой гарантии, что Откен не провалится пару деньков в глубоком беспамятстве. Тогда витус Рекоу, как последний дебил, торчал бы у порога накопителя. Ну не дурак же он.

И последнее – расписание местной подземки. Как раз через десять минут в Финдос, столицу колонии, отходит поезд. Если поднажать, вполне можно успеть.

Закрыв чемоданчик, Откен поднялся с койки. Накопитель – та же тюремная камера, просто так наружу не выйдешь. Тяжёлая стальная дверь с массивным замком надёжно закрывает выход. Подойдя ближе, Откен заметил на потолке стеклянный глаз видеокамеры. Замок с дистанционным управление громко щёлкнул, едва Откен дотронулся до ручки.

Колония на Свалке в прямом смысле закопана под землю. Города и поселки, заводы и фабрики, дороги и фермы укрыты в толще планетарной коры от жестоких ветров, проливных дождей, жуткой стужи и адского зноя. Можно прожить целую жизнь, но так ни разу и не увидеть над головой зелёного неба.

Никакой не поезд, а всего лишь самодвижущийся вагончик быстро довёз Откена до Центрального вокзала. Между космопортом и Финдосом всего четыре с небольшим километра. Случайные попутчики, двое мужчин и женщина в форме техников, с плохо скрываемым любопытством пялились на него всю дорогу. Как будто у него две головы или три уха. Не иначе слух о прибытии нового Главного погонщика разлетелся по всей планете.

Наконец дверцы самодвижущегося вагончика разошлись в стороны, Откен с превеликим облегчением вышел на перрон Центрального вокзала. В глаза бросилась эмоциональная надпись на противоположной стене:

«Дайзен 2 – наша планета! Мы любим его таким, какой он есть!»

Ни здрасьте, ни добро пожаловать, а сразу в лоб – мы любим. И точка. Провинциалы. По Мирему ходят многочисленные слухи и анекдоты о комплексах неполноценности жителей далёких колоний. Так оно и есть. Откен на миг задержался перед эмоциональной надписью. Все они тут дебилы и недоноски. Нормальным людям, законопослушным гражданам, совершенно незачем покидать лоно материнской планеты.

В иной ситуации, будь он простым туристом, то с удовольствием побродил бы по Финдосу. Как ни как, а ни разу не доводилось бывать в подземных городах. Несколько жилых уровней, широкие туннели вместо улиц и купола площадей – наверно выглядит очень здорово. Если путеводитель не врёт, столица Свалки располагается на четырёх уровнях. Как ни сложно догадаться, первый – самый престижный. Состоятельные граждане предпочитают жить над головами простых смертных. Но, Откен бросил лишь пару равнодушных взглядов на убранство подземного вокзала, бродить с путеводителем и фотоаппаратом по улицам и уровням Финдоса абсолютно не хочется. Заключённого в первую очередь интересует, когда он выйдет из тюрьмы, а не архитектурные изыски тюремного двора. Эскалатор вынес Откена из Центрального вокзала напрямик на Площадь пионеров, центр Финдоса.

Площадь густо засажена высокими елями. Ветер шевелит пушистые кроны. Воздух пропитан запахом свежей хвои. Над головой сияет огромный светильник – жалкое подобие ласковой Геполы, звезды метрополии. Центральную площадь размерами в пол километра аборигены превратили в небольшой парк. На другом конце площади должен быть отель «Зелёная роща», тот самый, самый шикарный. Впрочем, не исключено, что он же единственный.

Да-а-а, Откен обошёл площадь по дуге. Вполне естественное желание первых поселенцев перенести в красные пески Свалки частицу родного мира за три столетия выродилось в пустопорожнее подражание. Вместо настоящего трехэтажного здания с крышей и стенами под вывеской «Зелёная роща» находится трехэтажный фасад. Внешне как бы обычный отель, а на деле выдолбленные в основании огромного купала номера и коридоры. Может здесь и лифта нет, за ненадобностью? Вдоль кольцевой дороги понастроены точно такие же липовые фасады ресторанов, правительственных офисов и жилых домов. Господи, Откен недовольно поморщился, какое убожество.

Лифт в местном пятизвёздочном заведении всё же есть. Напротив входа в отель широкие двухстворчатые двери блестят никелированными ручками. Звон маленьких колокольчиков над входной дверью привлёк внимание портье. Над высокой стойкой показалась круглая голова с прилизанными волосами и дежурной улыбкой.

- Добрый день, витус Откен, - портье так и светится поддельной радостью. - Очень рад видеть вас в нашем отеле в добром здравии.

- Благодарю вас, - Откен остановился возле металлической стойки. - Для меня должен быть забронирован номер.

- Конечно, витус, конечно, - закивал портье. - По указанию витуса Рекоу, за счёт исправительного учреждения Глот, вам забронирован самый лучший номер в нашей отеле. Номер 37. Прошу вас – ключ.

- Благодарю вас, - Откен взял протянутую пластиковую карточку.

- Пожалуйста, - портье показал холёной ручкой на двери лифта. - Третий этаж налево. Приятного вам отдыха.

Было бы не удивительно, если бы портье вручил самый настоящий металлический ключ, анахронизм, который нужно вставлять в так называемую замочную скважину и проворачивать несколько раз. Но нет, цивилизация на Свалке всё же доросла до электронных ключей. Достаточно поднести пластиковую карточку к замку, как он ту же откроется. Даже из бумажника доставать не нужно.

Чтобы не говорила надпись над входом, но «Зелёной роще» ох как далеко до настоящего пятизвёздочного отеля. В лучшем случае звезды три, не больше. Внутри лифта никелированные перила, большое зеркало и три кнопки на левой стенке. Будь отель хотя бы на четыре звезды, то из лифта обязательно выскочил бы молодой лифтер в красной ливрее и в прямоугольной шапочке на коротко стриженной голове. Сухим от важности голосом служащий осведомился бы на какой этаж изволит подняться новый постоялец. А так... Войдя в лифт, Откен зло ткнул пальцем в верхнюю кнопку.

У портье не хватило наглости, или глупости, обозвать самый лучший номер в отеле люксом и тем более суперлюксом. Так себе апартаменты: просторная гостиная с диваном, телевизором и баром, уютная спальня с широкой кроватью, ванная и туалет отдельно. О-о-о! Здесь даже окно имеется.

Так-то не плохо, Откен остановился на пороге. Но... В убранстве номера начисто отсутствует налёт роскоши и величия древней аристократии, который так нравится в настоящих пятизвёздочных отелях старичка Мирема. В спальне Откен бросил чемоданчик на кровать и присел прямо на заправленное покрывало.

Что делать дальше?

В принципе, можно закосить на нездоровье и день – два забить на все дела. Тем более сегодня пятница, канун выходных. Пусть думают, будто он отходит от анабиоза. Или всё же пройтись по местным магазинам? В своём послании витус Рекоу ничего не сказал о кредитной карточке. Возможно аборигены пользуются отпечатком большого пальца. Или, Откен выглянул в окно, завалиться в самый дешёвый местный кабак и спустить половину подъёмных денег. Не – лучше обе половины.

Откен криво улыбнулся. По местным меркам начальник исправительного учреждения Глот – большая шишка. На ровном месте. Крупнее, разве что, самая большая жаба в здешнем болоте – губернатор колонии витус Гажан. На Миреме Откен был незначительным чиновником, а здесь – фигура! Местная элита. Только такое возвышение совершенно не радует. Абсолютно. Лучше быть последним среди львов, чем первым среди шакалов.

Откен наклонил голову. Широкая двуспальная кровать с толстым одеялом и парой взбитых подушек. На таком шикарном ложе грех спать в полном одиночестве. Но. Но. Но.

С учётом космического перелёта, с момента назначения на Свалку минуло больше пяти стандартных месяцев. А кажется, будто с того «романтического вечера» и до вселения в этот поганый отель прошло не больше двух недель. Всё в этом мире относительно. В том числе и восприятие времени.

Откен тяжело вздохнул. Тана. Некогда любимая, некогда единственная, некогда самая дорогая во вселенной женщина. Тана наотрез отказалась лететь в эту дыру. Как же на самом деле он её любит. Неужели, чтобы понять это, нужно было забраться за 19 световых лет от родного дома? Черт побери! Откен зло стукнул кулаком по заправленной кровати. Ну почему он не сделал так, как она предлагала: не порвал этот долбанный контракт на мелкие клочки и не швырнул их в Обола?! В его наглую, тупую рожу! Ну и пусть бы с треском вылетел бы с работы! Пусть бы его упрятали в Антал! Пусть! Зато... Вышел бы на свободу через палу лет с чистой совестью и начал бы жизнь заново с чистого листа. И Тана... Она бы ждала его и любила. Обязательно ждала бы. На кой хрен он сразу же

после развода рванул в анабиозный центр и потребовал заморозить себя аж за полторы недели до вылета? Ледяной сон длиной в пять месяцев не принёс облегчения и не избавил от страданий.

Может, он сморозил большую глупость из-за того, что их так легко и быстро развели? Судья, старая матрона с узлом седых волос на затылке, едва узнала, куда не захотела лететь любимая женщина, тут же вынесла положительное решение о разводе. Тем более никаких имущественных споров у них не возникло. Улетая на Свалку, Откен оставил Тане всё без исключения. Алименты на шестилетнюю Руму будет платить Министерство внутренних дел, где он официально работает. Всё заранее учли и прописали в договоре. Сволочи!

Больше пяти месяцев. С кем она теперь? Кому устраивает романтические вечера при свечах и с кем пьёт дорогое марочное вино? Кто теперь сидит на его диване и любит чёрным кружевом её нижнего белья, которое так соблазнительно просвечивает сквозь тонкое платье с глубоким декольте? На душе так невыносимо грустно, так погано... Да пусть все местные витусы убираются к чёртовой матери!!! Откен вскочил на ноги. Он обязательно завалится в местный кабак и спустит все подъёмные. Ему всё равно нечего и некого поднимать! Он может запросто прожить в этом недоразвитом суперлюксе с видом на убогий сад хоть все двадцать лет! Откен направился к выходу.

Возле распахнутых створок лифта Откен вытащил из кармана наладонник и вывел карту Финдоса. Ближайший кабак с очень выразительным названием «Пьяный горняк» нашёлся на другой стороне Площади пионеров, всего-то и нужно пересечь местный парк.

Глава 4. «Пэйнтбол».

Чаг Ратаг, молодой парень 84 местных лет, закинув на плечо рюкзачок, торопливо вышел из дома. Входная дверь мягко спружинила на старом доводчике. А то бабахнула бы на всю улицу.

Суббота, шесть часов утра. Только, только включили дневное освещение. На улицах Финдоса тишина. Отсыпаются пролетарии. После длинной рабочей недели так приятно закинуть будильник подальше и поспать подольше, сколько душа пожелает. Но только не сейчас. Всего неделю назад Чаг справил долгожданное совершеннолетие, и теперь – Высшая лига ждет! Дикое нетерпение распирает грудную клетку. Наконец-то! Наконец-то! Наконец-то! Чаг бодро, чуть ли не бегом, зашагал по Гороховой улице.

Пересекая пустые улицы и площади, поднявшись на эскалаторе на первый городской уровень, Чаг быстро добрался до неприметного технического туннеля на юго-восточной окраине города. Над невзрачной стальной дверью широкая надпись «Песчаная буря», под которой цветной рисунок: на отвесные скалы надвигается огромная тёмно-красная туча. Вывеска слева от двери более красноречива: «Клуб любителей пэйнтбола «Песчаная буря»». Чаг вошёл во внутрь.

Когда-то здесь была техническая служба. То ли свет, то ли вода, то ли канализация – никто не помнит. Давно, лет четыреста по календарю Дайзен 2, она переехала на четвёртый уровень. Просторный цех, мастерские и душевые власти города передали пэйнтбольному клубу. Техническая служба до сих пор напоминает о себе низкими туннелями, кучей труб под потолком и светильниками в металлической сетке через каждые два метра.

Пройдя по коридору, Чаг вошёл в круглый зал для собраний. Слева небольшая сцена с маленькой трибуной и широким экраном. Справа ряды потёртых кресел с откидными сиденьями. И... никого.

Блин! Ну правильно. Чаг присел в кресло в первом ряду напротив трибуны. Обычно дорога до клуба занимает минут пятьдесят, а то и целый час, если не торопиться. Но сегодня вполне хватило тридцати. Раннее утро, пустые улицы и бешенное нетерпение поддали ускорения. Ничего не поделаешь, придётся ждать.

Играть в пэйнтбол он начал в 45 лет, или, если перевести в стандартное летоисчисление, в 10. Как-то мама пожаловалась отцу на через чур бойкого и неуправляемого Чага. «И вообще! Ему силы девать некуда!» – заявила родительница. Отец нашёл простое и мудрое решение – отвёл Чага в «Песчаную бурю».

Это сейчас, спустя много лет, смешно и приятно вспоминать, какой дикий восторг он пережил, когда получил в руки игрушечный автомат и начал гонять сверстников по Лягушатнику, игровому полигону для самых маленьких.

Пэйнтбольный автомат стреляет пластиковыми шариками с краской аж на 30 метров, зато огромный боезапас. Целых сорок шариков в специальном бачке, который торчит над стволом, мешает целиться и цепляется за всё подряд.

В первый же вечер, после «долгого и кровопролитного сражения», Чаг уснул без задних ног. Ежевечерний ритуал укладывания обошёлся без обязательного нытья и яростного нежелания чистить зубы. И понеслась! Папа, а в особенности мама, остались очень довольными. Чаг даже учиться начал с гораздо большим энтузиазмом и прилежностью. Еще бы! За двойку или плохое поведение можно было запросто остаться без очередной игры по выходным дням.

Шли годы. Чаг рос, мужал, умнел. Росли его амбиции, желания и финансовые возможности. Постепенно он вырос из Лягушатника и дорос до Завода – более серьёзного полигона, бывшего металлургического завода. Оборудование давно перевезли в другое место, но длинные цеха в несколько ярусов, бесконечные коридоры и лабиринты полутёмных туннелей остались.

На Заводе Чаг начал осваивать настоящее искусство войны. Вместо примитивной стрелялки он получил более крутое и серьёзное оружие. Новый пэйнтбольный автомат со снайперским прицелом и без дурацкого бачка над стволом гораздо больше похож на настоящий электромагнитный автомат космического пехотинца. Но на бывшем заводе восхождение по ступеням боевого мастерства только началось. Круче войнушки красящими шариками может быть только Высшая лига и... красящая пуля.

Пластиковые шарики летят недалеко и бьют совершенно не больно. Даже простая куртка из плотной ткани легко заменит бронезилет. В разгар сражения вражеский игрок может запросто «прошить» автоматной очередью поперек спины, а ты и не заметишь. Подобный конфуз бывал неоднократно. И совершенно другое дело красящая пуля.

Пороховое оружие, в котором расширяющийся газ выталкивает из ствола стальную пулю, устарело более пяти веков назад по стандартному летоисчислению. Ещё до того, как на негостеприимном Дайзен 2 появилось первое поселение. Современное электромагнитное оружие, в котором мощный электромагнитный импульс разгоняет вольфрамовую пулю до скорости в несколько махов, бьёт архаичный порох по всем статьям.

Пятьсот местных лет назад тогдашний губернатор разрешил использовать пороховые автоматы с простейшими оптическими прицелами. Как и в старинном оружии, красящая пуля состоит из стальной гильзы с порохом и пластиковой пули с краской. Так появился знаменитый игровой автомат «Марка – 4-4» калибра 7 миллиметров. Но разницу между красящим шариком и красящей пулей Чаг почувствовал на собственной шкуре в первом же бою.

Без дрожи в коленях и боли в груди до сих пор невозможно вспоминать первую игру в Высшей лиге. Да-а-а... Изображая крутого бойца, Чаг выскочил из-

за угла с автоматом наперевес. И... И получил три пули в грудь и ещё одну в голову.

Словно порывом штормового ветра его отбросило назад и повалило на спину. Такое впечатление, будто три дюжих молотобойца разом жახнули по груди стальными кувалдами, а четвёртый промазал и угодил в шлем. Адская боль перебила дыхание. Четвёртая пуля отозвалась в ушах диким звоном. Какое там продолжить бой! Его «убили» в самом начале большой игры. Охая и ахая, Чаг с превеликим трудом оторвался от пола и, с грехом пополам, убрался с поля боя. Как награда за проявленную глупость, на груди расцвели смачные синяки. Но синие пятна поперёк груди не отбили желания играть в пэйнтбол. Наоборот! Только раззадорили и подогрели дикий интерес в очередной игре найти и «пристрелить» обидчика.

Но и это ещё не всё. Только достигнув совершеннолетия, Чаг получил долгожданную возможность добраться до самого что ни на есть высшего уровня – сыграть на поверхности планеты. Вот где самая что ни на есть реальность и самая что ни на есть крутость.

Пришлось пройти специальные курсы. Полтора года кошмара, отбитых рук и гудящих от перенапряжения ног. Киборг, витус Леран, руководитель клуба, гонял новичков без жалости до полного изнеможения. Но иначе нельзя. Снаружи то жуткий холод, то жуткий зной и круглые сутки наполненная углекислым газом атмосфера. Любая небрежность или халатность грозит смертью. Дайзен 2 ошибок не прощает.

Но! Оно того стоило. Сегодня суббота, а значит – большая игра на поверхности планеты ждёт его! От нетерпения Чаг забарабанил кулаками по подлокотникам кресла. Сегодня соберётся много игроков. Сегодня он впервые оденет борг, возьмёт в руки автомат и примет участие в самом реальном игровом сражении. Вот почему в диком нетерпении, не чуя ног, Чаг прибежал в клуб аж за час до назначенного времени.

- О! Непоседа! Привет!

В зал для собраний, приветливо махнув рукой, вошёл высокий, широкоплечий Опон Чинин по прозвищу Шнык, однокурсник Чага по университету, друг и напарник по пэйнтболу.

- Привет Шнык, - Чаг в ответ махнул рукой. – Что так рано?

- Это ты, Непоседа, рано припёрся! – Шнык с грохотом откинул сиденье и присел рядом. – Я вовремя. За мной целая толпа валит.

Словно подтверждая его слова, двери с треском распахнулись. В зал огромной гудящей толпой ввалились игроки. Со многими Чаг знаком лично, но большинство знает только по лицам. Игроки, громко переговариваясь между собой, разбрелись по залу. Перед каждой большой игрой Киборг проводит инструктаж – с этим у него строго.

- О! Видал? Деда! – Шнык, скосив глаза, показал на маленькую группу взрослых от 120 до 180 местных лет.

- Видал, - шёпотом ответил Чаг.

В пэйнтбол играет в основном молодёжь, кому ещё не исполнилось 95. Такова жизнь – игроки взрослеют и покидают клуб. Работа, карьера, семья не оставляют места для военизированной забавы. Но взрослеют не все. Те, кто по прежнему каждые выходные проводят на пэйнтбольных полигонах, попадают в деды, в самую уважаемую категорию игроков. Да и как их не уважать? Это же самые опытные, самые опасные и самые крутые игроки клуба. Встреча с дедом на поле боя не сулит ничего хорошего – пристрелит и носом шмыгнуть не успеешь.

- Сколько их? – прошептал Шнык.

- Я вчера список смотрел. По моему, не меньше десяти, - так же тихо ответил Чаг.

- Во блин! Не приведи Создатель, - шёпотом ругнулся Шнык.

Понятно о чём речь: встретиться с дедом в начале игры – сто процентная гарантия вылететь с игрового полигона с прострелянной пятой точкой. Говорят, очень обидно. Ни Шныку, ни самому Чагу до сегодняшнего дня сталкиваться с дедами не приходилось.

Зал для собраний быстро заполнился игроками. Это же... Уйма народу! Чаг озабоченно посмотрел по сторонам. Одно дело прочитать в списке число 60, и совершенно другое увидеть этих самых 60 человек в маленьком зале. А ведь здесь не просто незрелая молодь, у которой молоко на губах не обсохло, а Высшая лига! Элита пэйнтбольного клуба. Одни деды чего стоят.

Зато... Глубоко в груди засверкал холодный шар предвкушения и азарта. Одна только мысль о предстоящем сражении выбрасывает в кровь убойную дозу адреналина. Схлестнуться с такими игроками на одном полигоне. Стенка на стенку. Кто кого. Да это же... Чаг нервно сглотнул.

Последним в зал для собраний вошёл витус Леран, зрелый мужчина старше двухсот лет, крепкий, невысокого роста. Говорят, очень сильный. За бешенный напор, за привычку во что бы то ни стало добиваться поставленных целей, ещё в детстве его прозвали Киборгом. Тогда же, ещё до работы в полиции, он крепко подсел на пэйнтбол. Говорят, горячее увлечение юности определило выбор профессии. Хотя... Вряд ли работа в Управлении полиции приносит ему массу острых ощущений. Круче пьяной драки в местном кабаке в день полочки может быть только столкновение крутых тачек на самом загруженном перекрёстке. Это только жителям далёкой метрополии кажется, будто на Дайзен 2 царит криминальный беспредел. Да такой, что даже младенцы не засыпают в колыбельках без засунутого в подгузник пистолета.

Киборг поднялся на сцену. Возле маленькой трибуны он остановился и окинул взглядом наполненный игроками зал.

- Доброе утро, уважаемые! – громким, командным голосом произнёс Киборг.

В ответ раздался несобранный хор приветствий, здравниц и пожеланий не болеть. Пэйнтбольный клуб не армия, здесь не принято щёлкать каблуками по стойке смирно и орать во всё горло. Хотя на какой-то хрен Киборг всё же придумал строевую подготовку.

- Итак, не будем терять время! – заговорил Киборг, едва стих хор нескладных приветствий. – Инструктаж для новичков и прочую подготовку к игре мы провели вчера. Сегодня нас много, играем на Площадке по-крупному. По «карусели».

«Карусель»... Всего от одного единственного слова на душе наступила весна, расцвели цветы и запели соловьи. «Карусель»! «Карусель»! Обожаемая «карусель»! Пусть от «убитого» игрока по-прежнему требуется убраться с полигона как можно быстрее, зато потом, спустя каких-то тридцать минут, он снова может вернуться в бой. Было бы очень обидно в самом начале игры напороться на деда и вылететь с Площадки. А так, «по карусели», всегда остаётся шанс вернуться и в отместку «пристрелить» обидчика.

На маленькой трибуне Киборг нажал на кнопку. За его спиной тут же загорелся широкий экран. Чаг сощурил глаза. По знакомым очертаниям легко узнать Площадку, точнее, её план. Уж сколько по ней побегано и поползано. За полтора тренировочных года успел облапать каждый камень и облазить каждую канавку. Ну уж теперь-то хватит тренировочных забегов. Воевать пора.

- Задача, как обычно, - захватить флаг противника, - не оборачиваясь, заговорил Киборг. - Флаг синих здесь, флаг зелёных здесь. «Рай», соответственно, по близости за пределами игрового поля.

Зелёный крестик вверху – флаг команды зелёных, противник, значит. Синий крестик, флаг команды синих, свой, внизу напротив. Пусть план Площадки и без

того хорошо знаком, но посмотреть ещё разок, уточнить где свои, где противник, лишним не бывает.

- Вопросы есть? – спросил Киборг.

Игроки возбуждённо загомонили, но вопросов не нашлось.

- Вот и отлично, - Киборг выключил экран. – Всем переодеться и вооружаться. На всё про всё у вас сорок минут. Новички! Не забудьте облегчиться.

Игроки поднялись с мест и нестройной толпой потянулись к выходу. Чаг, пока не отдавили ноги, быстро вскочил со складного кресла. Сиденье схлопнулось за спиной. От нетерпения чешутся руки.

- Ну что, Шнык, порвём зелёных, как Тузик грелку! – воскликнул Чаг.

- Как пить дать порвём! – Шнык поднялся следом. – Только, для начала, давай оденемся.

Как полноправному члену Высшей лиги Чагу полагается личный шкафчик в раздевалке. Борг штука тяжёлая. Таскать его каждый раз домой и обратно – никаких рук не хватит. Да ещё «Марка – 4-4» и разгрузка с боеприпасами. Чаг быстро нащёлкал на маленьком замочке четырёхзначных код и раскрыл дверцу. Вот он! Самая главная вещь в экипировке игрока Высшей лиги и пропуск на поверхность планеты.

Борг изобрели ещё самые первые колонисты. Космический скафандр штука через чур дорогая, да и степеней защиты в нём слишком много. Пусть борг совершенно бесполезен в открытом космосе, зато на поверхности планеты ему цены нет. За полторы тысячи местных лет поселенцы довели конструкцию борга до совершенства.

В основе защитного костюма прочная эластичная ткань борг, которая совершенно не пропускает тепло. Конструкторы вполне резонно решили, что гораздо легче изолировать тело человека от окружающей среды, нежели греть костюм при минусовых температурах или охлаждать при плюсовых. Единственное, что требуется от системы жизнеобеспечения – утилизировать выделяемое телом человека тепло. Ну и, конечно же, снабжать лёгкие кислородом.

Чаг любовно погладил макушку защитного шлема. Быстро скинуть футболку, лёгкие сандалии и шорты. Только в очень дорогих моделях предусмотрено специальное бельё, которое впитывает выделения тела. У родителей Чага на подобную роскошь денег нет. Напоминание Киборга сходить в туалет и облегчиться не шутка, а самое что ни на есть серьёзное предупреждение. Чаг вытащил из пакета нательную рубашку с длинными рукавами и кальсоны. Придётся обойтись комплектом из хлопка. Пусть не месяцы, но один день отходить вполне реально. Да! Ещё трусы снять. Правила требуют.

Чаг быстро облачился в обтягивающий комплект нижнего белья и осторожно, словно боясь разбить хрупкую вещь, залез в борг. Толстая молния застёгнута, защитный костюм закупорен наглухо. Хоть сейчас выбегай на поверхность и вали противников пачками. Но, лёгкие словно скованы тяжёлой цепью. Судорожно вздохнув, Чаг дрожащей рукой откинул прозрачное забрало и с облегчением втянул воздух. Во неряха! Так ведь и задохнуться можно.

Вчера вечером лично вставил в ранец жизнеобеспечения четыре баллона с кислородом. Включать подачу полагается только перед самым выходом на поверхность. Запас не ахти какой, часов на восемь. К тому же один из баллонов считается неприкосновенным запасом. За наплевательское отношение к правилам техники безопасности, за то, что подвергаешь собственную жизнь смертельной опасности, Киборг в раз из клуба вышибет. С него станется.

Ладно, мелкая оплошность устранена. Из глубин личного шкафчика Чаг вытащил разгрузку, или, более официально, разгрузочный жилет. Конструкция

предельно проста: на груди четыре кармана по два магазина каждый, на правом боку один большой под ещё четыре. Как говорит Киборг, патроны лишними не бывают. И последнее – игровой автомат «Марка – 4-4». Не будь пороховое оружие таким анахронизмом, любители пэйнтбола до сих пор гонялись бы друг за другом с газовыми пукалками.

Шкафчик закрыт, кодовый замок повешен обратно. Можно идти к шлюзу, но Чаг задержался возле большого зеркала. Борг мало напоминает космический скафандр. Быстрее, мягкий водолазный костюм. Округлый шлем плавно переходит в тело, шеи не видно. Обычно борги красят в контрастные цвета. В зелёный, например, чёрный или синий. Но для игровой модели, где заметность как раз лишняя, сделали небольшое исключение. Эх! Расцветка из тёмных и светлых оттенков красного была бы в самый раз. Но нейтральный серый цвет гораздо лучше синего или чёрного. Повернув голову вправо, Чаг любовался широкой синей полосой на плече – опознавательный знак, чтобы и свои не пристрелили и чтобы чужие не промахнулись.

- Что, красотка, любишься?

В широком зеркале отразился Шнык, ещё более массивный и неповоротливый в сером борге.

- Не люблюсь, а провожу последний осмотр, – деловито ответил Чаг.

- Да-а-а, – напыщенно протянул Шнык. – Не забудь кислородный шланг подсоединить.

Чаг улыбнулся. У борга нет выпирающих наружу кислородных шлангов. Этой шутке тысяча лет в субботу. Желая поддеть друга, Чаг ответил:

- Благодарю за предупреждение, уважаемый, но мой личный механик уже подключил кислородный шланг. Счёт на оплату я вам вышлю.

Ещё одна старая шутка, ответ на первую.

- Ладно, пошли, – Шнык отбросил маску напускной серьезности. – Оделись все. До выхода две минуты.

Выйти на поверхность гораздо легче и быстрее, чем войти. Давление воздуха снаружи и внутри ничем не отличается. Всего и нужно закрыть за собой внутреннюю дверь и открыть внешнюю. Прогонять воздух внутри шлюза и насыщать его кислородом не требуется. Важнее не пустить во внутрь царящую снаружи стужу. Минус сорок, всё таки.

Когда подошла их очередь, Чаг захлопнул забрало и включил подачу кислорода. За спиной чуть слышно загудел моторчик. По спине, рукам и ногам растеклась приятная прохлада. Просто стоять в отключенном борге уже тепло. А если пробежать сотню другую метров, то можно запросто свариться в собственном поту. Система жизнеобеспечения исправно забирает лишнее тепло. Дышать внутри борга легко, даже приятно, если бы не противный привкус. Загнанный под большим давлением в маленький баллон кислород отдаёт металлом. Но противный привкус ощущается от силы пару минут. Потом привыкаешь и больше его не чувствуешь. Чаг сощурил глаза, когда, придерживая дверь шлюза, вышел наружу под яркие лучи восходящего над горизонтом Дайзена.

Суровый Дайзен 2 по своему хорош. Красная долина, сплошь изрезанная холмами и расщелинами, убегает далеко на юг. Где-то там возвышается гора Дошар. Какой же она высоты, если даже с расстояния трёх сотен километров можно разглядеть её остrokонечную вершину? Чуть правее треугольная Щитовая гора, у подножия которой находится единственный на планете Космопорт имени Пилага. Маленькая шумная точка атмосферного челнока заходит на посадку. А на севере, разделив мир на две половинки, протянулся горный хребет – внешний край исполинского кратера Финдос.

Это каких же невероятных размеров был метеорит, если он оставил после себя исполинский кратер диаметром в 700 километров. Столица колонии

находится на северной оконечности кратера. Более того: все без исключения города и посёлки, рудники и заводы растянулись вдоль его источенных водой и ветром хребтов. За три сотни стандартных лет люди едва-едва освоили кратер. Остальная часть Дайзен 2 по прежнему пребывает в первозданном состоянии.

Площадка, самый крутой игровой полигон пэйнтбольного клуба, находится на южном склоне большой горы, в недрах которой укрыта столица планеты. Но склон настолько длинный и пологий, что скат в южную сторону заметить практически невозможно.

- Внимание! Синие! Ко мне! – раздался приказ Живучего.

Живучий, дед пэйнтбольного клуба, в обычной жизни охотно откликается на имя Зол Афрон. Сегодня он командует маленькой армией синих. Живучий, стоя на плоском валуне, нетерпеливо ждёт, пока игроки с синими полосками на плечах соберутся вокруг него. Перед началом большой игры Киборг уточнил правила, а сейчас командир изложит план сражения, который обязательно принесёт им победу над зелёными. Живучий не только чертовски живуч на поле боя, но ещё и великолепный командир. В настоящей армии ему бы командовать батальоном и лично водить солдат в атаку на укрепленные позиции противника.

Последние секунды перед боем самые длинные. Вот уж никогда бы не подумал, что минута может быть длиннее часа. План боевой операции как всегда прост и однозначен. Подразделения на исходных позициях ожидают приказ наступать. Ну а если без пафоса, то синие столпились на границе Площадки. В десяти метрах от ряда тонких пограничных столбов на высокой толстой трубе развивается синий треугольный флаг. Если до него доберётся хотя бы один зелёный...

Пальцы сжимают убойную «Марку». Пятки аж жжёт от нетерпения. Да когда же будет команда наступать?

План Живучего прост. Синие атакуют тремя группами. Две отвлекают внимание противника, третья штурмует флаг зелёных. Чаг воздел глаза к небесам. Было опасение, что Живучий оставит их со Шныком охранять флаг. Но обошлось – командир отправил их в одну из отвлекающих групп. А значит их ждёт головокружительный бег, стремительная атака и схватка с противником на просторах игрового полигона.

Было бы вообще здорово, если бы именно им удалось бы прорваться к флагу зелёных и сдёрнуть вожделенный кусок треугольного пластика. Новички и сразу такая удача.

Но! словно неприкаянная душа у границ рая, на задворках сознания бродит противная мысль: в отвлекающую группу Живучий отправил наименее ценное отделение. В реальности это значило бы, что командир отряда послал необстрелянных новобранцев на верную смерть. Хвала Великому Создателю! Пэйнтбол всего лишь игра.

- Шестое отделение. Вперед!

Долгожданная команда пнула под зад. Чаг сорвался с места. Пограничные столбы вмиг остались за спиной. Впереди маячит спина Гуся, командира отделения. Более тяжёлый Шнык громко топает сзади.

Как здорово, что сейчас зима. Когда на тебе борг, то по барабану, сколько градусов снаружи. Но при минус сорока чувствуешь себя приятней, комфортней. На самый худой конец моментальная смерть не грозит.

Бежать легко и приятно. Зимние морозы выжали из атмосферы всю влагу. На восточной части чистейшего небосклона во всю сияет великолепный Дайзен. Морозы и ветры утрамбовали выпавший снег. Присыпанный красной пылью наст скрепит, пытит, но держит. Камни, валуны и куски скал в изобилии разбросаны по игровому полю. Того и гляди споткнешься.

А вот и Река!

Игровую Площадку почти по середине пересекает сухое русло. Весной по нему проносятся тонны мутной воды, но сейчас оно засыпано снегом. Самое главное – во что бы то ни стало успеть перескочить на ту сторону. Противоположный берег манит низеньким скалистым порогом и пугает открытым пространством. Река – великолепный рубеж обороны. Либо они сходу проскочат её, либо застрянут на её берегах. Зелёные не дураки. Голову на отсечение – противник несётся во всю прыть с той стороны полигона, чтобы занять позиции на её каменных берегах.

Чаг с ходу подпрыгнул как можно выше и сиганул в заснеженное русло. Твёрдый наст взорвался под ступнями. Ноги по самую щиколотку ушли в пыльный снег. Тело по инерции пронесло вперед. Чаг ударился грудью о твёрдый наст. Автомат прищемил пальцы.

Ну как ребёнок. Ей богу.

Засорять радиоканал руганью категорически запрещено. Чаг, урча от напряжения, выполз на четвереньках на твёрдый наст и поднялся на ноги. Шнык, пользуясь его глупостью, вырвался вперёд и первым добежал до противоположного берега. А Гусь не только успел выбраться на ту сторону, но и скрыться за большими камнями. Чаг припустил со всех ног. Ещё только не хватало отстать.

Прыжок! Мелкий камешек выскользнул из-под левой ноги. Река, самый опасный рубеж, осталась позади. Но теперь они на территории врага. Нужно соблюдать предельную осторожность. А то можно запросто напороться на засаду.

- Внимание! – по радиоканалу долетела команда Гуся. – Переходим на шаг! Быть начеку!

Чаг тут же снизил темп. Передохнуть бы, вытереть пот, но левая рука напрасно прошлась по герметичному шлему. Что поделаешь, Чаг тряхнул головой, от гражданский привычек не так легко избавиться. А вот это хуже: приятная прохлада сменилась холодом. Система жизнеобеспечения работает с небольшим запозданием. Как только переходишь с бега на шаг, тело резко уменьшает выброс тепла. То, что ещё минуту назад было хорошо, сейчас слишком прохладно. Но – ничего. Не стоит обращать внимания, автоматика отработает как надо.

Пусть пэйнтбол всего лишь игра, но воевать их учили по-настоящему. Отделение выстроилось в колонну по одному. Между игроками не меньше четырёх метров. Чаг встал последним, значит ему смотреть за правой стороной. Но про тыл и прочие стороны лучше не забывать.

То ускоряя шаг на открытых местах, то обходя засыпанные снегом расщелины и осторожно выглядывая из-за больших камней, цепочка игроков быстро продвигается вперёд. Кажется, будто глаза вот-вот вылезут из орбит, а уши оторвутся от напряжения. Нервы. Нервы. Всё нервы! Малейший щелчок, и сердце, словно резиновый мячик, скачет в груди.

Отделение продвинулось в глубь Площадки на километр, почти половина игрового полигона. Эх! Вот так бы и до флагштока зелёных дойти. Но не судьба.

- Противник на 45 градусов! – пролетел по радио взволнованный голос.

- Отделение! К бою! Огонь! – тут же скомандовал Гусь.

Па-а-анеслась! Чаг дёрнулся влево под высокий валун.

Какое облегчение. Как будто тащил на себе тяжеленный мешок и, наконец-то, сбросил его с плеч. Чаг опустил на колено и прицелился. Метрах в пятидесяти мелькают силуэты игроков противника.

Очень важно первым открыть огонь. Тогда неожиданность, тогда противник несёт большие потери. В перекрестье прицела Чаг поймал ближайшую фигуру. Палец плавно нажал на спусковой крючок.

Автомат оглушительно грохнул. Приклад толкнул в плечо. Справа загремели выстрелы товарищей. Фигурка впереди рухнула на землю. Попал? Черта лысого!

Рядом о камень вжикнула пуля. Ответный огонь, слишком быстро, чёрт побери! И... И больше никого не видно. Игроки противника попадали на землю или укрылись за ближайшими камнями. Чаг заводил автоматом в разные стороны.

Вспышка справа. Палец утопил спусковой крючок. Выстрел. Что-то серое – выстрел. А там шевелится – ещё выстрел. Пуля за пулей Чаг упорно пытается подстрелить хоть кого-нибудь. Но... Не судьба.

По правилам игры, «убитому» полагается встать в полный рост, поднять руки высоко над головой и отойти в тыл метров на двадцать. И лишь затем, по кратчайшему пути, убраться с Площадки. Но нет никого! Хоть глаза сорви от натуги.

- Черт! - невольное ругательство сорвалось с губ.

И впрямь самое время поминать нечистого. Противники заметили друг друга одновременно. Подобное, хоть и редко, но бывает. Фактор внезапности показал язык как синим, так и зелёным. Сколько игроков у противника – не понять. Так можно воевать до бесконечности. Или дожидаться, пока тебя обойдут с флангов. Ещё одна пуля вжикнула в опасной близости. Нужно менять позицию. Пристрелялись, гады!

Чаг обогнул высокий камень и залёг на новом месте.

- Непоседа! Прикрывай! Остальные – отходим! – приказ командира отделения.

- Есть! – отозвался Чаг.

Стрельба справа тут же смолкла. Товарищи по отделению начали отход.

Сейчас полезут. Точно полезут. Раз противник прекратил стрельбу, значит, пользуясь складками местности, пытается уйти. Будут преследовать. На той стороне разом поднялось несколько сгорбленных фигур. На плече ближайшего горит зелёная полоска. Но Гусь не зря оставил его для прикрытия. Ну, сволочи, ловите! Чаг поймал в прицел ближайшего зелёного и плавно нажал на спуск.

Грохот выстрела разорвал напряжённую тишину. Зелёные опять рухнули на землю. Пусть Чаг один, но всё равно не даёт противнику просто так, безнаказанно, броситься в погоню. Но! Срочно сменить позицию. Сейчас за него возьмутся. Чаг дернулся под защиту камня. Снег рядом вспух маленькими фонтанчиками.

А-а-а! Сволочи! Ловите! Чаг подобрал под себя ноги и рывком перескочил за плоский камень рядом перед собой. За спиной вжикнули пули.

Кровь ударила в голову. Сердце бьётся, как сумасшедшее.

Опасно? Ещё как! Зато Чаг, скользя по снегу, проскочил через открытое пространство между камнями и скрылся за новым укрытием. А теперь ищите! Черти! Чаг затормозил ногой, развернулся на месте и высунул автомат наружу. Вовремя.

Классика. Одни бегут, другие прикрывают. Но и зелёные уроки не прогуливали. Несколько фигур опасно двинулись в обход. Ясно, сволочи, в клещи берут. Чаг, не целясь, нажал на спусковой крючок. Автомат задёргался в руках.

Щелчок, а выстрела нет. Во блин! Магазин пуст. Чаг отвалился под защиту камня.

- Непоседа! Пошел!

Гусь, ты мой дорогой!

- Есть! – отозвался Чаг.

Пустой магазин в подсумок, полный воткнуть. Чаг крутанулся на месте. Ногами оттолкнуться от камня и по снежку, по снежку, проскользнуть в тыл метра на три. А теперь рывок в мелкую расщелину. Чаг, стряхнув со шлема хлопья

снега, вскочил на ноги. Рядом щелкнула пуля, синие капли окрасили снег. Под ногами ещё одна. Над головой свистнула третья. А вот хрен вам!

Классика. Классика. Всё классика! Задача отделения – оттянуть на себя внимание противника. Но их слишком мало, чтобы организовать полноценную круговую оборону. Нужно уходить. Пока Чаг прикрывал товарищей, шестое отделение отошло метров на пятьдесят и теперь дружно прикрывает его. Так и есть! Проскочив мимо очередного камня, Чаг заметил серую фигуру с синей полосой на плече.

- Гусь! Непоседа прибыл! – отрапортовал Чаг.

- Отделение! В отрыв! Бего-о-ом!!!

Не снижая темпа, Чаг рванул дальше. Слева с земли подскочил Шнык. Друга легко узнать по массивной фигуре.

- Поворот! Девяносто! Бего-о-ом! – новый приказ.

Правильно. Правильно. Всё правильно! Отделение оторвалось от наседающего противника. Теперь бы затеряться на просторах Площадки, заодно продолжить выполнение задания. Но! Наглость – наказуема. Час расплаты пробил. Удача, как капризная девица, рано или поздно сделает ручкой. Чаг вырвался вперед и наткнулся на серые фигуры с зелеными плечами.

- Противник! Прямо! Контакт! – выкрикнул Чаг.

Рычажок переводчика на автоматический огонь. Чаг, упав на колени, резанул длинной очередью. А теперь в укрытие.

Чаг прыгнул вперед. Острые камешки царапнули грудь. Борг противно скрипнул, когда Чаг упал на барханчик снега. Инерция пронесла по насту. Ствол автомата вперед. Огонь. Огонь. Ещё огонь! Автомат задёргался в руках.

Щёлк. Магазин пуст. Да что ж они так быстро кончаются?!

Кувырок через левое плечо. Ранец жизнеобеспечения скрипнул на мелких камешках. Чаг задел тот самый валун, за которым хотел спрятаться. Рядом, разбрызгивая снег, защёлкали пули.

Голову вжать в плечи. Извиваясь всем телом, словно уж на сковородке, Чаг отполз за валун. Пустой магазин прочь. Из разгрузки полный. А теперь повоюем.

Чаг упал на живот и выставил ствол наружу.

Во засада – враг рядом. Ответные вспышки слепят глаза. Видно, как из автоматов вылетают стреляные гильзы. Пороховой газ черными тучками уходит в небо. Мелькают стволы, головы, руки, ноги. Чаг, стараясь экономить патроны, остервенело отстреливается короткими очередями. Достать. Достать противника! Заставить убраться под прикрытие камней и не дать, не дать стрелять в ответ.

Щелк. Магазин пуст. Да сколько ж можно?! Чаг отдёргнулся под прикрытие камня. Полный магазин как можно скорей. Но... Что за чёрт? В паре сантиметров щёлкнула пуля. Синие капли запачкали забрало. Тут же по спине, по ранцу жизнеобеспечения прошлась барабанная дробь.

Извернувшись всем телом, Чаг что есть сил дернулся в сторону. Вовремя! На прежнем месте маленькими фонтанчиками взорвался снег.

Во чёрт! Обошли с тыла. Как смогли? Игрок с зелёными полосками стоит на одном колени и уверенно, словно в тире, лупит прямой наводкой.

Ах ты гадина! Чаг дёрнул спусковой крючок. Но... Поздно.

- Вы убиты, - произнёс приятный женский голос.

Убит, как пить дать. В отчаянье Чаг несколько раз надавил на спусковой крючок. Но автоматика уже отключила «Марку». Блин! Противник об этом не знает. Цепочка фонтанчиков едва не чиркнула по ноге.

Чёрт!!! Это же больно! Чаг отбросил автомат в сторону и поднял руки над головой. Его убили, и с этим уже ничего не поделаешь. Следующая очередь запросто может полоснуть поперёк груди.

Пронесло! Зелёный задрал автомат вверх.

Но... Что это? Противник, как ни в чём не бывало, встал в полный рост и отправился по своим делам.

Горячка боя пульсирует в крови. Руки чешутся – так и хочется подобрать автомат, подбежать к противнику и разбить об его голову пластиковый приклад. Чтоб не повадно было. А потом, когда упадёт, добить ногами. Но воспоминания об адской боли удержали на месте. Получить очередь в упор ну ни как не хочется. Разум взял верх над эмоциями. Чаг опасно подобрал автомат, на всякий случай опять поднял руки как можно выше над головой и встал с утыканной синими кляксами земли.

Во засада – бой закончился. То тут, то там поднимаются игроки противника. У каждого на плечах сверкают зелёные полосы. Но... Где свои? Синие? А вон где...

За пределами Площадки, за чертой из тонких стальных столбов, шестое отделение собралось в полном составе. Как раз его одного и не хватает. Товарищи по игре вопросительно смотрят на него. Понятно: отряд выполнил поставленную задачу и пал смертью храбрых. Итог вполне предсказуем. Тяжело вздохнув, Чаг побрёл прочь с Площадки.

Эх! А как надеялся сорвать флаг зелёных... Победа. Слава. Какой успех для новичка... И почему переполненная эмоциями душа никогда не слушает холодных доводов разума?

- Молоток, Непоседа.

Радиоканал ожил, едва Чаг пересёк границу игрового полигона.

- Ты продержался больше меня на целую минуту, – Чаг узнал Шныка.

- Так что, это, я самый последний? – удивился Чаг.

- В точку! – радостно воскликнул Шнык. – Зелёных не меньше десятка. Они нас слопали. Схарчили. Окружили на триста шестьдесят градусов и пристрелили.

На борге друга блестят синие пятна. Да-а-а... Похоже, Шныку досталось по самое ни хочу. «Кровавая» цепочка наискось пересекает грудь. Ещё несколько отметин на ногах и на левом плече. Это же больно! Но Шнык держится очень даже ничего. Через прозрачное забрало просвечивает широченная улыбка до ушей.

- А мы, хоть кого-нибудь, пристрелили? – с надежной спросил Чаг.

- Не знаю, не видел, – огорчил Шнык. – Пока ты там геройски погибал, я остальных пораспрашивал. Но они то же никого с задранными лапками не видели.

- Хреново, – заметил Чаг.

- Да не грусти ты так! Для нас игра ещё не закончена. Пошли в «рай», – Шнык хлопнул Чага по плечу.

- Пошли, – Чаг повесил автомат на шею.

Самое обидное: не понять – пристрелил он хоть кого-нибудь или нет? Неужели пять полных магазинов, целых 150 патронов, и всё впустую? Разгромив шестое отделение, зелёные молча встали и ушли. Да нет, конечно же, болтают без умолку, но на своём радиоканале, куда синих не пускают по определению. Таковы правила игры. Те же правила предписывают «павшим в бою» топать в «рай» и ждать целых полчаса, прежде чем снова вернуться на поле боя.

Полчаса, тридцать стандартных минут – это много или мало? Смотри с чем сравнивать. Чаг на ходу поправил автомат. Отец, к примеру, очень любит зависать в туалете с ридером. Может запросто просидеть и тридцать минут, и сорок. Абсолютный рекорд, который однажды зафиксировала мама, один час две минуты. А на поле боя, тем более на таком крошечном, всего два на два километра, полчаса – это очень и очень много. Команда может вплотную подойти к победе, прижать противника к флагштоку, и всё равно проиграть.

Неторопливо шагая вдоль границы, друзья за десять минут дошли до места сбора. После горячки боя опять стало холодно. Аж мороз по коже. То ли система

жизнеобеспечения барахлит, то ли опять пресловутая задержка. Надо спросить, как-нибудь.

В «раю», за пределами Площадки, напротив флагштока, толкотня страшная. На камнях, на ящиках и прямо на земле сидит не меньше десяти человек. Это же, Чаг аж замер на месте от удивления, треть синих! А сколько ещё «убитых», огибая игровой полигон, бредёт к точке сбора? Ужас!

- Елы – палы! – ругнулся Шнык. – Это что же получается? Мы напрасно отдали свои драгоценные жизни во имя великой цели?

Стараясь не глядеть на друга, Чаг громко скомандовал:

- Компьютер! Общий радиоканал для находящихся в точке сбора команды синих.

Щелчок.

- нас порвали, как Тузик грелку! – произнёс чей-то очень злой голос.

- Мужики! Что за хрень? – Чаг громогласно вклинился в разговор.

«Покойники» дружно повернули головы в их сторону.

- А! Пополнение, – воскликнул чей-то голос. – Хреново дело, мужики. Совсем хреново.

- Мы, то есть центральный отвлекающий отряд, вышли прямо к флагу зелёных, – перебил чей-то голос, – но напоролись на сильную оборону.

- А мы, то есть главный штурмовой отряд, – продолжил третий, – угодили напрямиком в засаду. Вот – загораем. Знаешь ли.

- Двое или трое из ловушки выскользнули. Ушли. Они там, у флага зелёных, партизанят, – добавил ещё чей-то голос.

- В общем, мужики, хреново дело, – опять заговорил первый голос, наверно самый ближний игрок. – Во! Опять.

Даже сквозь шлем слышно, как в районе флага синих разгорается стрельба. Одиночные выстрелы всё чаще и чаще сменяются длинными очередями.

Действительно – хреново. Живучий, командир синих, бросил на штурм почти все силы. Для обороны флага оставил всего пятерых игроков. Но атака сорвалась. Чёрт! Так и проиграть недолго.

От дикого нетерпения хочется взвыть по-собачьи. Какие там полчаса? Последние двадцать минут показались длиннее двадцати лет. «Вылечить раны», соскрести с борга синие пятна, – минутное дело. Обычная краска сохнет быстро и не липнет. С пополнением боезапаса пришлось повозиться.

От нервного возбуждения дрожат пальцы. Гладкие патроны выскользывают из рук и падают на землю. Чаг распечатал очередной пластиковый контейнер с боеприпасами. Пять магазинов снаряжал целых десять минут. Для сравнения, в более спокойной обстановке вполне хватило бы трех. Но лучше бы провозился все двадцать – какое никакое, а занятие.

Игроки мучительно медленно покидают «рай». Отсидев тридцать минут, каждый срывается с маленького старта возле ряда тонких столбов и убегает на игровой полигон, где стрекотание автоматов давно слилось в сплошной гул. Смухлевать, скосить хотя бы пару секунд – невозможно. Небольшая модификация и компьютер борга надёжно фиксирует каждое попадание, тут же отрубает радиосвязь и клинит автомат. Металлические столбы по периметру Площадки следят за перемещениями игроков. Пока «убитый» не уберётся с поля боя, никакой связи с внешним миром. А чтобы вновь заработал автомат, нужно добраться до «рая» и отсидеть положенные полчаса. В общем, система контроля простая, но эффективная. Мухлевать, искать дыры – себе дороже. Гораздо проще играть по правилам: коль «подстрелили» – лапки кверху и вон с поля боя.

Вот, сопя от возбуждения, убежал Шнык. Но «убитых» в «раю» меньше не становится. На каждого «воскресшего» к точке сбора подтягивается парочка «мертвецов». Хреново дело. Очень хреново. Бой пульсирует совсем рядом с

флагштоком. То удаляется от него, то разгорается с новой силой чуть ли не у самого столба. Синим никак не получается отбить атаку зелёных и перейти в контрнаступление. Чаг, словно спортсмен на беговой дорожке, замер на старте с автоматом наперевес. Граница игрового поля тянет к себе. Манит. Как голодного кусок хлеба. Ну когда же?!

- Ваше время...

Чаг сорвался с места.

- истекло, вы можете вернуться в игру, - сообщил приятный женский голос.

В мгновение Чаг перескочил границу и выкрикнул во всё горло:

- Непоседа в игре!!!

- Понял. Левый фланг. Живо! – приказал Живучий.

Поворот налево, чуть не занесло. Чёрт! Через десяток метров пришлось встать.

С другой стороны, очень даже хорошо, что борги не имеют маскировочной окраски. Серый цвет великолепно выделяется на красном фоне. Впереди игрок, повернувшись боком, пугливо обходит огромный камень. Что-то здесь не так. Чаг присел на колени и поднял автомат.

Во засада! На плече игрока блестит зелёная полоса. Прорыв! Как пить дать прорыв. Зелёные почти прошли. Опоздай хотя бы на минуту... К черту! На полминуты. Противник обязательно взломал бы левый фланг.

Первое желание – рвануть вперёд и палить, палить во все стороны! Но Чаг остался на месте. Не нужно бежать, орать и пугать противника дикими воплями. Лучше как следует прицелиться. Тонкие линии сетки пересеклись на груди зелёного. Чаг плавно нажал на спуск, а потом ещё и ещё раз.

Попал? Точняк попал! Зелёный дёрнулся всем телом, повалился на огромный камень и, ничего не понимая, замотал головой. Наконец подстреленный нехотя встал в полный рост, задрал ручонки и побрёл в тыл. Чаг едва не задохнулся от восторга. Да-а-а! Высшая лига, большая игра и первая персональная победа. Но расслабляться ни в коем разе нельзя.

Сначала осмотреть местность. Так. Синие полоски на плечах игрока, который лежит за тем огромным камнем. Правее, прижимаясь спиной к валуну, сидит ещё один синий, автомат перезаряжает. А между ними... Дыра! Самая настоящая дыра. Вот где просочился зелёный. Заткнуть. Срочно заткнуть! Во что бы то ни стало заткнуть.

Чаг рывком вскочил на ноги и побежал к тому самому проходу между камней, через который ушёл зелёный. Большой палец сам передвинул рычажок переводчика на автоматический огонь. Сейчас от «Марки» потребуются вся огневая мощь.

Упав на колени, Чаг, как на санках, проехал по запылённому снегу и ударился плечом о высокий камень. Проход совсем рядом, только руку протяни. Упав на правый бок, Чаг высунулся из-за укрытия.

Во засада! Да сколько же вас? Длинной очередью Чаг резанул первого зелёного. Синие пятна перекинулись на борг второго, что крался чуть дальше. Но третий, зараза, успел упасть в низкую расщелину. Снаружи только задница.

Щелк. Что за чёрт? Опять пустой? Очередями патроны только влёт.

Чаг откинулся под защиту камня и перезарядил автомат. Пустой магазин в подсумок, полный на место. На всё пять секунд. В боевой обстановке побил собственный рекорд – вот что значит жизненная необходимость. Пора. Чаг снова высунулся в проход между камнями и ужом, отталкиваясь от стенок ногами, пополз вперёд на более удобную позицию.

Секунд тридцать в запасе есть. «Подстреленные» зелёные едва успели очухаться и двинуть с поля боя задрав лапки – отличная защита. Противник не будет стрелять по своим, пусть даже «мёртвым» товарищам. Вовремя! Чаг едва

успел соскользнуть в неглубокую ямку и выставить наружу ствол, как в его сторону застрочили сразу два автомата.

Хрен вам! Подавитесь, сволочи. Кругом высокие камни. Зелёным придётся либо пробираться через узкие проходы, либо прыгать с камня на камень. Второй вариант – самый надёжный способ свернуть шею. Чаг успел проскользнуть через проход между камнями и занять очень удобную позицию на развилке. Мелкая ямка весьма сомнительная защита, зато он разом контролирует несколько проходов. Быстрее Мирем станет колонией Дайзен 2, чем зелёные выкурят его отсюда. Стреляя одиночными, Чаг упорно не даёт зелёным высунуться.

Огонь. Огонь. Ещё огонь! Заменить пустой магазин на полный и снова огонь. Время сжалось до бесконечных рывков из стороны в сторону, скрип ствола о камень и шипения выброшенных на пыльный снег гильз. И вдруг разом смолкли все автоматы. В ушах зазвенела неприятная тишина.

- Игра окончена. Синие проиграли, - произнёс приятный женский голос.

Чаг вставил полный магазин, передёрнул затвор и вновь нажал на спусковой крючок. В ответ бесполезный щелчок. Игра действительно окончена. Тратить боеприпасы незачем. Красящие пули пригодятся в следующий раз. А на сегодня – всё. Чаг смачно стукнулся головой о снежный наст. Плотно сжатые зубы едва не треснули от напряжения и обиды.

Какая досада... Какая... Какая... Так надеялся выиграть самую первую большую игру. Как было бы круто начать карьеру в Высшей лиге с триумфальной победы. Но – не судьба. Всё, что остаётся: подняться с земли, отряхнуть с колен пыльный снег и направиться к поверженному флагу.

Далеко не у всех синих игроков железные нервы. Общий радиоканал взорвался потоками грязной ругани. Проигравшие разом выплеснули эмоции. В грубой мещанине слов и междометий ни черта не понять, да и не требуется. Чаг, постукивая прикладом по камням, поплёлся к поверженному флагштоку. Мимо, грубо столкнув в сторону, пробежал зелёный. Радует, сволочь. Спешит присоединиться к всеобщему веселью.

На открытом пространстве перед флагштоком творится буйное языческое действие, сатанинские пляски и всеобщее помешательство в одном флаконе. Зелёные скачут и трясут автоматами, как впавшие в глубокий религиозный экстаз дикари на старичке Миреме. Один из игроков прыгает выше всех и вертит над головой треугольным куском синего пластика. Ещё только из автоматов не пуляют. Не зря, однако, оружие заклинено. А то, чего доброго, перестреляли бы друг друга к чёртовой матери.

Как бы не хотелось проигравшим поскорей свернуть игру, но победителям нужно дать время насладиться заслуженной победой. Ну и пусть скачут, как сбежавшие из зоопарка бабуины. Чаг, стараясь не замечать прыгающих от радости зелёных, направился к точке сбора команды синих.

В противовес победителям, синие, как говорится, повесили носы. От общей кучи нахохлившихся игроков отделилась массивная фигура. По одной только тяжёлой походке легко узнать друга.

- Баста! Непоседа, - Шнык перешёл на приватный канал связи. – На сегодня нас поимели.

- Я и без тебя вижу, – раздражённо ответил Чаг. – Ты можешь объяснить, как оно так вышло?

- Увы! – Шнык развёл руками. - Могу и со всеми подробностями: зелёные большим отрядом проломали нашу оборону в центре. Я там был и получил пару пуль в пятую точку.

Шнык выразительно потер пострадавший зад.

- Ладно, - Чаг повесил автомат на плечо, - Будет и на нашей улице праздник.

- Вот что мне в тебе мне нравится, Непоседа, так это как ты умеешь смиряться с неизбежным, – воскликнул Шнык и тут же предложил, – Давай, сразу после разбора полётов, завалимся ко мне на обед. Я навоевал зверский аппетит. Назовём самый большой кусок свинины «Командой зелёных», разрежем его на маленькие кусочки и съедим. А для верности утопим их в бутылочке великолепного вина. Как ни крути, а сегодня у нас с тобой дебют.

Чаг невольно улыбнулся. Родителя Шныка владеют небольшим кафе на Зерновой улице. Что, что, а готовить мама Шныка любит и умеет.

- Давай, давай соглашайся, дурья башка, – Шнык упорно настаивает на своём. – Заодно папа поведаёт нам дивную историю о том, как вчера днём в «Пьяный горняк» завалился новоявленный Главный погонщик и за какой-то час нализался в сосиску.

- Да ну! – недоверчиво воскликнул Чаг.

- В хлам! – заверил Шнык. – В одну харю прикончил пару бутылок вина, а уж пиво не в счёт. Громогласно пообещал всех зеков прижать к ногтю. А потом отрубился прямо мордой в салат.

Рассказ о пьяной выходке нового начальника Глотки обещает быть весьма красочным, папа Шныка великолепный рассказчик. Да и пообедать не помещает.

- Ну-у-у, если за твой счёт, то давай, – согласился Чаг.

- Внимание! – на общем канале загредел голос Киборга. – Игра окончена. Всем игрокам вернуться в клуб. После собраться в зале для собраний для разбора прошедшей игры. Кто не придёт – очень много потеряет.

На разборе игры Киборг рассказал не мало поучительных подробностей о поражении синих. Торшер, командир зелёных, очень хорошо знает о большом пристрастии Живучего к стремительным атакам, на чём и построил собственный план. Зелёные не стали ломиться всей толпой к флагштоку синих, а организовали большую засаду на одном из возможных направлений атаки. Не иначе сама фортуна улыбнулась Торшеру: ударный отряд синих угодил точно в расставленные силки.

Вот куда, оказывается, убежал фактор внезапности. Первый же залп выбил половину атакующих. Потом, пользуясь численным превосходством, зелёные добились ударный отряд. Только Живучий, в очередной раз подтвердив собственное прозвище, сумел выбраться.

Шестое отделение, в котором воевали Чаг и Шнык, наткнулось на заградительный отряд зелёных и оттянуло на себя ещё один. Второй отвлекающий отряд синих сумел подойти чуть ли не до флагштока, но завяз в бою возле него. Когда заградительные отряды разгромили шестое отделение, то они быстро вернулись и ударили в тыл синим. Ну а дальше – дело техники.

Собрав все силы, Торшер навалился на флагшток синих. Как отметил Киборг: «Самое настоящее чудо, что синим удалось продержаться так долго и даже расширить плацдарм обороны». Но... Одного упорства малочисленных защитников оказалось мало. Торшер ещё разок обошёл Живучего.

Таранным ударом в центре зелёные проломил оборону синих. Не важно, что две трети атакующих «погибло» на месте. Один из зелёных добежал таки до флагштока и сорвал синий флаг.

Глава 5. «Передача власти».

Кассен Откен, новый Главный погонщик Глотки, вежливо постучался в дверь кабинета всё ещё действующего начальника тюрьмы и тут же вошёл. Угора Тсен, миловидная секретарша в голубенькой блузке, хлопая накрашенными глазками, с удивлением уставилась на него.

Ну конечно же! Весть о позавчерашней выходке в «Пьяном горняке» облетела всю Свалку. В субботу утром Откен очнулся у себя в номере, мягко говоря, в очень неприглядном виде. Аборигены ждали от него «продолжения банкета». Ан нет! Откен самым решительным образом взял самого себя за шкуру и вытряхнул всю дурь. На встречу с витусом Рекоу Откен явился в самом что ни на есть респектабельном виде: чёрная форма тюремного надзирателя тщательно выстирана и поглажена, ботинки сияют полировкой, а под глазами ни малейшего намёка на пьяный загул.

- Доброе утро, угора, - вежливо поздоровался Откен. - Могу ли я видеть витуса Рекоу?

Секретарша справилась с удивлением и мило прощебетала:

- Да, да, витус Откен. Витус Рекоу ждёт вас. Разрешите, я доложу.

Пока секретарша тыкала накрашенным ноготком в иконку вызова и ждала ответ, Откен посмотрел по сторонам. Не густо. Стены и потолок маленькой приёмной обиты большими листами светло-коричневой фанеры под дуб. Широкий стол, за которым восседает миловидная секретарша, небольшой сейф и даже маленький уютный диван для посетителей обделаны декоративными дощечками. На первый взгляд неказисто и просто, но на Свалке нет лесов. По местным меркам, древесина – роскошь. Её же за 19 световых лет везти надо. Только состоятельные граждане могут похвастаться деревянным столом в гостиной, или деревянным креслом-качалкой у телевизора. Так что приёмная начальника тюрьмы обделана дорого и шикарно. Может быть даже со вкусом.

- Прошу вас, проходите - пригласила секретарша. - Витус Рекоу ждёт вас.

- Благодарю, - ответил Откен.

Для приличия Откен постучал в дверь еще раз и, повернув деревянную ручку, вошёл во внутрь.

- Очень! Очень! Очень рад вас видеть! – витус Рекоу аж выпрыгнул из-за стола.

Для мужчины, который уже разменял пять десятков лет, витус Рекоу очень даже хорошо сохранился. Широкая лысина ни капли не портит его внешность, а наоборот – добавляет солидности. Округлое лицо и пухлые губы в широченной улыбке. Всё ещё действующий начальник тюрьмы светится от радости, как малыш при виде сладкой конфеты. Черт побери! Откен на мгновенье замер на пороге кабинета. Рекоу и в самом деле рад его видеть.

- Нет! Нет! Прошу вас! Давайте присядем вот сюда, – витус Рекоу показал на круглый чайный столик.

Откен без малейшего интереса пожал протянутую для приветствия мягкую ладошку и присел в глубокое кресло возле столика.

- Гафая, голубушка, будь добра, – витус Рекоу вызвал секретаршу. – Принеси нам кофе.

- Сию минуту, витус, - ответила секретарша и отключилась.

Пользуясь случаем, Откен осмотрел свой будущий кабинет – та же деревянная роскошь. Внушительный и тяжёлый рабочий стол целиком и полностью изготовлен из широких досок. Столешница, правда, не деревянная, а вполне современный электронный рабочий стол. Высокое окно наглухо закрыто плотными шторами. Административный корпус тюрьмы построен на поверхности планеты – единственное исключение для Свалки. Как не сложно догадаться, унылый пейзаж за стеклом не радует витуса Рекоу. Всё ещё действующий начальник Глотки уроженец Мирема. Стены кабинета обшиты почти такими же широкими листами фанеры под дуб, только более приятного оттенка.

- Очень и очень рад вас видеть, - витус Рекоу присел в соседнее кресло.

- Разрешите узнать, почему, витус? – как бы между прочим, продолжая играть роль вежливого посетителя, поинтересовался Откен.

Но витус Рекоу ответил прямо в лоб:

- Витус Откен, давайте не будем разводить светские разговоры с приятными лицами. Вы прекрасно знаете, почему я крайне рад вас видеть – срок моего контракта истёк ещё два года тому назад. То есть, - витус Рекоу на секунду задумался, - почти шесть стандартных месяцев тому назад.

Откен с трудом подавил презрительную улыбку. Этот лысый динозавр так давно живёт на Свалке, что окончательно перешёл на местное летоисчисление.

- Я целиком и полностью отмотал свой срок и с превеликой радостью отдам вам этот кабинет, тюрьму Глот и красавицу Гафаю в придачу. Только не пытайтесь затащить её в постель, – неожиданно предупредил витус Рекоу. – Она замужем. Женщин на Дайзен 2 не хватает. В припадке ревности её муж запросто может всадить вам нож в спину. Но это так, к слову.

С текущими хозяйственными и организационными делами, списками заключённых, финансами и прочими документами, вы разберётесь сами. Я передам вам код доступа.

Служебный дом освобожу дня через три – четыре. Завтра днём, на приёме у губернатора, официально передам вам полномочия начальника тюрьмы. А сейчас разрешите сказать вам то, что вы не найдёте ни в одной инструкции, ни...

Витус Рекоу умолк на полуслове. С лёгким стуком открылась входная дверь. В кабинет, соблазнительно покачивая гладкими бёдрами, вошла угора Тсен с металлическим подносом. Воздух наполнился приятным запахом кофе.

- О! Гафая! Ты – прелесть, – витус Рекоу повернулся к секретарше.

- Приятного аппетита, - угора Тсен ослепительно улыбнулась.

Секретарша ловко поставила на столик две чашки кофе, вазочку с сахарным песком и тарелочку печенья. Угора Тсен, бросив на прощанье любопытный взгляд, вышла из кабинета.

Откен проводил секретаршу глазами. Трудно поверить, но старик и в самом деле очень рад его видеть. Подобная встреча на самом Миреме за гранью фантастики. Если бы его и в самом деле повысили бы до начальника тюрьмы Антал, то старый пень витус Обол, прежний начальник, так бы от радости не прыгал. Быстрее всего он нацарапал бы на электронном столе код доступа и вышел бы из кабинета, шипя от злости и разбрызгивая ядовитую слюну. А этой довольный жизнью толстячок готов от радости запрыгнуть на чайный столик и станцевать стриптиз.

Едва сексапильная секретарша закрыла за собой дверь, как витус Рекоу вновь стал серьёзным.

- Так вот, витус Откен. Я знаю, что в Антале вы работали замом по безопасности. Но Дайзен 2 это не Мирем. Очень и очень далеко не Мирем.

В тюрьме Глот содержится около 50 тысяч заключённых. Персонал тюрьмы, включая миловидную Гафаю, всего 407 человек. На одного надзирателя приходится более 250 заключённых.

- Это ещё много, - возразил Откен. – В Антале на одного надзирателя приходится более четырёх сотен заключённых.

- Верно, - легко согласился витус Рекоу, но тут же добавил. - Один пастух справится и с тысячей баранов. Но здесь, в Глотке, сидят волки. Те, кто настолько агрессивен и неисправим, что заслужил право быть отправленным на Дайзен 2. Им нечего терять. Их уже лишили прописки на Миреме и выслали за пределы метрополии. Всё! Они на дне Падать дальше некуда.

Что верно, то верно: четвертую сотню лет метрополия исправно сливает на Свалку помои.

- Начальство на Миреме считает, что бежать заключённым всё равно некуда и доблестно игнорирует все мои мольбы увеличить штат тюрьмы. Да и не только

мои. Все, кто только занимал этот кабинет, как об стенку бились, но с тем же нулевым результатом.

В Глотке за полторы тысячи лет, то есть за три сотни стандартных лет, среди заключённых сложилась своя иерархия: авторитет, блатные, роботы, шавки и даже обиженные. Подробности вы узнаете у зама по безопасности. Сейчас от вас требуется понять самое главное: авторитет и блатные держат всю эту буйную братию в узде. Фактически они теневая администрация тюрьмы.

- Ну вы, блин, даёте! – от удивления Откен подался вперёд. – До такой степени потакать заключённым. Это слишком. Что дальше? Публичные выборы начальника тюрьмы?

На вполне справедливое замечание витус Рекоу отреагировал очень странно. Он не стал оправдываться или хамить, а виновато улыбнулся.

- И я, точно так же, считал, когда-то... - медленно протянул витус Рекоу. - Мы вынуждены потакать заключённым, освободить часть из них от работы, чтобы остальные исправно вкалывали, а рудник выдавал на гора план.

Витус Рекоу сделал пару больших глотков кофе, отломил половинку печенья и продолжил:

- Какой бы порочной не была существующая система, но на ней и только на ней держится порядок и работоспособность рудника. Я настоятельно, настырно, очень даже советую вам – не меняйте её. Не пытайтесь переделать её и даже трогать. У вас всё равно ничего не получится. Верхушка заключённых не будет работать из принципа. Для блатного, и тем более для самого авторитета, взять в руки лопату или отбойный молоток равносильно самоубийству. Его авторитет тут же разлетится в пух и в прах.

- Ну уж дудки, – возразил Откен. – Позвольте с вами не согласиться. Преступники должны работать. Все! До единого. Никаких поблажек и никаких привилегий.

Откен вновь с трудом сдержал себя. Так и подмигивает сказать этому блеющему идиоту что-нибудь резкое и очень гадкое.

- Превеликий Создатель. Неужели и я был таким горячим девяносто лет назад, – неожиданно произнёс витус Рекоу. – Точнее, двадцать стандартных лет тому назад.

Витус Рекоу прискорбно улыбнулся:

- Я ведь тоже пытался навести порядок, раздать блатным отбойные молотки, чтобы было как на Миреме. Но... Повторяю: здесь вам не метрополия, а...

- Знаю, знаю – Свалка, - зло отмахнулся Откен.

Витус Рекоу тут же подобрался, распрямил спину и тихо зашептал:

- Витус Откен, никогда. Вы слышите? Никогда не называйте Дайзен 2 Свалкой. Местные крайне не любят это... прозвище. Иначе у вас будут преогромные неприятности с персоналом. Они же сплошь аборигены. Вплоть до того, что булочник будет продавать вам позавчерашние булочки под видом свежих.

- Ну... Это мы ещё посмотрим, - ответил Откен.

Витус Рекоу залпом допил кофе. Забытая половинка недоеденного печенья осталась лежать на тарелочке. Всё ещё действующий начальник тюрьмы, даже не стараясь скрыть отчаянье, произнёс:

- Витус Откен! Прислушайтесь к мои словам. Завтра днём всё это хозяйство, - витус Рекоу широко развёл руками, - будет вашим. А вам тут ещё двадцать лет париться.

То ли от волнения, то ли от бессилия, начальник тюрьмы забыл про местный календарь и перешёл на стандартное летоисчисление.

- Ваш совет запоздал, - Откен злорадно улыбнулся. - Позавчера днём, в баре, какой-то зачуханный абориген из-за своей любимой Свалки полез на меня в драку.

От столь дерзкого признания витус Рекоу испуганно отшатнулся. В кабинете повисла напряжённая тишина. Витус Рекоу, резко сменив тему, спросил:

- Витус Откен, по себе знаю, добровольцем на Дайзен 2 никто не едет. А вы по какой причине подписали контракт?

Откен напрягся. Кровь прилипла к щекам, глаза сузились, а к горлу подкатил горький ком. Треснуть бы этого болвана по башке.

- Не ваше дело. Уважаемый.

Последнее слово прозвучало как грязное ругательство. Но на грубость витус Рекоу никак не отреагировал. Наверно и не рассчитывал на откровенный ответ.

Интерес к разговору окончательно пропал. Этот старый дурак не сказал ничего действительно важного или хотя бы интересного. Только расписался в собственной трусости и бессилии. Да ещё в душе покопаться удумал. Не! Ему точно следует треснуть по башке. Может тогда мозги заведутся.

- Надеюсь, у вас найдётся свободный кабинет с хорошим рабочим столом? - Откен поднялся из кресла.

- Да, конечно, - витус Рекоу встал следом. - Налево по коридору крайняя дверь под номером 78. Мы специально держим его свободным, так сказать, резервное рабочее место, на всякий случай. Пойдёмте, я провожу вас.

- Не стоит, - возразил Откен. - Раз все кабинеты в административном здании пронумерованы, то я и сам легко его найду. До свидания, - произнёс Откен. - Если что понадобится, я непременно свяжусь с вами лично.

- Всего хорошего, - витус Рекоу слегка поклонился.

Треснуть бы на прощанье дверью, чтоб смазливая секретарша подпрыгнула от испуга. Откен вышел в приёмную. Неужели и он сам через двадцать лет превратится в точно такого же слащавого идиота? Не бывать!!! Никогда! Лучше он перевернёт здесь всё с ног на голову. Точнее, наоборот - с головы обратно на ноги.

Дверь за спиной громко хлопнула. Пусть не настолько сильно, чтобы красавица Гафая испугалась, но достаточно, чтобы она нахмурила свои прекрасные глазки.

Глава 6. «Предупреждение».

- И почему каждый раз повторяется одна и та же история.

Тихо, почти про себя, прошептал Рекоу, когда витус Откен, долгожданный приемник, вышел из кабинета. Как прощальный салют, дверь хлопнула за его спиной.

За полторы тысячи местных лет сложилась «добрая» традиция: каждый новый Главный погонщик пытается сломать порочную систему взаимоотношений между заключёнными и администрацией тюрьмы, и так же, при первом знакомстве, хлопает дверью. Но без кардинальной перестройки всего института исполнения наказаний свернуть её невозможно. Она сложилась поперёк воли самых первых Главных погонщиков и за прошедшие столетия только доказала жизнеспособность, необходимость да и живучесть, если честно.

Больше 20 стандартных лет тому назад он сам точно так же обозвал про себя витуса Несота слащавым слабаком и приспособленцем. Точно так же вышел из кабинета и с треском закрыл за собой дверь. Тяжело вздохнув, Рекоу вернулся за рабочий стол.

Большое кресло мягкое и очень удобное. Электронный стол включён. В левом верхнем углу папка с входящими документами горит зелёным цветом.

Нужно бы её открыть и продолжить работу. За выходные, как обычно, набежала куча дел, но...

Рекоу откинулся на мягкую спинку кресла. Неожиданно нахлынуло чувство полнейшего безразличия. То, что ещё полчаса назад казалось важным и значительным, разом превратилось в ничтожное и мелочное. Заключённые, дисциплина, выработка, план... Сменщик прибыл. Менее, чем через сутки витус Откен получит всё это хозяйство. Чёрт с ней, с зелёной папкой со входящими документами.

Согласно всё той же «доброй» традиции, новый начальник Глотки пять – семь местный лет будет беситься, подгонять суровую действительность под строгие буквы устава, ругаться и обзывать губернатора нехорошими словами. Этим витус Откен никого не удивит и не обрадует. Все новые Погонщики заводились так. А потом махали на всё рукой и начинали тихо ждать, когда истечёт прописанный в контракте срок. Но что-то в витусе Откене настораживает. Понять бы ещё что?

Желание заниматься текущими делами пропало окончательно и бесповоротно. Рекоу развернулся на кресле спиной к рабочему столу. В конце концов сегодня у него последний рабочий день. Как говорят зеки в подобных случаях? С вещами на выход! Новый начальник мужчина в самом расцвете сил, высокий, мускулистый. Наверняка каждое утро бегаёт по десять километров и два раза в неделю посещает тренажёрный зал. К тому же злой, как пёс бездомный. Вот пусть и разбирается с журналом расхода кислорода и с количеством списанных арестантских роб. Лучше проверить ящики стола.

Но, едва Рекоу развернулся и вытащил верхний правый ящик, как тут же задвинул его обратно.

Вот оно что! Витус Откен злой. Очень злой. Он даже не пытается примириться с действительностью. Ещё ни один новый начальник тюрьмы не начинал жизнь на Дайзен 2 с грандиозной попойки в баре и с драки с простым шахтёром. Личная жизнь витуса Откена рассыпалась в прах, когда он подписал кабальный контракт. Знать бы ещё на чём его подловили. Впрочем, как раз об этом можно будет спросить губернатора на завтрашнем приёме.

К черту работу! Рекоу поднялся с кресла и вышел в приемную.

- Гафая, голубушка, - Рекоу остановился перед секретаршей. – Если что, я на обходе. Если кто будет настаивать, то я решил в последний раз проведать Профа.

- Фу! Витус, - угора Тсен сморщила симпатичное личико. – Сдался вам этот Проф. Я про него столько гадостей слышала. Говорят – он гей!

- Знаю, знаю, - Рекоу еда успел спрятать улыбку. – Но с моей стороны будет очень не вежливо не попрощаться со своим первым заместителем по теневой администрации.

Рекоу постарался обратить всё в шутку, но угора Тсен только махнула наманикюренной ручкой. В коридоре Рекоу обошёл стороной распахнутые двери лифта. Лучше в последний раз прогуляться по тюрьме пешком.

Странно? Рекоу вновь вышел в длинный общий коридор. Все эти бесконечные девяносто лет он как-то не обращал внимания на внутреннее убранство административного корпуса, да и на всю тюрьму в целом. Просто перемещался из пункта «А» в пункт «Б»: из лифта в кабинет, из кабинета в зал для собраний, из зала для собраний в столовую, из столовой обратно в кабинет. А ведь в административном корпусе Глотки много чего белого цвета: стены, потолки, даже пожарный щит на развилке покрашен белой краской. Под ногами мягко пружинит ковровая дорожка из дешёвой синтетики. Рекоу на миг остановился и потёр ее носком ботинка. Сколько же ей лет? За все эти годы он не подписал ни одной сметы по замене покрытия в административном здании. На

поворотах и перекрёстках с потолка глазают стеклянные полусферы видеокамер. Просто, казённо и скучно.

Пост №1, пара толстых решёток с маленькими дверцами отделяют мир заключённых от мира свободных жителей Дайзен 2. Пузатый надзиратель лихо выскочил из-за стола, но Рекоу только махнул рукой:

- Сиди. Я проведу Профа и сразу обратно.
- Как скажете.

Охранник изо всех сил старается сохранить деловой и сосредоточенный вид, но на его располневшем лице, как на экране хорошего телевизора, без труда читается вздох облегчения. Раз начальник тюрьмы решил прогуляться один, то, значит, точно не потащит за собой.

Пост №1 отделяет административные помещения от собственно тюрьмы. Немногочисленным работницам Глотки категорически запрещено даже приближаться к Посту №1. Та же угора Тсен, симпатичная секретарша, никогда не приближалась к стальным решёткам, и, дай бог, никогда не приблизится.

Несложное механическое приспособление между стальными решётками позволяет открывать маленькие дверцы только по очереди – ещё одна далеко не лишняя предосторожность. Рекоу отошёл от Поста №1 метров на десять, но остановился и обернулся.

Эти решётки заключённые пересекают дважды. Первый раз, когда прибывают в тюрьму. Второй, когда её покидают. Но для многих хватает и одного раза. По долгу службы ему приходилось бесчисленное количество раз проходить через эти двойные решётки. Но, к чему обманывать самого себя, он сам был не намного свободней одетых в красные робы заключённых. Они мотали свой срок в общих камерах по эту сторону, а он в комфортабельном кабинете с занавешенным окном по ту.

Заблудиться в жилой части тюрьмы невозможно. В параллельных коридорах дорогу найдёт даже слепой. Эскалаторы для перехода с уровня на уровень или пассажирский лифт заключённым не полагается. Рекоу спустился по бетонной лестнице на четвёртый уровень. В конце самого дальнего бокового прохода находится камера №491.

Самая знаменитая на весь Дайзен 2 камера находится не просто на самом нижнем жилом уровне, а в самом дальнем его конце. Дорожит собственной безопасностью авторитет, ещё как дорожит. Перед закрытым входом развалился здоровенный амбал. Кожа на гладко выбритом затылке собралась глубокими складками. Не зря подобных субъектов с прокисшими мозгами и накаченными мускулами называют быками.

Услышав шаги, амбал напрягся и резко обернулся. Глаза маленькие, тупые, но очень подозрительные. Узнав Рекоу, бык нехотя оторвал зад от металлической табуретки и с шумом отодвинул решётчатую дверь. Пропуска не потребовал, и то ладно.

Стандартная камера №491 рассчитана на двадцать заключённых, но живёт в ней всего десять человек. Лишние койки убраны. На свободном пяточке огорожен душ с персональным туалетом и оборудована мини-качалка: спортивная скамья со стойками и штангой, пара стеллажей с комплектом съёмных дисков и внушительный набор гирь. На толстом крючке висит боксёрская груша.

На спортивной скамье, кряхтя от натуги, под тяжёлой штангой, лежит ещё один бык из окружения авторитета. Ещё крупнее и толще первого у входа. Подняв штангу, бык с шумом уронил её на стойки и присел. Растопыренной пятернёй охранник смахнул с лица обильную испарину. На руднике быки не работают, делать им нечего, вот и качают мускулатуру сутки напролёт.

Подобных типов нужно держать в психушке на расслабляющих препаратах. Но суд, по неизвестным причинам, признал их вполне вменяемыми и отправил на

Дайзен 2. Наверно по соображениям экономии. Судьбой сосланных на Свалку многочисленные общественные организации Мирема не интересуются вовсе. За 90 местных лет ни один эмиссар так называемых борцов за права человека не появился в Космопорту имени Пилага.

У дальней стены в потёртом кресле из кожзаменителя сидит Тул Фудилов по кличке Проф. На авторитете стандартная для зеков красная тюремная роба, но тщательно постиранная и поглаженная. Заложив ногу за ногу, Проф держит в руке старенький ридер.

Недалеко от Профа, показывая всему миру тощий зад, на четвереньках ползает шестёрка. Авторитету по должности не полагается пачкать руки о разные там отбойные молотки, кувалды или, упаси господи, половые тряпки. Но кто-то должен каждый день мыть в камере пол и вытирать под коечками вездесущую пыль.

Профу больше шестидесяти стандартных лет. В молодости он работал в Институте фундаментальных исследований. Говорят, был талантливым физиком. Но... страсть к материальной стороне жизни погубила его. Тул Фудилов провернул грандиозную аферу. Через несколько влиятельных телеканалов раструбил на весь мир о грядущем создании генератора искусственной гравитации. Благодаря бешеной популярности ему удалось выбить из правительства аж несколько миллиардов виртов. Сумма громадная, в четыре раза больше годового бюджета Дайзен 2.

На Итаге, естественном спутнике Мирема, специально для него построили научно-исследовательский институт. Несколько крупных строительных компаний в кратчайший срок возвели целый посёлок и солидные промышленные мощности. Казалось... Вот! Вот! Ещё немного. И человечество, наконец, получил долгожданный генератор искусственной гравитации. Но...

В те же СМИ, что двумя годами ранее во всю расхваливали Тула Фудилова, просочились слухи о финансовых махинациях при строительстве научно-исследовательского комплекса. Телезрителей особенно позабавило кресло витуса Фудилова, за которое, согласно предъявленным документам, заплатили аж 100 тысяч виртов налогоплательщиков. Вслед за сенсационными телепередачами на Итагу десантировалась парламентская комиссия и такое там накопала.

Никаких исследований Тул Фудилов не вёл в принципе, только создавал видимость. Зато активно ворочал громадными суммами, выделенными на генератор искусственной гравитации. За солидные откаты распределял строительные подряды и закупки. На Миреме Фудилов построил прекрасный особняк в три этажа и с шестью туалетами и одной сауной. Солидными взятками сумел подмазать не только высших чиновников Института фундаментальных исследований, но и политиков в администрации президента.

Скандал вышел грандиозным. Рекоу был в то время молодым надзирателем тюрьмы Камшбот и смотрел судебные разбирательства по делу Фудилова, как лихо закрученный детектив. После оглашения приговора на Свалку отправили самую образованную за всю историю Дайзен 2 партию заключённых. И вот, став начальником Глотки, Рекоу нашёл здесь чёрную легенду финансового мира.

Великий Создатель наделил Фудилова могучим умом и великолепными организаторскими способностями. Проф быстро взобрался на вершину уголовной иерархии. Срок его заключения истёк семь стандартных лет тому назад. Фудилов вполне мог бы выйти на свободу, но авторитет предпочёл остаться. Ну не дурак же он менять потёртое кресло тюремного авторитета на лом и лопату бесправного работника на далёкой ферме на южной оконечности кратера Финдос. И таких как он за долгую историю Глотки накопилось больше двух тысяч. Именно этот контингент вечных заключённых составляет теневую администрацию тюрьмы.

Рекоу подошёл к Профу и нарочно громко произнёс:

- Добрый день, Проф.

Авторитет оторвал взгляд от ридера.

- А-а-а! Добрый день, гражданин начальник. Прошу вас – присаживайтесь, - панибратским тоном предложил авторитет.

Проф ведёт себя так, словно он здесь самый главный. Хотя, нужно признать, так оно и есть. С Профом вполне можно разговаривать, если не обращать внимания на его словесные понты и непристойные жесты.

Рекоу осторожно присел на коечку напротив кресла и спросил:

- Проф, ты слышал о новом Главном погонщике?

- Конечно, - ответил Проф. – Пару дней назад его с метрополии скинули.

- Тогда, может быть, ты слышал о его выходе в «Пьяном горняке»?

- О-о-о! – притворно удивился Проф. – По Глотке уже анекдоты ходят.

Ещё одно правило, которое вовремя не успел усвоить витус Откен: Дайзен 2 подобен маленькому глухому городку, где слухи и сплетни разлетаются быстрее официальных сообщений. Да и верят им больше. Заключённые ещё в глаза не видели нового начальника, но уже составили о нём весьма нелицеприятное мнение. Трудно будет витусу Откену, ох как трудно.

- Тогда, ты должен знать, что он собирается с вами сделать, - не спрашивая, а утверждая, произнес Рекоу.

- Ну-у-у, не он первый, не он последний, - неопределённо ответил Проф. – Ты и сам, в своё время, пытался всучить мне отбойный молоток.

Рекоу поморщился. Было дело. До сих пор крайне не приятно вспоминать об этом.

- Можешь считать меня паникёром – мне уже фиолетово, – заявил Рекоу. – Я разговаривал с витусом Откеном полчаса назад. Он очень, ты слышишь, очень мне не понравился. Этот верзила с накаченными бицепсами под самую макушку набит злостью. У него внутри всё кипит и пенится. Того и гляди – рванёт, как атомная бомба. Его жена бросила.

- Так это ж со всеми так! – авторитет едва не подавился смехом. – И тебя жена бросила, и меня. Вон! Даже губернатор, самая жирная лягушка в нашем болоте, и тот на Свалку холостяком прилетел.

- Всё это так, - легко согласился Рекоу. – Я отстал от тебя, когда женился. А витус Откен ещё не пережил развода, ещё не смирился с неизбежным и ещё не нашёл другую женщину. С аборигенками он уже поссорился, заочно. От воздержания, понимаешь...

- А ты откуда знаешь? – недоверчиво спросил Проф.

- Психология является важной и неотъемлемой частью обучения тюремного надзирателя, - словно цитируя учебник, ответил Рекоу. – Чем в более скверном расположении духа находится человек, тем легче понять его сущность. Я, вообще-то, с тобой попрощаться пришёл. Ну не могу же я напоследок не проведать своего первого заместителя по теневой администрации.

Проф широко улыбнулся. Авторитет падох на лесть.

- Так что, Тул Фудилов, не кашлять тебе, – Рекоу поднялся с койки.

Проф, стрельнув глазами на ползающего под ногами шестёрку, неожиданно спросил:

- Зачем вы меня предупредили?

Тюремная жизнь с её вечными интригами не на жизнь, а на смерть приучила Профа искать подвох во всём и подозревать собственное отражение в зеркале.

- Это моя благодарность, Проф. Спасибо тебе, что все эти двадцать лет держал Глоту за глотку, - неволью скаламбурил Рекоу. – Да и месть, куда уж без неё. Витус Окрен слишком громко хлопает дверью. Ну всё. Удаче тебе.

Теперь можно уходить с чистой совестью. Авторитет так и остался сидеть в потёртом кресле, но ридер в руки не взял. Проходя мимо охранника у входа, Рекоу недовольно покосился на короткую дубинку на поясе быка.

Если к обычной металлической трубке приварить пять коротких толстых пластин, а рукоятку для удобства обмотать тканью или кожаным ремешком, то получится очень страшное холодное оружие. Нож или заточка для тупого быка оружие слишком умное. А вот дубинка с торчащими во все стороны убийными пластинами – в самый раз. Рекоу отвернулся. За 20 лет ни раз и не два приходилось подписывать липовые отчёты о несчастных случаях, когда на проверку очередной труп оказывался густо утыканным характерными прямоугольными ранами. Но – судьбой зеков никто не интересуется. Далёкий Мирем больше волнует поставки меди, никеля, кобальта, а не судьба сосланных на Свалку отбросов. Изувеченные трупы уходят в ненасытное жерло тюремного крематория, где вместе с бранным телом сгорает правда и справедливость. И... ничего в этой жизни не меняется.

По тюремному уставу холодное и тем более электромагнитное оружие категорически запрещено. Чтобы не провоцировать заключённых, надзиратели не носят даже баллончики со слезоточивым газом. А на деле? Если быки не стесняются начальника тюрьмы, то страшно подумать, какие арсеналы запрятаны у зеков в мастерских, в камерах под полом и, особенно, в бесконечном лабиринте медного рудника.

Рекоу вышел из камеры №491. В любом случае, дубинка на поясе охранника уже не его забота. Если новый Главный погонщик настолько крут, как заявляет, то пусть попробует отобрать у тупого быка с накаченными ушами его любимую игрушку.

Не останавливаясь, машинально кивая на приветствия заключённых и надзирателей, Рекоу быстро дошёл до приёмной своего кабинета.

- Гафая, голубушка, – Рекоу остановился возле секретарши. – Тебе обязательно нужно сменить работу.

- Вы меня увольняете? – угора Тсен удивлённо захлопала глазками.

- Ну что вы! Да как я могу? Сегодня у меня последний рабочий день. Как раз сейчас начну паковать чемоданы.

- И на прощанье решили меня уволить?

- Нет! Что вы! Конечно нет. Только, – Рекоу опёрся ладонями о столешницу и доверительно наклонился к секретарше. – В воздухе запахло жареным, милая моя. Витус Откен может выкинуть такое, такое, от чего в Глотке сначала будет очень жарко, а потом очень холодно. Я всего лишь горю желанием предостеречь вас.

- Ах! Это, – угора Тсен расслабленно рассмеялась. – Благодарю вас за заботу, витус, но, я думаю, витус Откен перебесится и всё будет как прежде.

- Да будет на то воля Великого Создателя, – Рекоу печально вздохнул. – Тогда отмени все запланированные на сегодня дела. Если кто будет спрашивать, то можешь прямо так и сказать: старый Погонщик стойло сдаёт, а новый принимает – им обоим некогда.

Рекоу зашёл в кабинет и аккуратно закрыл за собой дверь.

Глава 7. «Разговор с губернатором».

Кресло для посетителей в приёмной губернатора большое и мягкое. Так приятно прислониться к высокой спинке и положить руки на широкие подлокотники... Выспаться можно, не хуже, чем в собственной кровати. Но Рекоу не до комфорта.

Часы над столом секретарши показали 9:45. До официальной передачи полномочий осталось всего пятнадцать минут. В приёмной вот-вот появится витус Откен. Рекоу специально прибыл на полчаса раньше, чтобы поговорить с губернатором с глазу на глаз. Но витус Гажан как обычно изображает из себя крайне занятого государственного деятеля и всё никак не может его принять.

Да-а-а. Тяжело общаться с человеком, который страдает манией величия, да ещё и в самом деле облечён большой властью. Да какие у него дела? Сидит за столом и «лечится» после вчерашнего. Витус Гажан прикладывает к бутылочке каждый день. Удивительно, как за двадцать восемь местных лет он умудрился не спиться окончательно?

На столе секретарши запищал сигнал вызова.

- Витус Рекоу, - угора Равер, блондинка с тонкими холёными ручками, секретарша губернатора, ослепительно улыбнулась, - прошу вас. Витус Гажан вас примет.

Рекоу, стараясь скрыть раздражение, с трудом выбрался из глубокого кресла. Часы над головой сексапильной угоры Равер показывают 9 часов 51 минуту.

- Разрешите? – Рекоу открыл дверь в кабинет губернатора.

- Да. Да. Прошу вас.

Витус Гажан сама любезность: слащавая улыбка, розовые щёчки, сверкающие от радости глаза. Губернатор ростом невелик, но больно худ для столь солидной должности. Деловой костюм мешком висит на его тощих плечах. При всём при том губернатор обожает плотно покушать и особенно выпить. И, конечно же, никогда не отказывается от приглашений на торжественный обед или деловой ужин. Ещё бы – пожрать на халяву.

Стол губернатора девственно чист. В воздухе витает аромат вина. Окно распахнуто настежь. С высоты третьего этажа видны треугольные вершины ёлок на Площади пионеров. Витус Гажан так часто «лечится» в своём кабинете, что запах спиртного пропитал мебель и мягкую обивку стен.

- Присаживайтесь, – витус Гажан показал на кресло возле стола. – Чем обязан столь раннему визиту?

- Любопытство, уважаемый, любопытство, – Рекоу присел в кресло для посетителей. – И только вы можете мне помочь.

- Ну что вы! – витус Гажан театрально всплеснул руками. – Вы явно переоцениваете мои скромные возможности.

Не прошло и месяца, как тюремные медики подняли из льда витуса Гажана, как Рекоу раскусил характер нового губернатора: очередной неудачник, любит власть больше, чем заслуживает, но по-особому. Витус Гажан обожает внешние проявления высокой должности, промариновать посетителя в приёмной хотя бы пять минут без всякой причины из той же оперы. Манипулировать таким типом легко. Главное удовлетворять его глупые амбиции и нелепые пристрастия. Словно играя второстепенную роль в театральной постановке, Рекоу произнёс:

- Уважаемый, это вы себя недооцениваете. На вас колония держится. Если вы не сможете мне помочь, то уже никто не сможет.

- Хорошо, - витус Гажан упёрся локтями в столешницу. – Что вы хотите знать?

Дозрел. Губернатор потешил самолюбие, убедился в собственной незаменимости и дошёл до более обстоятельного разговора.

- Видите ли, - осторожно заговорил Рекоу. – Витус Откен. Мне... очень хотелось бы знать, за какие грехи или провинности его отправили к нам?

Витус Гажан хитро улыбнулся. Он, как губернатор колонии, как исполнительная, законодательная и судебная власть в одном лице, обладает доступом ко всем личным делам. И, конечно же, не упустил случая покопаться в грязном белье нового начальника тюрьмы.

- Да. Я читал личное дело витуса Откена, - губернатор до последнего тянет удовольствие. - И мне известно, по какой причине его сплывили к нам...

Рекоу внутренне напрягся. Неужели подтвердится одна очень плохая догадка. Витус Гажан опять хитро улыбнулся и резко выпалил:

- За рукоприкладство!

Проклятье! Рекоу сжал кулаки. Хуже и быть не может. Губернатор, весьма довольный произведённым эффектом, расслабленно откинулся на спинку кресла.

- Обычное дело, витус Рекоу, - продолжил губернатор. - Тюремный надзиратель дал по морде через чур бойкому заключённому. Витус Откен мужик горячий, вспыльчивый, к тому же физически сильный, говорят. С него станется. В иной ситуации инцидент замяли бы и все дела. Подумаешь, заключённый упал с лестницы и слегка ушибся. С кем не бывает. Но! По причинам, о которых мы можем только догадываться, витус Обол, начальник тюрьмы Антал, дал делу ход.

Витус Гажан обожает рассказывать гадости о подчинённых. Не гнушается собственными домыслами. Как раз чрезмерная болтливость и купила ему билет на Свалку.

- Витусу Откену, даже в самом худшем случае, разбитая морда зека сошла бы с рук. Управление наказаний не любит выносить сор из избы. Но! На его беду Управление ухватилось за эту безделицу, пустяк, как хватается за соломинку утопающий в бурном море. Догадываетесь почему?

- Искали мне сменщика, - ответил Рекоу.

- В яблочко! - воскликнул витус Гажан. - С добровольцами у нас того, не густо. Точнее, их вообще нет. Да ещё знаменитое проклятье. Вот и разыграли перед гордым, но наивным Кассеном Откеном целое представление. Как же! Такой позор! Бить заключённого! Честь мундира! Нарушение прав человека! Ну, вы сами знаете, как это делается. А он взял, да клюнул.

Рекоу молча кивнул. Знакомый сценарий.

- Дело вывернули так, будто витус Откен только тем и занимается, что целыми днями шляется по тюрьме и лупит заключённых. За такое отношение к службе и на Свалке в красной робе оказаться недолго. И тут, в самый критический момент, ему предложили... повышение. Не в его интересах было отказываться и проявлять характер.

Витус Гажан мелко захихикал, как мальчишка, который подложил на стул старшей сестре острую кнопку. Подобным образом «повысили» всех руководителей Дайзен 2. В том числе и самого губернатора. Но...

Рукоприкладство - это очень и очень плохо. Лучше бы витус Откен попался на коррупции, или переломал бы ноги на скользких ступенях карьерной лестницы. Теперь ясно, откуда в нём такой заряд злости. Так умеют злиться только честные люди с сильным, несгибаемым характером. Чёрт побери! Это ещё хуже.

- Да! Кстати! О проклятии, - вспомнил витус Гажан. - Уважаемый Рекоу. Через десять минут вы станете совершенно свободным человеком. На Мирем, возвращаться, думаете?

Вопрос застал Рекоу врасплох. Но тут на рабочем столе губернатора замигала иконка вызова.

- Да, голуба! - ответил губернатор.

- Витус Гажан, - отозвалась секретарша, - к вам прибыл витус Откен. Впускать?

- Пусть немного подождёт, - ответил губернатор.

Рекоу скосил глаза на электронный стол витуса Гажана. Часы в правом верхнем углу показывают 9 часов 59 минут. Точность - вежливость королей, и не только.

- И всё же, уважаемый, - губернатор сладко улыбнулся, - вы собираетесь возвращаться на Мирем или нет?

Рекоу, едва не прикусив нижнюю губу, совершенно искренне ответил:

- Не знаю, витус Гажан. Не знаю. Нужно подумать. Посоветоваться.

Губернатор опять хитро улыбнулся.

- Думайте. Думайте, уважаемый. А сейчас давайте поскорей покончим с формальностями. Голуба! - губернатор ткнул пальцем в иконку вызова секретарши. - Загоняй нового Погонщика.

Работать витус Гажан не любит, о чём прекрасно знает вся колония. Оно и к лучшему. Рекоу молча поблагодарил Великого Создателя. Как раз сплетничать губернатор любит и даже очень. Раскрывать перед заядлым подлецом душу - упаси господи.

Глава 8. «Бегство со Свалки».

От резиденции губернатора до служебного домика рукой подать: пять минут прогулочным шагом по Площади пионеров. С формальностями разобрались быстро. Взаимное представление, ознакомление с приказом, неразборчивые подписи в официальных документах, и всё - витус Откен полноправный начальник тюрьмы Глот. Рекоу, наконец-то, сбросил с себя эту каторгу.

Радоваться бы надо. Носиться с диким воплями по Площади пионеров, скакать на одной ноге и целовать встречных девушек. А потом завалиться домой, закатить грандиозную пирушку и пропить к чёртовой матери все сбережения! Но... Не так. Совсем не так казалась когда-то долгожданная отставка. На душе грустно и муторно. Даже на красоток не тянет. Что-то здесь не так. На хорошо знакомый путь до служебного домика Рекоу потратил больше десяти минут.

- Здравствуй, дорогой.

Аттелия, супруга, вышла в прихожую, едва Рекоу захлопнул входную дверь.

- Здравствуй, дорогая, - рассеяно отозвался Рекоу.

- Ну как? Тебя можно поздравить?

- С чем? - Рекоу замер по среди прихожей с снятым ботинком в руке.

- Ну ты даёшь, - удивилась жена. - Самый главный заключённый Глотки наконец-то откинулся.

- А! Ну да. Было дело, - Рекоу одел домашние тапочки.

Шлепая по ступенькам, Рекоу поднялся на второй этаж в гостиную. Аттелия, чувствуя неладное, пошла следом.

- Что такой не весёлый? - спросила жена.

Рекоу присел на диван и выглянул в окно. Привычный вид зелёных елей и запах свежей хвои успокаивает. Как и резиденция губернатора, служебный домик начальника тюрьмы находится на Площади пионеров.

- Дети дома? - спросил Рекоу.

- Уже дома, - супруга присела рядом. - Тоссан вернулся из школы за пять минут до тебя. Апилия, как обычно, учится у себя в комнате.

Ученики начальной школы обязаны посещать уроки. А вот студенты, как почти взрослые, пользуются некоторыми поблажками. Апилия, старшая дочь, предпочитает изучать теорию дома. В институт она ходит только на практику, зачёты и экзамены.

- Это хорошо, - заметил Рекоу. - Будь добра, позови их. Дело есть.

Но дети, услышав голос отца, сами вышли в гостиную.

- Привет, пап, - Тоссан подошёл ближе и протянул руку для приветствия. - Поздравляю тебя с окончанием срока.

- Спасибо, сынок, спасибо, - Рекоу пожал протянутую руку.

Апилия, стрельнув глазами в его сторону, ограничилась короткой фразой:

- Поздравляю тебя, отец.

Старшая дочь, всем своим видом показывая недовольство, присела в широкое кресло напротив. Подчёркнутое отчуждение, словно вежливый отказ в приёме на работу, раздражает. А вот Тоссан наоборот – придвинулся ближе. На миг в гостиной повисла напряжённая тишина. Через распахнутое окно долетает шум проезжающих мимо машин, прохожих шаги и обрывки чужих разговоров.

- И так, семейство, - Рекоу стукнул кулаком по мягкому подлокотнику. – Срок моего контракта истёк. Официально я уже не Главный погонщик.

Так хочется умолкнуть на полуслове и спрятаться от навалившейся проблемы, как страус головой в песок. Только это не выход.

- Что, будем, делать, дальше? – разделяя слова, спросил Рекоу. – В любом случае, этот прекрасный домик нам нужно освободить через неделю максимум.

- Я никуда не поеду! – тут же рванула дочь. – Мне и здесь хорошо!

С места и сразу в карьер. Рекоу в отчаянье опустил глаза.

Серьёзный разговор назревал давно. До последнего времени он лениво тлел, лишь изредка выбрасывая яркие искры. Но, едва транспортник №419 привёз сменщика, как серьёзный разговор вспыхнул ярким пламенем. Камнем преткновения, яблоком раздора стал вопрос возвращаться на Мирем или нет?

Больше двадцати стандартных лет тому назад его отправили на Дайзен 2. Уже здесь Рекоу познакомился с Аттелией Липадос, начальницей Управления здравоохранения. У них нашлось много общего: обоих сослали на Свалку, у обоих с треском развалились первые браки и оба, не смотря ни на что, хотели вернуться домой. Не прошло и года, как они поженились.

Контракт Аттелии истёк шесть местных лет тому назад, или год с небольшим по стандартному календарю. Наконец, с прибытием нового начальника Глотки, они окончательно освободились и уже ничто не держит их на этой планете. Но! Возвращению на Мирем воспротивились дети. Если младший сын всё время мялся, думал и никак не мог согласиться, то старшая дочь взметнулась на дыбы. Они родились и выросли здесь. Каким бы жалким и убогим не был бы Дайзен 2, но он их родина.

Пока окончание контракта маячило где-то там далеко, по ту сторону кратера Финдос, Рекоу особо и не думал о возвращении. Как-то само собой подразумевалось, что они вернутся на Мирем. Но! Когда назначенный срок наконец-то истёк, а с метрополии вот-вот должны были прислать сменщика, Рекоу всё чаще и чаще стали посещать сомнения.

Проклятие Свалки? Может быть. За 92 местных года они практически выросли в эту планету. Какой бы маленькой и убогой не была колония на Дайзен 2, но здесь Рекоу, да и Аттелия тоже, уважаемый человек. К тому же весьма состоятельный, по местным меркам, разумеется. Он водит знакомство с администрацией колонии, а несколько местных бизнесменов ни раз и не два намекали, что готовы принять его на ответственную и хорошо оплачиваемую должность. Даже если он уйдёт на пенсию, то всё равно сможет жить ничуть не хуже, чем сейчас. Одно дело пенсия в 500 виртов здесь, и совершенно другое дело на дорогом Миреме. На Дайзен 2 можно шиковать, раз в неделю кутить в ресторане. На метрополии скромно жить и раз в год выбираться на недорогой курорт у теплого моря или океана.

У супруги ситуация один в один. Шесть местных лет тому назад Аттелия передала Управление здравоохранением сменщику, но осталась работать его первым заместителем. Её то же все знают и уважают.

Если посмотреть по-другому, то двадцать стандартных лет – очень большой срок. Их личные связи на Миреме давно растаяли. Престарелые родители ушли в лучший мир, а сын от первого брака благополучно вырос и обзавёлся собственной семьёй. Да и сбережения, по меркам Мирема, не такие большие.

Если Великий Создатель подарит им крупицу своего божественного внимания, то им удастся купить какой-нибудь не очень задрипанный коттедж в каком-нибудь условно престижном жилом поясе. Детям придётся вживаться в абсолютно новую среду обитания и ускоренными темпами навёрстывать пропуски в учёбе. Перелёт на Мирем займёт не меньше 5 стандартных месяцев.

Есть над чем подумать. Чаши весов заколебались. Возвращаться на Мирем или нет – не понятно. Было непонятно, пока вчера утром не познакомился с новым начальником Глотки. Великий Создатель есть и он обращает внимание на творения свои.

- Апилия, доченька... Великий Создатель всё видит! Ни что не ускользнёт от всевидящего ока его. До вчерашнего дня я и сам не знал, как нам быть дальше, – как можно более выразительно произнёс Рекоу.

- И что же такое эдакое произошло вчера? – с вызовом спросила Апилия.

- Вчера утром я познакомился со своим приемником.

- А! Дебошир и алкоголик, – перебила Апилия. – Перебесится и будет как все.

Рекоу тяжело задышал. Лишь бы не взорваться... Лишь бы не взорваться... Родная дочь, всё таки. Рекоу разжал нервно сжатые кулаки. Во что бы то ни стало нужно вразумить упрямую дочь. Лишь бы не взорваться...

- Специально для тебя опушу подробности – в воздухе запахло жареным.

- У мамы что-то подгорело? – Апилия, будто не понимая фигурального выражения, заводила носом.

Дочь упорно старается разозлить его и вывести из равновесия. Не поддаваться на провокацию. Ни в коем случае.

- Новый Главный погонщик слишком горяч, слишком зол. Он до сих пор так и не оправился от краха своей семьи...

Рекоу, ища поддержки, посмотрел на супругу. Аттелия кивнула в ответ.

- Заключённых в Глотке много. Ты даже не представляешь сколько их там. А уздечка, которая держит всю эту буйную братию, слишком тонкая. С новым начальником Глотка взбунтуется, как пить дать. Но на этой планете нет сил, которые смогли бы утихомирить эту ораву. Зеков пятьдесят тысяч! Ты только представь: на десять тысяч больше, чем населения Финдоса, столицы колонии.

- Ну, папа, ну ты и фантазёр! – недоверчиво воскликнула Апилия. – Мог бы придумать страшилку пострашнее. Право-слово.

Господи! Рекоу едва не взвыл от досады. Ну почему у девушек в 17 лет напрочь отсутствуют мозги? Апилия, как и мать, учится на врача, но с ходу отменяет всякую логику.

- Доченька! Родная моя! Ты же у меня такая умная, такая привлекательная. На Миреме живёт 8 миллиардов. Да там... Да у тебя... Подружек будет в разы больше. А поклонников... поклонников штабелями складывать будешь. Ты даже не представляешь, понятия не имеешь, от чего отказываешься.

- Не поеду! – упрямо заявила Апилия. – Я почти взрослая. Через четыре года ты мне будешь не указ. Вот. Можете мотать на свой Мирем, а я остаюсь.

Рекоу держался до последнего, но терпение лопнуло, как натянутый до предела трос.

- Наш разговор не окончен! – сорвался Рекоу.

Апилия тут же поднялась с кресла и ушла в свою комнату. Входная дверь грохнула за её спиной, как пушечный салют. Жена и сын благоразумно молчат.

- Ты, это, насчёт бунта, серьёзно? Не преувеличиваешь? – неуверенно поинтересовалась Аттелия.

- Дай бог, чтобы я напрасно кричал «Пожар», когда на самом деле надвигается потоп, – Рекоу устало откинулся на спинку дивана.

Злость и обида на родную дочь бурлят в груди. Так и хочется встать и написать на двери в её комнату большими жирными буквами «Дура!!!»

- Но папа, я тоже не хочу уезжать, - осторожно произнёс сын. - У меня здесь друзья. Я вырос здесь. И мне здесь нравится. К тому же...

- Послушай, Тоссан, - Рекоу посмотрел на сына. - Твоя сестра упряма, как дверная пружина. Но она забыла, чья кровь течёт в её жилах. С ней или без неё мы покинем эту планету.

Тоссан отвернулся. Он целиком и полностью солидарен с сестрой, но характер у него более мягкий. В мать.

Решить самый главный вопрос так и не удалось. Как говорят в подобных случаях политические обозреватели, голоса разделились поровну. Эмоции взяли верх. О продолжении конструктивного диалога не может быть и речи.

- Лирон, пошли на кухню, - предложила жена. - Я приготовила обед. Сегодня твои любимые котлеты из телятины и суп из зелёного гороха. Время у нас ещё есть. Будет воля Великого Создателя, Апилия одумается.

- Дай-то бог, - Рекоу тяжело поднялся с дивана.

Но лучше всего не уповать на Создателя, а действовать. Рекоу бросил взгляд на запертую дверь в комнату дочери. Апилия несовершеннолетняя, что существенно облегчает задача. Время поджимает: транспортник с Мирема очень скоро отправится в обратный путь.

Великий Создатель так и не вразумил упрямую дочь. В течении трёх последующих дней Апилия по-прежнему наотрез отказывалась покидать Дайзен 2. Всеми правдами и неправдами она пыталась улизнуть от серьёзного разговора. Стоило Рекоу хоть словом заикнуться об отъезде, как Апилия тут же убегала в свою комнату, в университет, либо к подруге, готовиться к экзаменам.

Рекоу сменил тактику. С утра по раньше он уходил из дома, а возвращался ближе к вечеру, незадолго до отключения дневного освещения. На недоумённые вопросы сына и дочери Аттелиа только отшучивалась, дескать, папа всё ещё ходит на работу по старой привычке. Но и она понятия не имеет, где целыми днями пропадает её муж. На осторожные расспросы Рекоу либо вообще не отвечал, либо бросал неопределённое: «Был у старых друзей». И всё.

В пятницу днём наступило перемирие. Вопрос о переезде Рекоу больше не поднимал. Наоборот: за ужином, когда семья собралась за обеденным столом, неожиданно заинтересовался у дочери, в каком районе Финдоса она хотела бы жить. Служебный домик на Площади пионеров пора освобождать. Апилия очень обрадовалась и с ходу предложила несколько вариантов. Рекоу внимательно выслушал дочь и пообещал подумать.

Субботнее утро началось мирно. Супруга приготовила завтрак и позвала семью кушать. Обычно Рекоу садится за стол первым, но на этот раз специально задержался в ванной.

- Лирон! Ну где ты? - в очередной раз позвала супруга. - Все уже собрались!

Рекоу, опираясь руками о мраморную раковину, посмотрел в зеркало и тихо прошептал:

- Великий Создатель. Всё в руках твоих. Помоги.

Закрыв кран, Рекоу вышел из ванной комнаты. В ноздри ударил обворожительный запах жаренной картошки.

- Доброе утро, - произнёс Рекоу, заходя на кухню.

- О! Папа! Наконец-то! - Апилия развернулась на стуле. - Мама уже в курсе, я для нас домик присмотрела, на Медной улице. Мы можем...

Рекоу, подойдя к дочери вплотную, резко ткнул сложенными пальцами ей в шею.

- Ой! Ты чего? - Апилия испуганно отстранилась.

Сбитый локтем бокал с апельсиновым соком с грохотом улетел на пол.

Хлопая от удивления глазами, Апилия прижала ладонь к шее, но тут же, уронив руки, едва не сползла на пол. Рекоу вовремя подхватил обессиленную дочь.

- Ты что наделал?! – удивлённо воскликнула Аттелия.

Вместо ответа Рекоу бросил на стол крошечный шприц-тюбик. Укол произошёл настолько стремительно, что тонкая игла не успела запачкаться кровью.

- Ничего страшного, это всего лишь транквилизатор, - объяснил Рекоу и тут же решительно объявил, - Мы улетаем!

- Но папа! – от удивления сын едва не подавился картошкой.

- Мать, собирай вещи - приказал Рекоу. – На сборы у нас три часа. А ты, - Рекоу повернулся к сыну, - помоги мне отнести Апилию в гостиную.

Неожиданная выходка настолько поразила сына, что он молча слез со стула и послушно подхватил сестру за ноги. Полы коротенького халата соскользнули с её гладких бедер.

Только в гостиной, когда они уложили Апилию на диван, Тоссан несколько отошёл от шока и спросил:

- Папа, зачем ты это сделал?

- Мы улетаем, хочет этого Апилия или нет. Здесь очень скоро будет очень плохо.

- Но папа!

- Никаких но!!! – рявкнул Рекоу. – Я не для того женился на твоей матери и выбил для вас прописку на Миреме, чтобы оставить вас здесь! Ты даже не представляешь, от чего отказываешься. Дитя неразумное. У тебя такая возможность, такая. Далёко не каждый может смотаться со Свалки.

- Папа, не называя Дайзен...

- Свалка! Свалка! И ещё сто раз Свалка! Эта планета была, есть и будет свалкой человеческих душ. С этой момента ты житель метрополии и тебе 14 лет.

На Дайзен 2 можно размножаться без каких-либо ограничений. Планета, по факту, не заселена. Администрация колонии поощряет многодетность налоговыми льготами, бесплатными детскими садами, школами и доплатами для неработающих матерей. А вот Мирем давно и плотно заселён. Каждый житель метрополии может родить одного и только одного ребёнка. Право на второго можно либо купить за бешенные деньги на аукционе жизни, либо выиграть в лотерею, либо получить в качестве большой награды за выдающиеся заслуги и достижения.

Ни Рекоу, ни его жена не отказались от прописки на Миреме. У каждого как раз осталось нереализованное право на воспроизводство. Не превысив лимит, Рекоу сохранил прописку и для себя и для своих детей. Пусть Тоссан и Апилия родились здесь, на Дайзен 2, но они прописаны на Миреме и вполне могут переехать туда. Более того – за ними останется право на воспроизводство.

- Но отец!

Попытался было возразить Тоссан, но тут же заткнулся. Рекоу демонстративно вытащил из кармана второй шприц-тюбик.

- Пусть я далёко не молод, но у меня хватит сил всадить в тебя иглу. Выбирай: или ты молча собираешь свои монетки, или ложись рядом с сестрой.

Тоссан молча развернулся и пошёл в свою комнату. Уже на пороге он всё же обернулся и бросил:

- Апилия никогда не простит тебе этого. Никогда!

- Ещё как простит, – уверенно заявил Рекоу. – Когда пройдёт по золотистому пляжу в своём самом сексапильном купальнике, когда толпа

поклонников свалится возле её ног – обязательно простит. И думать забудет о Свалке! И ты, не пройдёт и года, то же будешь называть эту планету Свалкой.

Хмурый Тоссан исчез в комнате. Уложив дочь по удобней, поправив короткий халатик, Рекоу вернулся на кухню. Аттелия сидит возле стола в глубокой растерянности.

- А я было подумала, что ты решил остаться, - призналась Аттелия.

- Дорогая, - Рекоу тяжело опустился на стул рядом. - Ты что? Тоже хочешь остаться?

- Нет, конечно же, - поспешно ответила Аттелия, - но... зачем так грубо?

- Она несовершеннолетняя.

- А-а-а если она подаст на тебя в суд? – не зная, что возразить, спросила Аттелия.

- На Миреме? В 19 световых годах от Свалки? Да её на смех подымут. По телеку покажут, как экзотическую зверушку. Сенсация! – подражая телеведущим, Рекоу взмахнул правой рукой. – Только на нашем канале! Молодая красивая идиотка хочет попасть на Свалку! Спешите видеть! Представь картинку.

Аттелия отвела глаза.

- Не печалься, дорогая, - Рекоу ласково обнял супругу за плечи. – Всё у нас получится. Вот увидишь. Собирай вещи.

Дети – отражение родителей. В дочери, как в зеркале, Рекоу узнал самого себя. Упрямство, ослиное упрямство, помогло ему продвинуться по служебной лестнице. Упрямство же забросило его на эту чёртову Свалку на долгие 20 лет.

Последние три дня он только для вида пытался убедить дочь, а сам, пользуясь связями в администрации, подготовил переезд. Витус Откен легко согласился помочь. Для него чем быстрее свалит старый Погонщик, тем лучше.

Через три часа возле служебного домика остановилась машина скорой помощи. Санитары, двое неразговорчивых парней, вынесли на носилках бесчувственную Апилию и, не задавая лишних вопросов, погрузили в машину.

Рекоу прожил на Свалке 20 лет, но всё нажитое имущество уместилось в пяти чемоданах. Тащить за собой на Мирем ещё и мебель не имеет никакого смысла. Что не влезло в пять заранее купленных чемоданов, то осталось на усмотрение витуса Откена, нового начальника тюрьмы Глот и нового хозяина уютного домика с окнами на самый большой на планете парк.

В анабиозном отделе космопорта Рекоу лично проследил за тем, как тюремные медики уложили Апилию в анабиозную капсулу. При виде бывшего Главного погонщика весёлые медики попридержали языки. А то обязательно отметили бы вслух великолепные формы его дочери. Вторым в ледяной сон Рекоу уложил сына, потом супругу. И, в самую последнюю очередь, лёг сам.

Через пару часов атмосферный челнок доставил контейнер с анабиозными капсулами на орбитальную станцию. Трудяга погрузчик, щёлкая широкими захватами словно вышедший на охоту краб, вытащил контейнер из чрева атмосферного челнока. Пыхтя маневровыми двигателями, погрузчик аккуратно подвёл контейнер к внешним фермам стоящего на приколе транспортника. Облачённые в космические скафандры докеры ловко прикрепили груз к «Метрополии».

Транспортник с Мирема почти полностью загружен контейнерами с медью, никелем и кобальтом. Через несколько дней он отчалит от «Снежинки» и возьмёт курс на Геполу, маленькую жёлтую звёздочку в 19 световых годах от свалки человеческих душ.

Глава 9. «Бунт заключённых».

Зал видеонаблюдения Глотки ни чем не отличается от аналогичного в тюрьме Антал на Миреме. Выгнутая дугой стена густо заставлена мониторами. По середине зала пульт управления и три вращающихся стула с высокими спинками. Чайный столик и два глубоких кресла дополняют обстановку.

Кассен Откен, новый начальник тюрьмы Глот, сидит на стуле старшего смены и наугад переключает видеокамеры. В присутствии строгого начальника операторы видеонаблюдения держатся прямо, на лицах фальшивое выражение деловой озабоченности.

Как в дебильном реалити-шоу, многочисленные мониторы показывают жизнь Глотки. Под разными углами и ракурсами на центральном экране мелькают длинные коридоры, камеры, душевые, столовая и даже туалеты. Время позднее. Команда «Отбой» прозвучала час назад. Заключённые разошлись по камерам и уснули крепким сном. Но не все. В камере №419 пьянка в честь нового 1549 года только, только начинается. Ну ничего... Пусть Проф и блатные развлекаются. Не долго им осталось лакать самодельное пойло.

Ровно три недели назад Откен принял тюрьму у прежнего Погонщика. Времени вполне достаточно, чтобы вникнуть в обстановку и... ужаснуться. Господи! До какого же жалкого состояния довёл важное государственное учреждение этот ленивый жердяй со слащавой улыбкой.

По нормативам видеонаблюдение должно охватывать не меньше 95 процентов Глотки. На деле, после первой же проверки, с трудом набралось 50. Многие панорамные видеокамеры только напрасно мигали красными сигналами неисправности, а некоторые не работали вообще. Целые секторы жилых уровней, в том числе знаменитая камера №491, не просматривались вовсе. Но плохой надзор за заключёнными ещё цветочки.

Дистанционные замки на общих камерах работают через одного. Заключённые бродят по жилым уровням где попало и как попало. Надзиратели, заплывшие жиром бездельники, целыми сутками отсиживаются на постах и ни во что не вмешиваются. При первой же проверке Откен лично нашёл в личных ящиках заключённых массу запрещённых вещей. Лишняя кружка или второе полотенце – ещё куда ни шло. Миниатюрные самогонные аппараты, глянцевые порножурналы – ещё можно понять. Но стопка стальных лезвий без рукояток в тумбочке тюремного умельца – это слишком.

На гневные замечания зеки отвечают с плохо скрываемой усмешкой, как будто перед ними не начальник тюрьмы, а слабоумный. Такое впечатление, будто можешь сморозить перед ними любую чепуху, отколоть любую глупость, а они только улыбнутся в ответ и с пониманием похлопают по плечу.

Не-е-ет... Рекоу зло усмехнулся. Систему, при которой заключённые гнут пальцы перед администрацией тюрьмы, вместо того, чтобы смиренно гнуть спины на медном руднике, нужно ломать к чертовой матери. Раз к нему по наследству перешла кличка Главный погонщик, то его задача загнать весь этот сброд в стойло, чтобы стояли и мычать не вздумали. Но как? Ответ прост – отрежь голову, а тело умрёт само. В самую первую очередь необходимо обезглавить зеков.

В пухлых досье зама по безопасности Откен нашёл необходимую информацию. Восемь человек во главе с Профом составляют теневую администрацию Глотки. Именно они держат зеков в ежовых рукавицах, заставляют работать за, а сами целыми днями качают мускулатуру, валяются на койках или играют в карты. Но добраться до Профа и остальных не так легко.

Проф не зря печётся о собственной безопасности. Камера №491 запрятана глубоко. Чтобы просто дойти до неё необходимо пересечь весь жилой уровень. Отряд надзирателей зеки заметят ещё на подступах и предупредят блатных. Любая попытка нахрапом вытащить Профа из камеры закончится грандиозной

дракой. Заключённых слишком много. Численный перевес не компенсируют никакие дубинки и щиты. К счастью, всё гораздо легче, чем кажется на первый взгляд.

Часы на пульте управления показали 20:00. По меркам Свалки, с её более коротким днём, поздний вечер. Пора. Откен вывел на главный монитор изображение вентиляторной Утус Сонир, зам по безопасности, в полной боевой готовности стоит перед главным воздуховодом. Лючок на большой квадратной трубе открыт. Воздух со свистом всасывается в прямоугольное отверстие.

- Утус Сонир, - Откен наклонился к микрофону.

Зам по безопасности посмотрел на видеокамеру. Сквозь прозрачную маску видно, как щёки тюремщика покраснели – это хорошо. Утус Сонир не зря занимает очень важный и ответственный пост в администрации тюрьмы.

- Давай, – коротко приказал Откен.

Утус Сонир кивнул и отвернулся от видеокамеры. В открытый лючок, шипя и выбрасывая серые струйки, полетели газовые гранаты. Первый этап операции под кодовым названием «Профессор» начался.

Свергнуть теньевую администрацию Откен решил буквально в первый же день работы. Первая самая большая проблема – кадры. Он не поленился поднять дела всех уволенных надзирателей за последние десять лет. Как и следовало ожидать, многие из них пытались указать зекам законное место, за что болван Рекоу их выгнал. За две недели Откен обновил кадровый состав тюрьмы почти на половину. Пенсионеры, жирдяи и прочие слабаки вышвырнуты вон. Чтобы поднять собственный авторитет, Откен лично вызывал очередного недотёпу в кабинет и, глядя прямо в глаза, объявлял об увольнении. Один жирдяй расплакался, четверо пенсионеров пригрозили подать в суд. Пусть все видят, какой он суровый начальник и при этом не гнушается грязной работы.

Откен торчал на работе сутками. Пришлось перетряхнуть Глотку сверху донизу. Лично нашёл и устранил преогромную кучу недостатков. Как вполне закономерный результат, транспортник №419 увёз на Мирем не только тушку прежнего начальника, но и разгромный отчёт о его никудышной работе.

Инспектируя жилые уровни и рудник, Откен постоянно ловил на себе насмешливые взгляды заключённых, да и подчинённых то же. О традиции каждого нового Погонщика «беситься, а потом успокаиваться ещё в первый день поведала угора Тсен, смазливая дура, то есть секретарша прежнего начальника тюрьмы. Но это даже к лучшему: за бурной деятельностью удалось скрыть подготовку к операции «Профессор». Очень кстати подвернулся местный новый год.

Свалка живёт по собственному календарю. Аборигены отмечают Новый год в конце зимы, в ночь с 24 зимнего на 1 весенний. Но местный год в четыре с лишним раза короче стандартного. По этой причине с фейерверком и накрытым столом отмечают только круглые даты. Наступающий 1549 год далеко не круглый, но зекам бездельникам много и не надо. В качестве лишнего повода сбиться в кучу и нализаться в стельку вполне сойдет.

Через восстановленную систему видеонаблюдения Откен сам видел, как в камеру Профа накаченный бык затащил две большие канистры, а тощий шестёрка собрал из табуреток и коечек импровизированный стол. Несколько позже в камеру подтянулись блатные, верхушка иерархии заключённых. Тем лучше: не придется бегать по жилым уровням и вытаскивать теньевых администраторов по одиночке.

Утус Сонир закинул в главный воздуховод последнюю гранату и поставил крышку на место. Это на Миреме для проветривания камеры достаточно открыть форточку. Атмосфера Свалки насыщена углекислотой. Вентиляционная система

Глотки централизована. Достаточно запитать в главный воздуховод несколько газовых гранат, чтобы парализующий газ разлетелся по всей тюрьме.

Внешне ничего не изменилось. Весёлая компания в камере №419 по прежнему стучит железными кружками и старательно наливается самодельным пойлом. Но ничего! Парализующий газ коварен, как сидящий в сухой траве клещ. При малой концентрации он совсем незаметен. Но! С каждым вдохом газ накапливается в организме. А потом хоп – и жертва без чувств валится на пол.

К исходу хора, последнего псевдо часа в местных сутках, уголовная братия доблестно вылакала одну канистру и принялась за вторую. Как же они старательно обмывают Новый год. Откен от нетерпения пошевелил джойстик переключения видеокамер. Ничего, скоро точно так же старательно будут работать. Откен лично вручит Профу отбойный молоток.

Парализующий газ начал действовать. Один из блатных, тощий парнища с гребнем волос на голове, под всеобщий хохот ткнулся носом в тарелку. Быки отволокли «павшего» на свободную койку. Следом отключился ещё один толстяк в грязной робе. Потом ещё один, ещё... Через пару минут вырубилась все, кто только был в камере №419. Последним свалился на пол самый крепкий бугай у входа. А ведь он за всю попойку не выпил ни капли самогона.

Отлично! Откен довольно потёр руками. Первый этап операции «Профессор» прошёл без сучка и задоринки. Все без исключения заключённые либо спят очень крепким сном в койках, либо валяются без сознания на полу. Откен переключил главный монитор на пост надзирателей на четвёртом уровне. Оба тюремщика в отключке. Один ткнулся мордой в стол, второй, сидя на стуле, прислонился головой к стене. Ради секретности Откен отправил подчинённых на очередное дежурство как ни в чём не бывало. Ничего: часов через десять проспят, очухаются и будут как новенькие.

Откен переключился на Пост №1. Ещё два надзирателя лежат на полу перед стальной решёткой. Утус Сонир направил парализующий газ в жилые уровни Глотки, но часть его прошла через Пост №1. Откен наклонился к микрофону на гибкой ножке:

- Отряд «Альфа» – пошёл!

Через Пост №1 быстро проскочил отряд надзирателей – тюремный спецназ. Откен лично отобрал двадцать подчинённых. На каждом полный защитный комплект: шлем противогазом и прочные щитки, в руках прозрачные щиты и резиновые дубинки. Пусть Глотка мирно спит, но предосторожности лишними не бывают.

За полчаса спецназ вытащил из камеры №419 всех блатных, в том числе и самого Профа. Авторитет в отключке похож на марионетку с оборванными ниточками. Спецназовцы закинули его на медицинские носилки и быстро вынесли из камеры – как просто. Заодно вытащили всех надзирателей. На жилых уровнях Глотки не осталось ни одного тюремщика.

- Отлично! – воскликнул Откен, когда последний боец «Альфы» прошёл через Пост №1. – Следите за обстановкой и, при любой неожиданности, немедленно вызывайте меня.

- Слушаюсь! – бойко ответил старший оператор.

Лица операторов видеонаблюдения сияют от восторга. Реальность намного круче любого реалити-шоу. Первая часть представления закончилась, продолжение утром. А сейчас самое время кое с кем побеседовать.

Откен вышел из зала видеонаблюдения и спустился на технический этаж. По его приказу набитую старым хламом кладовку вычистили и переоборудовали в камеру. Две трети длинной комнаты огородили стальной решёткой с маленькой дверцей. Бойцы «Альфы» перенесли сюда бесчувственные тушки Профа и блатных.

Адская смесь из нетерпения и предвкушения жжёт руки. Откен пинком распахнул дверь в импровизированную камеру. Тюремный медик с красным крестом на рукаве осматривает бесчувственных заключённых. Ещё один тюремщик, совсем молодой парень, стоит возле решётки.

- Док! – Откен обратился к медику. – Приведи в чувство Профа.

- Витус Откен, лучше подождать, пока они очнутся сами. Я понятия не имею, какой суррогат они там пили, - возразил медик, но тут же, едва взглянув на Откена, заткнулся.

Не говоря больше ни слова, тюремный медик вытащил из прямоугольного чемодана шприц. С профессиональной ловкостью служитель медицины вколол в руку Профа мутную жидкость.

- Минута, витус, и он придёт в себя - медик убрал пустой шприц и захлопнул чемоданчик.

Медик торопливо вышел из камеры. Молодой надзиратель с лязгом закрыл маленькую дверцу и повесил большой замок.

Тулу Фудилову больше шестидесяти стандартных лет. Но для своего возраста он очень хорошо сохранился. Тощий и подтянутый, холёные ручки и тщательно выбритое лицо. Даже не верится, что это хлюпик держал огромную ораву заключённых в узде. И почему эти бараны его слушались? Проф, мыча что-то неразборчивое, слабо пошевелился и открыл глаза.

- Доброе утро, Проф, - Откен подошёл к решётке. - Кончилось твоё время, Фудиллов. Теперь я хозяин Глотки.

Нет большей радости, чем вид поверженного врага возле ног своих, беспомощного и от того ещё более жалкого. Пнуть бы этого идиота прямо по морде, но нельзя. Свидетель, молодой надзиратель, топчется за спиной.

Парализующий газ штука коварная. Говорят, от него и загнуться можно. Но Проф на удивление быстро пришёл в себя. Взгляд авторитета прояснился. Он даже попытался подняться на ноги, но неловко шлёпнулся на пол.

- Где я? – Проф подозрительно огляделся по сторонам.

- В тюрьме! – съязвил Откен.

Проф посмотрел в упор и произнёс:

- Погонщик, что ты наделал.

Авторитет держится с превеликим трудом. Лицо напряжено, руки дрожат, но вряд ли от газа. Проф чуть не плачет.

- Всего лишь приступил к осуществлению мероприятий по приведению тюрьмы Глот в образцово-показательное состояние.

Тяжёлый бюрократический язык бьёт по мозгам, не хуже дубинки.

- Погонщик, без нас – Проф левой рукой обвёл бесчувственных блатных, - Глотка взбунтуется. Рванёт, как тонна взрывчатки у тебя под унитазом. Немедленно верни нас в камеру, тогда я обещаю не допустить бунта. Страшного бунта, - тихо добавил Проф.

О-о-о! У этого болвана хватает наглости ещё чего-то требовать.

- Нет, Проф, - Откен обхватил прутья руками. - Я подавлю бунт. Вы у меня будете работать. Все! Без исключений и справок от врача. Я тебе лично выдам ведро, пол мыть будешь. Пол мыть будешь, ползать на коленках и вилять задницей. Или что? Думал, я до тебя не доберусь? Быки, эти накаченные дебилы, тебя не спасут.

- Ты идиот, Погонщик, - огрызнулся Проф. - Жаба и Слон стерегут меня не от твоих хлюпиков в чёрном. Последний раз говорю – верни нас на место. Иначе – быть беде. Ты слышишь? Очень большой беде.

От напряжения и слабости Проф зашёлся долгим кашлем. Наглость и самоуверенность тюремного авторитета превышают все предельно допустимые

нормы. Как будто он не сидит в самодельной камере рядом со сложенными штабелем соратниками.

- Нет, Проф, не верну. У меня ещё есть козырный туз в рукаве.

- Арсенал, - произнёс Проф. – Он тебе не поможет.

Проф не так глуп, как кажется.

- Ну... это мы ещё посмотрим. Но одно я знаю точно: Свалка не Мирем, вы на хрен никому не нужны! Не будет ни возмущённой общественности, ни газетной шумихи, ни воплей легионеров. Сиди и не крякай.

Базарить с авторитетом больше не о чем. Проф из последних сил корчит из себя шишку на ровном месте, набивает цену и пускает пыль в глаза. Идиот! Откен вышел из камеры. До подъёма еще несколько часов, можно вздремнуть. В приёмной стоит отличный диван. Завтра будет долгий день.

За ночь вентиляция очистила воздух от парализующего газа. Пора будить заключённых. Откен увеличил громкость до максимума и от души рявкнул в микрофон:

- Подъём!!! Подъём!!! Пора вкалывать!!!

Приказ, до нельзя усиленный динамиками, громовым раскатом разлетелся по сонной Глоте. Класс! Зеки в ужасе подскочили на койках. Несколько человек рухнуло на пол. Зато ни одна зараза не осталась валяться в горизонтальном положении. Даже перекаченный бык в 419 камере оторвал толстый зад от пола и вылупил глазёнки на пустую койку авторитета. Хорошая побудка. Нужно будет повторять как можно чаще.

- Всем слушать меня очень внимательно! – не снижая громкости, произнёс Откен. – Пока вы дрыхли, я спёр вашего Профа и всех его прихлебателей!

Не стесняясь в выражениях, Откен рассказал о захвате тюремного авторитета и всех его приближённых.

- Отныне в Глотке команду я и только я. Всем жрать и на работу! Кто останется – будет наказан.

Какое именно наказание падёт на головы виновных – пока лучше не распространяться. Неизвестность и неопределённость пугают больше всего.

Как и следовало ожидать, большая часть зеков без особого интереса восприняла смену власти и молча потянулась в столовую лакать «похлёбку», жидкую синтетическую пищу. Простым заключённым, так называемым роботом, по барабану на кого гнуть спину: на Профа с его бандой или на тюремную администрацию. Но в очередь перед бачками с «похлебкой» выстроились далеко не все.

На жилых уровнях проявилась странная активность. То тут, то там, в туалетах и в коридорах, в плохо просматриваемых углах и душевых начали собираться кучки заключённых. Зеки старательно прячут лица от видеокамер и о чём-то напряжённо шепчутся.

Через десять минут непонятная активность перекинулась в столовую и пробежала гулом голосов по стоящим в очередях заключённых. А потом в видеокамеры полетели стулья, кружки, ботинки, ключи и вёдра. В считанные минуты зеки перебили все без исключения видеокамеры.

Последний монитор видеонаблюдения задёрнулся серой пеленой. Что творится за пределами Поста №1 – остаётся только догадываться. Откен повернулся к старшему оператору:

- Я к Посту №1. Сейчас это быдло повалит туда. Вам тут делать больше нечего. Так что одевайте амуницию и присоединяйтесь к остальным.

- Будет выполнено, витус, - нарочито бодро ответил старший оператор.

Господи! До чего же они обленились. На лице старшего оператора без труда читаются испуг и растерянность. Чистил, чистил штат тюрьмы, а труссы и

паникёры всё равно осталось. Ладно, с этим позже. Застёгивая на ходу бронежилет, Откен отправился к Посту №1.

Глотка взбунтовалась. Да и хрен с ней. В плане предусмотрен и такой вариант. Раз свернуть власть авторитета и всей его банды мирным путём не получилось – тем хуже для заключённых. Эти идиоты в красных робах развязали ему руки. Самое время припугнуть, а потом пустить в ход главный козырь.

Бюрократы из Управления исполнения наказаний упорно не хотят тратиться на усиленный штат надзирателей. Но пару веков назад, после очередного недовольства кислой «похлёбкой», они всё же прислали на Свалку сотню электромагнитных автоматов, десять пистолетов и газовые гранаты. Мало кто из местных жителей знает о существовании в Глотке целого арсенала. Его ни разу не пускали в ход. Ящики до сих пор лежат с целыми пломбами. Точнее, лежали. Откен распечатал хранилище и вооружил надзирателей боевым оружием.

Шум на подходе к Посту №1 ещё цветочки. Едва Откен завернул за угол, как по ушам ударил шквал воплей, воя и неразборчивой ругани. Заключённые гроздьями висят на внешней решётке. Ей богу! Откен даже улыбнулся. Как покупатели на дверях супермаркета в день тотальной распродажи. Орут, плюют, трясут кулаками, только зря сотрясают воздух. Стальная решётка сделана на совесть, толстые прутья даже не шевелятся под бешеным натиском.

Тюремный спецназ стоит маленькой фалангой в метрах десяти от первой решётки. До прозрачных щитов время от времени долетают кружки, ложки, камни и прочий мусор. Подчинённые нервно смотрят друг на друга и на бушующую по ту сторону толпу. Ясно дело: нервничают подчинённые. Но, ничего: у каждого спецназовца на плече висит боевой автомат. Откен подошел к подчиненным, надзиратели расступились перед ним. Если этот сброд сейчас не разбежится, то он первым откроет огонь на поражение.

Свалка не Мирем. Здесь не водятся правозащитные организации. Родственники расстрелянных зеков не будут заваливать Министерство внутренних дел судебными исками и требовать за «любимых и единственных» миллионы виртов моральной компенсации. Как будто куча денег способна заменить убитого. Законопослушное общество метрополии выбросило этих людей на свалку человеческих душ. Никто, абсолютно никто, не прольёт ни слезинки, если пара тысяч тюремного сброда отправится к Великому Создателю чуть раньше времени. В истории ценится конечный результат. А цена отступает на задний план и тихо умирает в закрытых архивах.

Пусть будут горы окровавленных трупов. Пусть. Главное – мечь! Терпкое, как старое вино. Из-за таких вот через чур умных зеков, как Проф, он очутился здесь, в этом дерьме, в 19 световых годах от дома и... от Таны. И пусть эти раздутые индюки в Управлении больше не сомневаются в его профессиональных качествах. Тюрьма Глот будет образцовой! Или её не будет вообще.

Откен схватил со стола надзирателя микрофон и рявкнул во всё горло:

- Молчать!!! Сволочи! Всем молчать!!!

Приказ, усиленный динамиками, взрывной волной пролетел по широкому коридору. Оглушённые заключённые притихли.

- С вами говорит начальник тюрьмы. Бардак прекратить! Брысь по камерам!!!

Рёв и толкотня у внешней решётки стихли, но ненадолго.

- Профа! Выпусти! Гад ползучий! – сказал, словно выплюнул, здоровенный зек.

- Всех верни! Падла!!! – проорал ещё один.

- Порвём всех!!!

- Бей сявок!!!

- А-а-а!!! Для-я-я!!! Пля-я-я!!!

Возгласы и ругательства вновь слились в сплошной поток рёва и визга. Но главные требования заключённых понятны и так.

- Никаких переговоров! Никаких требований! Никого не выпущу! Разбежались по-рыхлому!!!

Снова раскаты грома и снова зеки на миг притихли.

- Если через минуту не уберётесь, открываю огонь на поражение!!!

Откен демонстративно стащил с плеча автомат. Черное дуло уставилось на заключённых.

Но тут из глубины ревушей толпы полетели изрыгающие жёлтый дым свёртки. Несколько штук перелетело через обе решётки и упало возле ног спецназовцев. Пространство между решётками быстро заполнилось густым желтым дымом.

- Во бараны! – Откен отбросил микрофон.

Из-за решётки с шипением выкатился очередной свёрток. Жёлтый дым окутал ноги. Откен пинком отправил дымовуху обратно в общую кучу между решётками.

И чего хотели? Вентиляция погнала жёлтый дым на самих же заключённых. Бунтовщики моментально заткнулись и, разрываясь от кашля, отскочили от решётки. Сквозь дымовую завесу долетел топот и шарканье убегающих ног.

Откен невольно улыбнулся. Бараны и на Свалке бараны. Сами не знают, чего творят.

Мощный взрыв волной тугого воздуха отшвырнул далеко назад. Откен очутился поверх груды поваленных тел. Доспехи из сверхпрочного пластика смягчили падение и уберегли кости от переломов. Прозрачное забрало спасло лицо от мелких осколков. Но внутренности горят и ноют. Голова раскалывается, как после страшной пьянки. К горло подступает тошнота, а мир крутится перед глазами.

Сквозь звон ноющих от боли ушей долетели поспешные шаги и возбуждённые голоса. Кто-то, что-то, там, возле внешней решётки, творится...

Оглушённые спецназовцы толкают в спину. Откен безвольно сполз с шевелящейся кучи. Зеки, сволочи, перехитрили его. С трудом ворочая правой рукой, Откен нащупал приклад автомата.

Второй взрыв вжал Откена в пол. По забралу и доспехам опять прошёлся град мелких осколков. Не иначе, заразы, начинили взрывчатку стальным ломом.

Бетонная пыль скрыла от глаз Пост №1. Мелкая крошка побелила пол. Откен с трудом приподнял голову. Из пылевой завесы прямо на него выскочил зек. На лице бунтовщика самодельная повязка.

- Привет! Погонщик! – оглушительно заржал зек и пнул Откена в лицо.

Прочное забрало выдержало удар, но голова бессильно дёрнулась далеко назад. Шальные руки вырвали автомат. Лёгкий щелчок включаемого оружия прозвучал как смертельный приговор. Бешенный зек ткнул ствол боевого оружия прямо в лицо.

Откен изогнулся всем телом и попытался скинуть с забрала чёрное дуло. Только не так, как скот на бойне. Но зек нажал на спусковой крючок. Короткая очередь в упор превратила голову начальника тюрьмы Глот в кровавое месиво.

Тюремный спецназ, оглушённый и припечатанный двумя взрывами, целиком и полностью полёг возле Поста №1. Ревущая толпа зеков ворвалась в административный корпус. С убитых и еще живых надзирателей сдёрнули автоматы. Заключённые растеклись по всему зданию. На лестницах, в коридорах и в кабинетах разразилась самая настоящая бойня. Зек по кличке Ярый самым первым перелез через разрушенные решётки Поста №1. Новый авторитет Глотки лично пристрелил Главного погонщика.

Ярый целенаправленно шерстит по мастерским и кладовками технического этажа. Время от времени навстречу попадают напуганные сывки. Но Ярый, не ввязываясь в перестрелку, только пуляет в потолок. Надзиратели в момент делают ноги, аж пятки сверкают. Никто даже не пытается организовать оборону. Каждый спасает собственную шкуру.

За очередной дверью напуганная сывка открыла бешенную стрельбу. Бойтся. Едрён-корень, ещё как бойтся. Патроны впустую. Вот у сывки щёлкнул пистолет. Ярый влетел в комнату. Автоматная очередь в упор рассекла молодого надзирателя на части. Ярый быстро оглянулся. Ба! А вот и то, что он так долго и упорно ищет.

- Привет! Проф! – радостно воскликнул Ярый.

За стальной решёткой сидит прежний авторитет и вся его кодла.

- Привет, Ярый, - осторожно ответил Проф. – Выпусти нас.

Ярый дико заржал в ответ.

- Очень жаль, братаны! Сывки, сволочи, замочили вас! Я не успел!!!

Автомат задёргался в руках. Разогнанные до гиперзвуковых скоростей пули распотрошили Профа и всю его кодлу. Пол, стены, решётка и даже потолок покрылись кровавыми каплями. Ярый расстрелял целый магазин.

Азарт боя пьянит, как пузырь чистого спирта. Крутое оружия в руках сводит с ума. Как ни в чём не бывало Ярый отстегнул пустой магазин и воткнул полный. На индикаторе боеприпасов вспыхнула сотенка – полный заряд! Ярый, задев плечом дверной косяк, выскочил из комнаты. В глубинах административного здания гудит бой, автоматные очереди и вой раненых. Теперь сывки просто так не убегут. Космическая пехота – вперёд!

Глава 10. «Заседание ЦК».

Если сказать: «Витус Леран», то мало кто из молодых игроков пэйнтбольного клуба поймёт, о ком речь. Другое дело гораздо более известное прозвище Киборг. Эдакая боевая машина, которая сметает на своём пути всё и вся. Но сейчас Леран меньше всего напоминает боевую машину.

Дверь в комнату заседаний слегка приоткрыта. Сквозь щель долетают голоса членов правления. Можно войти. Даже нужно войти! Его ждут. Более того – правление «Федерации культуры и спорта Дайзен 2» собралось по его настоятельной просьбе. Очень занятые люди отпросились с работы, отодвинули собственные планы. А он заставляет их ждать и теряться в догадках.

Но... Трудно, очень трудно толкнуть дверь, войти и вежливо произнести «Добрый день». Леран замер перед слегка приоткрытой дверью. Пальцы онемели, а ноги приросли к полу. Не... Перед финальными играми и то меньше волновался. Ну нельзя же так! Леран сжал кулаки, досчитал в уме до трёх и решительно толкнул дверь. Будь – что будет.

- Добрый день, уважаемые. Прошу прощения за опоздание, - скороговоркой произнёс Леран.

За широким столом собрались члены правления. Во главе, как и положено президенту, витус Тонк. Он руководит не только Федерацией в целом, но и клубом любителей рукопашного боя «Гранит». На лево от него витус Подис, наставник юных гениев в клубе изобретателей и рационализаторов «КИИР». Рядом с ним единственная в правлении женщина вигора Сутен, известная на весь Дайзен 2 поэтесса и руководитель союза творческих людей «Другая жизнь».

Леран обошёл широкий стол и присел напротив витуса Подиса и вигоры Сутен.

«Федерация культуры и спорта Дайзен 2» появилась на планете более двухсот пятидесяти стандартных лет тому назад. Официально её цели звучат

вполне благопристойно и политически нейтрально – развитие культуры и спорта среди населения колонии и особенно среди молодёжи.

Когда-то клубы жили отдельно, но сама жизнь заставила объединиться в Федерацию. Вместе – легче. Метрополия ни вирта не выделяет на досуг молодёжи, как будто на Дайзен 2 не нужно воспитывать подрастающее поколение и чем-то занимать умы и руки детей и особенно подростков. Федерация существует исключительно на пожертвования и членские взносы, но успешно справляется с поставленными задачами. В некотором смысле, назло центральным властям.

Руководители клубов организуют игры и соревнования, концерты и выставки за чисто символическую зарплату. Каждый из них большую часть дня занят на основной работе. Витус Подис отвечает за работу систем жизнедеятельности Финдоса. Свежий воздух на улицах и чистая вода из крана – это заслуга его технической службы. Вигора Сутен занимает должность заместителя начальника Управления образованием колонии. Фактически, школы, институты, профессиональные училища и детские сады держатся на её хрупких плечах. Присланный с метрополии неудачник приходит на работу ближе к обеду, целый день валяет дурака, а всё его руководство ограничивается кривыми резолюциями на документах, которые он даже не читает. Витус Тонк работает заместителем начальника Управления по энергетике. Если бы не дурная политика центральных властей, то Дайзен 2 давно и с большим успехом руководил бы именно он, а не присланный с метрополии болван и тихий алкоголик витус Гажан.

Но! «Федерация культуры и спорта Дайзен 2» всего лишь легальное прикрытие «Движения за свободу Дайзен 2».

О движении знать не знает, ведать не ведаёт большая часть жителей планеты. Не говоря уже о центральных властях на далёком Миреме. Члены правления Федерации одновременно являются центральным комитетом Движения за независимость, а витус Тонк его председатель. Одно другому не мешает. Наоборот! Дополняет и помогает.

У маленькой колонии полно причин желать независимости. Метрополия искусственно сдерживает развитие Дайзен 2. Центральные власти запрещают создавать наукоёмкие производства молекулярных компьютеров, нанотехнологий, геновая инженерия, высокотемпературные сверхпроводники и, самый большой грех, строить космические корабли с вирт-приводом.

Для метрополии Дайзен 2 всего лишь сырьевой придаток и рынок сбыта для собственных товаров. Законодательными актами центральные власти губят на корню развитие собственных производств товаров народного потребления. Как ещё больше сотни стандартных лет тому назад образно, но невероятно точно выразился сенатор Липадос: «Ничего сложнее тостера». Местный бизнес и экономика колонии в целом страдают от наложенных ограничений. Но чиновникам на далёком Миреме плевать на нужды и чаянья жителей Дайзен 2. На столь мрачном фоне даже постоянный экспорт заключённых оборачивается благом.

Ежегодно колония получает более десяти тысяч дармовых рабочих рук. На планете хронически не хватает сложной техники. Там, где на Миреме работает машина, на Дайзен 2 работает человек. По этой же причине в рудниках под тюрьмой Глот бесполезно искать современные горнопроходческие комбайны. Ничего сложнее отбойного молотка и тачек заключённым не доверяют.

- Добрый день, витус Леран, - произнес председатель Движения. – Раз все собрались, то разрешите считать внеочередной собрание центрального комитета открытым. Так быстро и так срочно мы собрались по настоятельной просьбе витуса Лерана. Ему же я предоставляю первое слово. Прошу вас.

Для большей убедительности Леран поднялся с места. Сдвинутый стул противно скрипнул.

- Уважаемые члены центрального комитета! – начал Леран.

От волнения в горле пересохло, а пальцы предательски задрожала. Как всегда, начать публичное выступление невероятно трудно. Причём не важно, кто перед ним – толпа слушателей или горстка единомышленников. Ничего. Сейчас пройдет.

- Не буду напоминать вам о важности хорошего повода для нашего общего дела. Но! Как я надеюсь, долгожданный повод вполне может появиться у нас в самое ближайшее время.

Весьма многообещающее начало. Глаза вигоры Сутен заблестели неприкрытым интересом. Председатель Движения приготовился слушать ещё более внимательно. Витус Подис облокотился на столешницу и то же готов внимать дальше.

- Я абсолютно уверен, - продолжил Леран, - вы слышали о желании витуса Откена, фигурально выражаясь, «прижать заключённых к ногтю». Пониманию! – Леран резко повысил голос. – Новые начальники Глотки традиционно шуршат и бесятся, пока года через три – четыре не успокоятся и всё не вернётся на круги своя. Признаюсь, я думал также. Но! Витус Откен переплюнул всех своих предшественников.

Сегодня утром, часов примерно в восемь, витус Откен позвонил губернатору и потребовал прислать на подмогу все, прошу заметить, все имеющиеся в наличие полицейские силы. Подробности разговора, увы, мне неизвестны. Но! Через полчаса в Глотку, прошу заметить в полном боевом облачении для подавления уличных беспорядков, ушёл отряд из 92 полицейских. А это, без малого, большая часть полицейских сил Финдоса, включая участковых.

От нервного возбуждения Леран говорит так, будто специально дразнит голодную собаку куском свежего мяса. У витуса Тонка первым сдали нервы.

- Прошу вас, - попросил витус Тонк, - ближе к делу.

- Хорошо, - согласился Леран. – Осмелюсь предположить: в Глотке разразился самый настоящий бунт!

Эффектную концовку изрядно подпортила реакция членов ЦК. Грома аплодисментов не последовало.

- И что здесь такого? – вигора Сутен выразили всеобщее непонимание. – Вы же сами сказали: витус Откен потребовал подкрепление и получил его.

Да-а-а... Леран поджал губы. Гражданские они и есть гражданские. Придётся объяснять на пальцах.

- Заключённых в Глотке слишком много. Не меньше пятидесяти тысяч. Для сравнения, население Финдоса всего сорок тысяч. Весь штат надзирателей вместе буфетчицей и секретаршами чуть больше четырёх сотен человек. Даже с учётом подкрепления, на одного надзирателя или полицейского приходится больше десяти заключённых.

Поймите! – Леран едва не перешёл на крик. – Возможно в этот самый момент Глотка уже бунтует. Не дай бог, если вся эта огромная масса людей в красных робах выплеснется на улицы Финдоса. А это, это...

От волнения Леран едва не задохнулся.

- Та самая искра, благодаря которой вспыхнет восстание! – вигора Сутен возбуждённо захлопала в ладоши.

- В яблочко, уважаемая! – в тон воскликнул Леран.

- И без какой-либо провокации с нашей стороны, - задумчиво заметил витус Тонк.

Поднять население колонии на войну за независимость, потребовать от него жертв и лишений, очень не просто. Столетие за столетием «Федерация культуры

и спорта» не только развивала культуру и спорт, а вела скрытую агитацию и тайную подготовку. На Дайзен 2 сформировался свой особый менталитет. Жители колонии больше не считают Мирем родиной, а видят в нём равнодушного эксплуататора.

Новый начальник Глотки едва не получил по морде от простого работяги, когда на весь «Пьяный горняк» обозвал Дайзен 2 Свалкой. Наперекор гадкому прозвищу жители Дайзен 2 гордятся своим миром.

Только.

Чтобы долгожданное восстание вспыхнуло, чтобы жители колонии прозрели и поддержали борцов за независимость, нужен повод, случай, искра. А вот его-то как раз и нет. Худо, бедно, благодаря или вопреки, колония развивается на протяжении полутора тысяч местных лет. Пока в обществе тишина, порядок и какая никакая стабильность, разжигать революцию, что сачком ловить ветер – бесполезно.

Совершенно другое дело, если земля уйдёт из-под ног простых обывателей. Если испарится уверенность в завтрашнем дне. Если местная администрация облагается по-крупному. Если на далёкую метрополию не останется надежд вовсе... Тогда и только тогда массы поддержат «Движение за независимость» и встанут под её знамена.

Или? Долгожданный повод всё же появился?

Витус Подис и председатель не разделяют восторг вигоры Сутен.

- Пусть надзирателей и полицейских мало... - задумчиво произнёс витус Тонк.
- Но в арсенале Глотки сотня боевых автоматов. А это сила. Современное стрелковое оружие выкосит зеков, сколько бы их там не было.

- Верно, витус, - согласился Леран. - Разрешите уточнить: возможно, у нас появился долгожданный повод. Та самая искра, о которой так точно выразилась уважаемая Сутен.

- Иначе говоря, вы предлагаете перейти в боевую готовность №1? – спросил витус Тонк.

- Именно! – с преогромным облегчением ответил Леран. - Чтобы там не происходило, но беспорядки в Глотке – самая большая рябь на зеркальной глади нашего болота за последнюю сотню стандартных лет. Простите за аналогию.

В нагрудном кармане завибрировал наладонник. Пришло сообщение высшей степени важности. Леран вытащил миникомпьютер из кармана и быстро пробежал глазами по маленькому экрану.

Господи! Это же... Сердце остановилось, воздух застрял в лёгких. Наладонник едва не выпал из рук.

- Началось, - еле слышно произнёс Леран.

Тихое признание взорвалось, как раскат грома в песчаную бурю.

- Что?! Что?! Началось?! – испуганно спросила вигора Сутен.

- Только что на здание Управления полиции напали зеки. Большая группа заключённых вооружена автоматами, – глубоко дыша, объяснил Леран. – Убито десять полицейских, ещё больше ранено. Заключённые захватили арсенал.

- Вы уверены? – недоверчиво спросил витус Тонк.

- Здесь, - Леран протянул витусу Тонку наладонник, кадры с камер наружного наблюдения. Люди в красных робах со штрих-кодами на спине могут быть только заключёнными тюрьмы Глот. Свершилось худшее – они вырвались. Мне нужно срочно идти.

Леран грубо вырвал из рук витуса Подиса наладонник и поспешил к выходу.

- Как только узнаете больше, немедленно звоните! – крикнул во след витус Тонк.

- Обязательно! – на ходу ответил Леран.

Дверь с грохотом захлопнулась за его спиной.

Глава 11. «Налёт заключённых».

Накаркал! Накаркал! В голове пульсирует злая мысль. Только намекнул на толпу зеков на улицах Финдоса, как мимолётная фантазия тут же воплотилась в реальность.

Леран пулей выскочил на улицу и запрыгнул в машину. Мотор взревел, педаль скорости ушла в пол. Автомобиль круто развернулся поперёк улицы. Случайные прохожие шарахнулись в стороны. Не придавил? Леран глянул в боковое окно. Слава богу, нет. Набирая скорость, автомобиль полетел в цент города.

Заключённые далеко не дураки. Прежде, чем сногшибательная новость достигла столицы, они первыми нанесли удар. Арсенал полиции пуст. Неважно, что их добычей стали ящики с газовыми гранатами и пара десятков парализующих дубинок. Важен сам факт разгрома оплота порядка и закона. Для жителей Финдоса налёт на Управление, как удар ниже пояса: подло, неожиданно и очень больно.

Но! Ради одного арсенала зеки в цент города не полезут. Есть что-то ещё.

Автомобиль с воем пронёсся по улицам, проскочил несколько перекрёстков и залетел в туннель автоспуска между первым и вторым городскими уровнями. Ещё поворот. Леран выскочил на Площадь пионеров. Из-за густых кустов показалось Управление полиции. На всякий случай Леран вытащил из бардачка маленький парализатор – не шиш оружие, но хоть что-то. Только нападение закончилось задолго до его приезда.

Фасад Управления изъеден мелкими воронками. Электромагнитное оружие – это что-то! Длинные цепочки пересекли окна и парадную дверь. Бронированные стёкла на входных дверях выдержали стрельбу, только помутнели от многочисленных трещин.

Леран выскочил из машины. Скорая помощь успела к месту трагедии быстрее его. Двое полицейских с шумом задвинули носилки с раненым в распахнутые дверцы скорой помощи. Леран вошёл в Управление.

Да-а-а! Мирная жизнь в конец расслабила полицейский. В приёмной страшный бардак. Столы перевернуты, стулья разбросаны. Стойка дежурного расстреляна в хлам. Оказать хоть какое-то сопротивление полицейские просто не смогли. На лево у входа сложено несколько тел. Лица жертв укрыты скатертью, на которой проступили кровавые пятна.

- Разрешите доложить? – к Лерану подбежал лейтенант Огеж.

- Что произошло? – спросил Леран.

- Точно в 9:36 на улице раздались автоматные очереди. Тот час в Управление ворвалась группа заключённых в количестве 10 – 12 человек, - по военному чётко заговорил лейтенант Огеж. – Расстреляв приёмное отделение, убив пятерых офицеров полиции, заключённые направились к арсеналу.

Считаю необходимым отметить – местонахождение арсенала они знали совершенно точно. Бронированная дверь подорвана с помощью самодельного взрывного устройства. Проверил лично: заключённые унесли всё, что только смогли унести. Но это ещё не всё.

Сердце испуганно ёкнуло. Вот оно! Дурное предчувствие не обмануло.

Лейтенант Огеж виновато отвёл глаза в сторону:

- Как я успел выяснить, два других отряда заключённых ворвались в дома губернатора и начальника полиции. Не имею точных данных, но... они взяли заложников.

- Проклятье, - ругнулся Леран.

Зеки выигрывают с перевесом в два очка. Налёт на Управление полиции – отвлекающий манёвр. Один отряд расстрелял дежурных полицейских, а два других захватили заложников, членов семей высокопоставленных чиновников. Умно. Черт побери! Очень умно.

- Были хоть какие-нибудь новости из тюрьмы Глот? – спросил Леран.

- Никак нет, - ответил лейтенант Огеж. – Заключённые прибыли в город на захваченном вагоне по туннелю №2. И на нём же ушли.

Значит зеки целиком и полностью захватили Глотку. Пятидесяти тысячная толпа заключённых на свободе – кошмар наяву.

- Действуем следующим образом, - решил Леран. – Я свяжусь с Управлением транспорта и прикажу немедленно перекрыть туннели №2 и №3.

- Уже, - произнёс утус Огеж.

- Что уже? – не понял Леран.

- Я уже связался с Управлением и... от вашего имени приказал наглухо перекрыть и обесточить оба туннеля.

Леран улыбнулся. Хоть какая-то радостная новость. Хорошо иметь в подчинении толковых офицеров.

- Великолепно, – коротко одобрил Леран. – Тогда вытаскивайте на работу всех, кого только сможете найти. Даже пенсионеров, если, конечно, здоровье позволяет. Заодно установите точно, сколько сил в нашем распоряжении. Я свяжусь с губернатором и начальником полиции. Нужно выяснить сколько заложников и кого именно похитили заключённые.

- Будет сделано, – козырнул лейтенант Огеж.

Первые распоряжения отданы, можно идти. Но Леран остановился и спросил:

- Лейтенант, это вы вызвали медиков?

- Так точно, - ответил лейтенант Огеж. – А так же отправил вам сообщение.

- Правильно. Продолжайте в том же духе. Далеко пойдёте.

Но уйти в кабинет не удалось. Входная дверь с треском распахнулась. Бронированные стёкла со звоном осыпались на пол. В приёмную ввалилась толпа горожан. Десятка полтора мужчин и несколько женщин.

- Вот! Повязали голубчика! – воскликнул сурового вида мужик с накаченными бицепсами.

На пол шлёпнулся красный куль.

- Женщину, гад, пытался изнасиловать. Едва успели.

Толпа горожан за спиной силача одобрительно загудела.

Леран с удивлением уставился на странный куль. Да это же... заключённый из Глотки. Красная роба, пластиковые ботинки, а на спине характерный штрих-код. Возмущённые горожане повязали одного из налётчиков и едва не забили насмерть.

- Где вы его взяли? – спросил Леран.

- На Центральном вокзале, - ответил силач. – Ладно вовремя, это дело, пресекли. А то, честное слово, забили бы насмерть. Да тут с эскалатора целая толпа этих красных сбежала. Да ка-а-ак жажнет по нам, вы не поверите, из автоматов... Мы, это, в рассыпную. Двоих зацепило. Но этот, - силач зло пнул пленника, - один хрен за дружбанами рвануть не сумел.

На пойманном заключённом нет живого места. Лицо, руки – в кровь. Леран, едва сдерживая дикое волнение, спросил:

- Среди зеков, гражданские, были?

Силач замялся, но тут из толпы горожан раздался голос:

- Были! Точно были.

Вперёд вышел молодой парень в шортах и в светлой рубашке. По виду старшеклассник или студент первокурсник.

- Я как раз мимо проходил. Родителей провожал, это, шёл, - от всеобщего внимания парень смутился. - Некоторые зеки тащили на плечах какие-то свёртки, длинные такие. На красном очень хорошо видно, было. Ну а когда вы спросили, так я, это, сразу сообразил, что, это, было.

Умно. Умно. Черт побери. Очень умно! Зеки явно действуют по заранее намеченному плану – хуже с каждой минутой.

- Благодарю вас, уважаемые, – произнёс Леран. – Молодцы! Пленного повязали, языком будет. Отдельно спасибо за то, что не прибили.

Носком ботинка Леран поддел заключённого. Горожане одобрительно загудели:

- Ну!

- Так это!

- Всегда готовы!

- Лейтенант! – Леран повернулся к офицеру. – Заключённого в кутузку. Приставить врача, чтобы не сдох. Я лично допрошу его.

Теперь можно идти. Леран развернулся и направился в свой кабинет. Лейтенант Огеж прекрасно разберётся сам. Но более общее управление необходимо брать в свои руки. Губернатору и начальнику полиции сейчас не до решительного отпора заключённым. Оба засланцы с метрополии, неудачники хреновы.

Глава 12. «Древний анахронизм».

На разбор бардака и ликвидацию всеобщей растерянности в Управлении полиции Леран потратил больше четырёх часов. Но, едва обстановка немного прояснилась, поспешил вернуться в небольшой домик на втором городском уровне, где находится штаб-квартира «Федерации культуры и спорта Дайзен 2».

- Добрый день, уважаемые.

Леран, держа перед собой большую чёрную сумку, торопливо зашёл в комнату для собраний. Члены центрального комитета уже расселись в привычном порядке за широким столом.

Едва Леран сел на место, как витус Тонк открыл собрание:

- Витус Леран. Прошу вас...

- Благодарю, - ответил Леран. – Начну с самого начала.

Суматошный день, слёзы и визг губернатора колонии вымотали настолько, что сил на волнения и тревоги не осталось вовсе. Без былой неуверенности и скованности Леран сразу перешел к делу:

- Как вы знаете, сегодня утром начальник Глотки потребовал от губернатора подкрепление и получил его. Но! Сначала пропала связь с Глоткой. А затем зеки совершили самый настоящий вооружённый налёт на Финдос. По уточненным данным погибло восемь полицейских. Заключённые захватил жену и дочь губернатора, жену и сына начальника полиции и ещё двух служанок.

Налётчики действовали решительно, нагло, по заранее разработанному плану. Но зеки – не солдаты. Горожанам удалось скрутить и доставить в полицию одного из них.

- Да-а-а! – удивленно воскликнула вигора Сутен. – И как же им это удалось?

Леран недовольно посмотрел на поэтессу, но пояснил:

- Заключённый попытался изнасиловать случайную прохожую. А это, как вы знаете, тяжкий грех. Все мужчины, которые только были поблизости, набросились на него и едва не забили насмерть.

Я лично допрашивал пленного. Он много чего рассказал. Но, нужно признать, новости весьма неутешительные.

Леран умолк и вопросительно посмотрел на президента Федерации.

- Витус Леран, в нашем распоряжении мало времени, но информация лишней не бывает. Выкладывайте всё, - ответил витус Тонк на незаданный вопрос.

- Хорошо, - вновь заговорил Леран. - Витус Откен, новый начальник Глотки, спровоцировал заключённых на самый настоящий бунт. Главный погонщик не придумал ничего лучше, как взять и захватить тюремного авторитета по кличке Проф. Если кто не знает, Тул Фудиллов, он же Проф, своеобразный заместитель Главного погонщика по теневой администрации. Вполне закономерно - заключённые в долгу не остались.

С помощью двух самодельных бомб они снесли стальные решётки Поста №1. Ударной волной был убит весь тюремный спецназ, в том числе и сам витус Откен. Заключённым удалось целиком и полностью захватить тюрьму Глот. Прочие надзиратели были либо убиты, либо схвачены. Участь тюремщиков разделил присланный на подмогу отряд полицейских.

Но самое паршивое в этой истории другое, - Леран поочерёдно посмотрел на членов центрального комитета. - Вместе с Профом витус Откен изолировал верхушку заключённых. Во время бойни в административном здании авторитет и все его подручные были убиты. Власть над Глоткой захватил новый авторитет по кличке Ярый - весьма умный, но жестокий тип. Последнее обстоятельство плохо для нас в тройне.

- Позвольте узнать, почему? - встряла вигора Сутен. - Что Проф, что Ярый. Какая, извольте, разница?

Вигора Сутен известная на весь Дайзен 2 поэтесса. Иначе говоря, очень далёкий от войны человек.

- Видите ли, уважаемая, - собираясь с мыслями, ответил Леран. - Разница между старым и новым авторитетами не просто большая, а принципиальная.

Проф был сторонником мирного сосуществования уголовной братии и тюремной администрации. Если бы он не погиб, то непременно начал бы переговоры о мире. Конечно, постарался бы выторговать условия по лучше, но всё же о мире. А вот Ярый - полнейшая противоположность. Он сторонник самых решительных действий. Иначе говоря - войны. Ни секунды не сомневаюсь: идея захватить заложников и опустошить арсенал полиции принадлежит ему. Ярый жесток, деспотичен, но умён и быстро соображает. Я поднял его дело. До заключения он был офицером космического десанта.

- А что же он хочет? - спросил витус Подис, руководитель клуба «КИИР».

- Я знаю, - ответил витус Тонк.

Члены ЦК посмотрели на председателя Движения.

- Часа через два после налёта этот самый Ярый позвонил губернатору. Волей случая, я оказался рядом и подслушал разговор.

В общих чертах картина следующая: заключённые захватили тюрьму, но не знают, что с ней делать. Одно Ярый знает точно - никакой вооружённой силы на Дайзен 2 нет. Воевать нам не с кем, охотиться то же. Помощь с метрополии придёт через стандартный год, не раньше. Вы не поверите: Ярый объявил себя правителем планеты и потребовал всеобщего подчинения.

- Это в его духе, - заметил Леран. - Мания величия толкнула его на преступление и привела в Глотку. В досье читал.

- Верно, - согласился витус Тонк. - В его распоряжении сотня бойцов с электромагнитными автоматами и заложники. А у нас - разгромленный арсенал Управления полиции и пьяный с горя губернатор. Для начала Ярый потребовал по больше «нормальной жратвы и выпивки». Прямо так и выразился. А потом - перевести заключённых женской тюрьмы Тал к нему в Глотку. У него всё же хватило ума не зариться на свободных женщин.

На раздумье Ярый выделил сутки. Если витус Гажан не примет его условий, то завтра с утра новоявленный авторитет обещает явиться в город и лично преподнести губернатору голову его обожаемой дочери.

Леран тихо вздохнул. Наглость и глупость самозванного правителя достойны восхищения. Пусть количество зеков превышает количество жителей Финдоса на десять тысяч, но население всей планеты два миллиона. Самозванному тирану ни за что не удержаться на самодельном троне.

- Понимаю, - витус Тонк прервал неловкую паузу. - Ярый требует нереального. Но он способен погубить много людей. Очень много. Зато, друзья мои, в наших руках долгожданный повод стряхнуть с жителей Дайзен 2 пыль обывательского благополучия и пойти за нами! - торжественно провозгласил председатель Движения.

- Так что? Выступаем? - воскликнул Леран.

Предвкушение большого дела... Нет, больше! Дела всей жизни! Горячит кровь. Будут великие сражения. Великие свершения. И шанс остаться в анналах истории нового независимого Дайзен 2.

- Но позвольте!

Пугливый возглас поэтессы разрушил торжество момента.

- План восстания предусматривает производство различного вооружения для отпора правительственным войскам, это так. Но... на данный момент воевать нам нечем, - произнесла вигора Сутен.

Витус Подис, наставник юных изобретателей и рационализаторов, загадочно улыбнулся, как мальчишка на вопрос матери, куда подевалась банка с вареньем. Далёкую от какого-либо насилия женщину можно простить. Поэтесса заметила улыбку витуса Подиса и смутилась.

- Я сказала что-то не то? - спросила вигора Сутен.

- Не переживайте, уважаемая, - успокоил витус Тонк. - Витус Леран, витус Подис, за вооружение отвечаете вы. Время пришло, карты на стол.

Официальное разрешение получено. Леран торжественно объявил:

- На самом деле, уважаемая Сутен, у нас есть, чем воевать.

Эх! С таким бы фокусом, да на арену цирка. Успех был бы грандиозный. Расстегнув молнию, Леран вытащил из сумки пороховой автомат «Марка - 4-4» и с грохотом положил его на стол.

- В арсенале «Песчаной бури» две сотни стволов автоматического оружия. Прошу заметить отдельно и особо, к каждому автомату прилагается оптический прицел.

По лицу вигоры Сутен прокатилась волна разочарования.

- Это всего лишь игрушки, - заявила вигора Сутен. - Игрушки для мальчиков-переростков. Не в обиду, витус Леран. Сыграете с заключёнными в пэйнтбол?

В голосе поэтессы сквозит злой сарказм. Но Леран улыбнулся и театрально крикнул витусу Подису:

- Госл! Твой выход!

Витус Подис нарочито медленно вытащил из внутреннего кармана пиджака пластиковую коробочку и аккуратно, без малейшего стука, положил её на стол.

- Вы правы, вигора, - произнес Леран.

Привычным движением Леран отстегнул от автомата магазин и вытолкнул наружу единственный патрон. На архаичной стальной гильзе сидит пластиковая пуля с закруглённым наконечником.

- Именно на это мы и рассчитывали, уважаемая, - пояснил Леран. - Пороховое оружие устарело больше тысячи стандартных лет назад. Прибавьте к этому пластиковую пулю с краской и витус Вобан, прежний губернатор Свалки, с лёгким сердцем выдал разрешение на открытие клуба «Песчаная буря». Типа,

пусть аборигены развлекаются. Главное, чтобы хорошо работали и вовремя платили налоги. А теперь!

Леран отложил автомат в сторону и небрежным щелчком опрокинул невзрачную коробку. По широкому столу рассыпались те же архаичные гильзы, но на этот раз на каждой из них сидит стальная пуля с хищно заострённым кончиком.

- Лёгким движением руки...

Леран с щелчком вдавил три патрона в магазин и вставил его обратно в автомат.

- И перед нами боевое оружие времён Последней мировой войны, – торжественно объявил Леран и положил автомат перед собой.

Вигора Сутен собралась вставить едкое замечание.

- Признаю! – громко произнёс Леран. – Этот пороховой автомат по прежнему уступает современному электромагнитному аналогу по всем параметрам. Но! Поверьте мне на слово, уважаемая: ближний бой сведёт разницу к нулю. Дальность и кучность важны на больших дистанциях. Единственное существенное отличие – ёмкость магазина. Стандартный магазин электромагнитного автомата вмещает сотню пуль, а порохового всего тридцать. Зато у порохового автомата есть два очень важных для нас преимущества – низкая стоимость и простота изготовления. Иначе говоря, никакой молекулярной электроники и высокотемпературных сверхпроводников.

Наши далёкие предки штамповали пороховые автоматы миллионами и выставляли на поле боя миллионные армии. В это трудно поверить, но это так. В нашем распоряжении всего год. Но за это время мы успеем произвести несколько сот тысяч стволов и научим пользоваться ими несколько сот тысяч ополченцев. По крайней мере, численно мы переплюнем десантную дивизию метрополии в несколько раз.

- Гениально! – воскликнула вигора Сутен.

Недоверие и сарказм растаяли без следа. Глаза у поэтессы засияли, как у маленькой девочки, которая в первый раз в жизни увидела фокус с кроликом из шляпы.

- В этом и заключается хитрость и предусмотрительность наших предшественников, – взял слово витус Подис. – Витус Вьют, который был в то время руководителем «КИИРа», сконструировал «Марку» так, чтобы ствол и прочие механизмы выдержали усиленный заряд пороха боевого патрона. Болваны с метрополии даже ни разу не поинтересовались, почему это у игрушечного автомата нарезной ствол, как у боевого. Вот как плохо забывать историю.

За века игровых баталий мы несколько раз модернизировали «Марку» и довели её конструкцию до совершенства. Так что с ней можно воевать и в дождь, и в снег, и в зной, и в стужу. Она даже влаги не боится. Главное воду из ствола вылить.

Витус Подис сияет от радости, как юных фокусник, который впервые удачно выступил перед публикой. Ему столько лет приходилось молчать, таиться даже от товарищей по Движению. Зато теперь он может похвастаться вволю.

- В тайниках моей службы хранится сто тысяч боевых патронов – на первое время вполне хватит, – продолжил витус Подис. – Через пару дней я налажу выпуск патронов, а где-то через месяц массовое производство самих автоматов.

Всё подготовлено. Под калибр 7 миллиметров у нас изготовлены и проверены образцы более мощного порохового оружия, несколько пушек и, моя гордость, реактивные гранатомёты. Через год мы создадим целую армию.

У витуса Подиса такой счастливый вид, как у школьника, которому удалось подсмотреть за старшеклассницами в душевой.

- А главное, уважаема, - принимая эстафету, заговорил Леран, - у нас есть кому раздать боевые патроны – игроки Высшей лиги.

Всего в клубе двести полностью подготовленных и обученных бойцов. За час я соберу как минимум сотню – это уже рота. Ещё через несколько дней в одном только Финдосе сформирую батальон.

- Это из кого же? – спросила вигора Сутен.

- Клуб «Песчаная буря» появился больше тысячи лет назад. За это время через него прошли тысячи молодых парней и даже несколько сот девушек. Многие из них повзрослели, обзавелись семьями, но не разучились обращаться с оружием. Небольшая переподготовка, неделя, от силы две, и они вспомнят всё, что успели забыть.

- Так это... - наконец-то сообразила вигора Сутен. – Все эти столетия... ваш клуб... готовил солдат для нашей армии?

- В точку! Уважаемая. В точку.

После страшных новостей прошедшего дня настроение членов центрального комитета повысилось. Угроза из Глотки уже не кажется столь ужасной. Подготовка к восстанию, которая длилась столетиями, принесла плоды.

- Раз так, - торжественно заговорил витус Тонк, - У нас есть всё необходимое, чтобы взять власть в свои руки и подавить мятеж. Вы согласны?

Леран посмотрел на членов центрального комитета. Никто и не думает выступить против. Судьба подарила им долгожданный шанс. Большая глупость не принять него. Да и нельзя: отказ от борьбы приведёт к развалу движения за независимость.

- Тогда решено, – произнёс витус Тонк. – Мы выступаем. Да поможет нам Великий Создатель. Да подарит он нам крупицу своего божественного внимания. Да направит он нас на путь истинный.

Слова знакомой молитвы воспринимаются совершенно по-другому. От важности момента щёки запылали жаром, а дыхание стало медленным и глубоким. Тернист и труден путь борьбы за независимость, но и сулит он не мало. Боевой азарт, словно перед важной игрой в пэйнбол, охватил Лерана.

- Я собираю бойцов! – воскликнул Леран. – Через час – два мы захватим власть.

- Не так быстро, витус Леран, - председатель Движение остудил пыл. – Бойцов собирайте, но мы выступим немного позже. Нужно дать время неудачникам с Мирема окончательно дискредитировать себя. Я уверен – ради дочери губернатор станцует голым вокруг Глотки. Пусть витус Гажан публично распишется в собственном бессилии.

- Да будет так, - Леран поднялся из-за стола. – Я буду ждать вашего сигнала, витус Тонк.

- Да, да, конечно, - согласился витус Тонк. – Идите, собирайте армию. Как будете готовы – свяжитесь со мной. А мы пока обсудим административные детали плана по захвату власти.

- Всего хорошего, - пожелал на прощанье Леран. – До встречи на баррикадах.

Леран вышел из зала заседаний. Все эти годы он ждал, ждал, ждал самого важного дела своей жизни. И вот теперь госпожа история сама стучится в дверь. Прочь страхи! Прочь сомнения! Вперёд и только вперёд. Удача сопутствует смелым.

Глава 13. «Народная армия самообороны».

Ничто так не выводит из равновесия, лишает покоя и аппетита, как неуверенность в завтрашнем дне. Надежды и мечты, желания и амбиции... Всё

отступает на задний план, всё кажется мелочным и ненужным. Чаг Ратаг, молодой игрок пэйнтбольного клуба, словно запертый в тесной клетке лев, ходит и ходит по комнате из угла в угол и никак не может найти себе места.

Это надо же! Ещё ни разу за всю историю колонии заключённые Глотки не бунтовали с таким размахом и гонором. Не, бывало – шумели, ломали стулья, отказывались от работы. Подобное каждый год, не по разу. Но! Чтобы целиком и полностью захватить тюрьму, перебить надзирателей и отряд полицейских в придачу – такого ещё не было. И уж ни в какие ворота не лезет наглая вылазка сегодня утром.

В очередной раз Чаг подошел к стене и стукнул по ней кулаком. Самое паршивое – власти упорно хранят молчание. Никаких выступлений по телевизору, или хотя бы по радио. Ежедневная газета «Столичный вестник» рассказывает о праздновании некруглого Нового года, как будто привычный мир не трещит по швам и потихонечку не ползёт в пропасть. Как и следовало ожидать, острейший дефицит информации горожане с лихвой восполнили домыслами.

Часы над письменным столом показали 15:00. Сейчас должна была бы закончиться последняя пара. Но сегодня, сразу же после обеда, студентов разогнали по домам. По дороге домой такого наслушался, такого насмотрелся...

Всеобщая растерянность – это ещё мягко сказано. Горожане в огромном количестве высыпали на улицы. Все о чём-то говорят, напряжённо спорят и при этом испуганно озираются по сторонам. Большая часть магазинов, ресторанов и кафе закрылась раньше времени без объяснения причин. Группа подростков вооружилась палками и большими рогатками. «Юные бойцы» хорохорятся, корчат из себя крутых командос, но на деле трусят больше всех.

Как назло, на улицах ни одного полицейского. Неужели администрация колонии, неудачники, алкоголики и бездельники с Мирема, в самом деле спрятались глубоко под землёй? Впрочем, с их стороны очень даже логично: отсидеться в тепле и сытости, просто переждать, пока проблема разрешится сама собой.

Оставленный на столе наладонник тихо заиграл. От неожиданности Чаг едва не подпрыгнул на месте. Судя по мелодии, пришло сообщение. Чаг схватил наладонник. В строке «От кого» короткая надпись: «Шнык».

«Непоседа, привет. Срочно бросай все дела и дуй в «Бурю». Здесь такое! Оказывается мы!!! Впрочем – давай сам» - гласит короткое сообщение.

Шнык не сообщил ничего путного. Но настырное приглашение друга хоть какое-то действию. Сидеть в четырёх стенах и ждать, пока на тебя обрушится мир – невыносимо. Чаг подхватил рюкзак, закинул в карман наладонник и выбежал из комнаты.

В гостиной в большом кресле перед телевизором сидит отец. На широком экране очередной сериал, или дебильное шоу для скучающих домохозяек. Отец рассеянно смотрит на представление. Быстрее всего он ждёт хоть какого-нибудь официального заявления от властей. Вон! Пальцы намертво вцепились в мягкий подлокотник.

- Папа! – Чаг притормозил перед креслом. – Я в клуб.

- Какой еще клуб? – от удивления отец обернулся и приподнялся на локтях.

- В «Песчаную бурю»

- Зачем?

- Не могу сказать, - ответил Чаг. – Сам не знаю. Но там затевается что-то действительно очень важное. Позвоню, как только смогу.

- Подожди, сынок! – крикнул отец.

Но Чаг уже выскочил на улицу. Входная дверь мягко спружинила на доводчике.

На Двадцать восьмом проспекте зелёная машина едва не сбила с ног. Чаг вовремя отскочил обратно на тротуар. Дорогая легковушка, заднее сиденье завалено чемоданами. Ясно дело – богатые крысы бегут с тонущего корабля. Только куда? Чаг невольно улыбнулся. Легковушка хороша на асфальтированных улицах, но в туннеле, на первом же километре, разобьёт колёса о рельсы и шпалы. А для поездок по поверхности планеты такие авто не предназначены.

Атмосфера в городе накаляется всё больше и больше. Количество жителей на улицах поубавилось, но от этого стало ещё тревожней. Кажется, будто воздух сгущается в большие чёрные тучи, между которыми сверкают разряды молний.

Чаг торопливо шагает по знакомым улицам. В голову лезут самые невероятные мысли. Может быть из игроков клуба сформируют большой отряд самообороны? Правда, воевать чем? Палками, дубинками и кухонными ножами? Или игровыми автоматами? Последнее лишено всякого смысла – красящие пули бьют очень больно, но не насмерть же. А вот и долгожданный туннель и широкая надпись «Песчаная буря». Дверь в клуб настезь.

Зал для собраний забит под завязку. Игроки толпятся вдоль стен и сидят прямо на полу возле небольшой сцены. Молодые люди шумят, о ожесточённо спорят и с нетерпением поглядывают на пустую сцену.

- Непоседа! Наконец-то!

Из глубины зала вынырнул Шнык в поношенных рейтузах с обвислыми коленками и в домашних тапочках.

- Что здесь происходит? – спросил Чаг.

- О-о-о! – загадочно протянул Шнык. – Старуха история стучится в дверь. Нам, на собственной шкуре, предстоит проверить древнее проклятие: «Чтоб тебе жить в интересное время»!

Шнык, как обычно, старается напустить по больше туману. Но, по глазам видно, сам ни черта не знает. К счастью, на сцену поднялся Киборг.

На руководителе клуба лёгкая полевая форма. Если без пафоса, то обычная чёрная спецовка с многочисленными карманами. В подобной одежде очень удобно играть на Заводе, игровом полигоне внутри города.

Киборг посмотрел в зал. Разговоры тут же смолкли.

- Друзья мои! – торжественно начал Киборг. – Благодарю вас за то, что вы откликнулись на мой призыв и собрались в этом зале!

Вы слышали о бунте в тюрьме Глот! Сейчас я расскажу вам то, о чём до сих пор стыдливо молчит витус Гажан, так называемый губернатор нашей колонии!

Чаг в немом восхищении уставился на руководителя клуба. Киборг умеет толкать речи. Неторопливо, но как-то по-особому эмоционально, он рассказал о бунте в Глотке. Теперь понятно, почему молчит колониальная администрация. Неудачники они и на свалке неудачники. Особенно взбесил ультиматум уголовников. Его величество Ярый 1 – это слишком. Да будет он последним!

- «Федерация культуры и спорта Дайзен 2» – единственная на планете сила, которая может противостоять сброду с метрополии! Вы, игроки пэйнтбольного клуба «Песчаная буря», наш ударный отряд!

Кому не безразлично будущее нашей планеты! Кто готов драться за свой дом, за своих родных и близких! Я призываю вас присоединиться к нам! С оружием в руках показать уголовникам, кто на Дайзен 2 хозяин! Вы, готовы?!

- Да!!! – Чаг подпрыгнул на места и заорал ещё громче. – Да!!! Да!!!

Забитый до отказа зал взорвался раскатом всеобщего ликования.

- Да!!! Да!!! Да!!!

- Кто дрожит за свою жизнь! Кто боится этого сброда! Пусть убирается к Хессану под хвост!!! – воззвал Киборг.

- Да!!! Да!!! Да!!!

От восторженного гула дрожат стены. Всеобщее ликование сводит с ума. Но Киборг, подняв руки, призвал зал к спокойствию.

- Уголовники думают, что мы совершенно безоружные. Как же! Стащили из Управления полиции газовые гранаты и парализующие дубинки. Но это не так! У нас есть, чем воевать!

Киборг что-то вытащил из кармана и показал залу. Чёрт! Чаг привстал на цыпочках. За дальностью не видно, что именно. Но вот за спиной руководителя клуба загорелся широкий экран. Уже на нём отлично видно, что Киборг держит в руке патрон. Обычный игровой патрон? Не-е-ет... Вместо тупорылого пластика металлическую гильзу венчает... стальная пуля?

Вот оно что! Чаг хлопнул себя по лбу. И как только раньше не догадался. Великий Создатель, неисповедимы пути твои. Как же всё просто!

- Перед вами боевая пуля для «Марки – 4-4». Пусть пороховое оружие устарело больше пяти сотен стандартных лет назад, но вы на собственной шкуре знаете, на что оно способно!

А сейчас – переодевайтесь! Хватайте автоматы и выбрасывайте из них красящие пули! Приходите сюда! Я дам вам боевые!

В зал для собраний протиснулось четверо дедов. Взрослые игроки с трудом пробились через возбуждённую толпу и вынесли на сцену два больших ящика.

- Патроны прибыли! – Киборг хлопнул ладонью по ближайшему ящику. – Дело за вами!

Игроки толпой ринулись прочь из зала. Толпа подхватила Чага и вынесла прямо в раздевалку.

- Ну! Каково? – воскликнул Шнык, когда друзья пробились к шкафчикам и начали торопливо переодеваться.

- Только сейчас я чувствую себя спокойно, - признался Чаг.

- Это как? – не понял Шнык.

- Я знаю, что делать. Завтрашний день больше не пугает меня.

Одеть комплект щитков и натянуть поверх чёрную форму – минутное дело. Гораздо дольше пришлось стоять в очереди. Наконец Чаг получил из рук Киборга пластиковую коробку.

Чаг отошёл в сторону и присел на свободное кресло в последнем ряду. С противным треском прозрачная упаковка отлетела в сторону. Чаг открыл крышку. В лицо уставились острые жала стальных пуль. Чаг осторожно провёл пальчиком по заточенным кончикам и вытащил один патрон.

Игра закончилась, началась жизнь. Стальная пуля не разобьётся о пластиковые доспехи, не запачкает чёрную форму синими пятнами. Нет. Она пройдёт через тело человека навывлет. Пусть в его руках анахронизм, которому самое место в музее. Но Чаг на собственном опыте знает, на что способны красящие пули. А сейчас ему дали боевые.

Из кармана разгрузки Чаг вытащил пустой магазин и начал методично, один за другим, начинять его боевыми патронами. С каждой блестящей головки улыбается смерть. Пальцы привычно заталкивают под зацепы один за патрон за другим. Как всё просто – боевые патроны идеально входят в игрушечный магазин. В одно мгновение «Марка – 4-4» превратилась в боевой автомат, а он сам из игрока пэйнтбольного клуба в солдата.

Чаг вытащил из пластиковой коробки последний патрон. «Последние, да будут первыми» - пришло на ум древнее изречение. Эта боевая пуля оборвёт чью-то жизнь. Будет победа, но только не детская радость. Чаг с щелчком вставил последний патрон в магазин. «А сам стреляй, а то убьют». Господи, что за мысли!

Через полчаса Киборг построил игроков в просторном «Лягушатнике», игровом полигоне для самых маленьких.

- Отныне вы не игроки пэйнтбольного клуба, а солдаты Народной армии самообороны Дайзен 2, - объявил витус Леран. – Нас ждёт первое и очень ответственное задание – дать пинка под зад неудачникам с Мирема и взять власть в свои руки.

Гражданских не пугать! Без прямой угрозы для жизни автоматы с предохранителями не снимать! Стрельбу открывать только по приказу командира! Да поможет нам Великий Создатель. Да подарит он нам крупицу своего божественного внимания.

Атеизм во все времена не имел много последователей. Но и назвать жителей Дайзен 2 глубоко верующими тоже нельзя. Пусть большинство горожан регулярно забывают прочесть перед завтраком молитву и соблюсти пост по пятницам, но практически все носят под натальной рубашкой символ Великого Создателя – трёх лучевую звёздочку с сильно закруглёнными концами.

- Аминь, - тихо, почти про себя, произнёс Чаг.

На груди, под чёрной формой, металлическая звёздочка упёрлась округлыми кончиками в кожу. Великий Создатель существует. Он обязательно поможет творению своему пройти через горнило великих испытаний. Остаться в живых. Да будет так.

- Внимание! Слушай мою команду! – громко произнёс витус Леран. – Напра-а-а... во! Шаго-о-ом... марш!

По просторному Лягушатнику разлетелся дробный перестук десятков ног. Народная армия самообороны Дайзен 2 в полном составе зашагала на выход.

Глава 14. «Захват власти».

Ради Высшей лиги, ради сражений на поверхности планеты Чаг терпел строевую подготовку. Хотя какой от неё прок? «Лягушатник», как самое большое помещение пэйнтбольного клуба, заодно используют в качестве учебного плаца.

Ох и сколько же протопано по нему километров. А ради чего, собственно? Чтобы с песнями и плясками раз в неделю пройти мимо импровизированной трибуны с Киборгом? Но! Когда Народная армия самообороны тремя ровными коробочками вышла на улицы Финдоса, Чаг наконец-то понял зачем.

Подавленность и всеобщая растерянность захватили город с утра. Но! Три марширующих в едином ритме отряда произвели на случайных прохожих сильное впечатление. Поначалу горожане с неприкрытым удивлением уставились на молодых людей... А потом, Чаг едва не споткнулся на ровном месте, в глазах жителей загорелся огонёк надежды.

На фоне упорного молчания властей, страшных слухов и домыслов, на улицах Финдоса появилась организованная сила. Ни что так не подействовало на простых горожан, как одинаковая чёрная форма, висящие на груди автоматы и, главное, чёткий шаг и ровные коробочки отрядов.

Вот зачем витус Леран включил строевую подготовку в курс игроков Высшей лиги. Ради того, чтобы в самый критический момент собранная и организованная сила вышла на улицы города и воодушевила людей на борьбу. Если бы игроки брели бы неорганизованной толпой, озираясь по сторонам и шушукаясь, то столь мощно психологического эффекта не было бы и в помине.

Невероятная новость разлетелась по городу. Буквально через пару кварталов встречать Народную армию высыпало множество народу. Пусть на лицах горожан недоумение и любопытство, но это лучше страха или тупого отчаянья. Впереди показалась Площадь пионеров. По общему радиоканалу пролетел приказ Киборга:

- Внимание! Разделяемся! Первый взвод – Администрация; второй взвод – Управление полиции; третий взвод – Центр связи.

Ещё в «Песчаной буре» Киборг разделил армию на взвода и отделения. Чаг с другом попал в третий взвод, третье отделение. Командирами витус Леран назначил дедов, взрослых и наиболее опытных игроков.

План свержения администрации обговорён заранее. Чаг с завистью взглянул на первый взвод. Было бы здорово ворваться в здание администрации, в святая святых, где он ни разу не был. А так достался Центр связи, большое здание на Площади пионеров, где разместились редакции и студии СМИ. Но, на удивление, Киборг остался с третьим взводом.

Возле фасада Центра взвод остановился. Из припаркованной машины вышел витус Тонк, зам начальника Управления по энергетике. Трудно не узнать его массивную фигуру атлета в строгом деловом костюме. Но самое примечательное в облике витуса Тонка – глаза, в которых буквально светится уверенность и упорство.

- Здравствуй, Госл, - витус Тонк за руку поздоровался с Киборгом.

- Как и обещал, я привёл нашу армию, - витус Леран показал рукой на отряд.
- Два взвода уже берут администрацию и полицию.

- Отлично! Всё идёт по плану. Наш незабвенный губернатор уже во всю позорится перед народом.

Для беседы с президентом Федерации Киборг отключил радиоканал, но Чаг оказался достаточно близко, чтобы невольно подслушать разговор.

He-e-e! Чаг улыбнулся. Наоборот, повезло! Самые интересные события наклеиваются не в здании Администрации, не в Управлении полиции, а здесь, в Центре связи.

- Пора, - витус Тонк посмотрел на часы. - Да поможет нам Великий Создатель.

Тут же ожил радиоканал.

- Первое и второе отделение – оцепить здание. Третье отделение – за мной!
- скомандовал Киборг.

Во истину – последние да будут первыми.

Витус Тонк торопливо шагает впереди. Одиннадцать вооружённых людей в чёрной форме спешат следом. Сотрудники Центра связи в ужасе шарахаются в стороны или жмутся к стенам в узких коридорах.

Витус Тонк точно знает куда идти. Через несколько коридоров президент Федерации вошёл в широкую дверь с надписью «Студия №54». Под потолком горит грозная надпись: «Прямой эфир».

Точно прямой, Чаг заглянул в открытую дверь, да и обстановка знакомая. Из этой студии важные шишки из колониальной администрации обычно передают официальные сообщения. На дальней стене висят ярко-голубые декорации и флаг Федерации Мирема. За узкой трибуной стоит витус Гажан, губернатор колонии:

- Жители Дайзен 2. Я призываю вас проявить благоразумие и, ради сохранения жизни и здоровья заложников, подчиниться требованиям заключённых тюрьмы Глот.

Господи! Неужели и в самом деле этот высокопоставленный чиновник пал так низко? Чаг брезгливо поморщился. Пойти на поводу у кого? У сброда, которому самое место в тюрьме. Губернатору глубоко плевать на коренных жителей Дайзен 2. Ради своей несовершеннолетней дочери он готов залезть на самую высокую ель на Площади пионеров и прокричать сто раз петухом.

- Я уже послал сообщение на Мирем, - блеет губернатор. - Граждане Дайзен 2, я прошу вас проявить смирение. Метрополия обязательно придёт к нам на помощь. Обязательно поможет справиться с этой крайне непростой и непредвиденной ситуацией.

Слушать противно, Чаг отвернул лицо. Уши в трубочку сворачиваются. Чушь несусветная.

- Шнык, Непоседа! – Чаг встрепенулся. – Ваша задача: по моей команде оттащить губернатора от трибуны. Не дайте ему сбежать, но при этом останьтесь в кадре. Все поняли! – спросил витус Леран.

- Так точно, витус! – Шнык на долю секунды опередил Чага.

- Так точно, витус! – ответил Чаг.

Третье отделение рассредоточилось по студии. Витус Тонк остановился рядом с телекамерой. Губернатор только сейчас заметил нежданных гостей. То ли от волнения, то ли от яркого света, на лбу витуса Гажана засверкали капельки пота. Губернатор споткнулся на полуслове, рассеяно посмотрел на президента Федерации и удивлённо спросил:

- А вы что тут делаете?

- Шнык, Непоседа. Пошли!

Чаг и Шнык одновременно подошли к губернатору с двух сторон и подхватили его под руки. Ловко получилось! Как будто специально тренировались. Чаг не удержался от маленькой шалости и ткнул неудачника с метрополии стволом под рёбра. Витус Гажан испуганно ойкнул на всю планету. Они легко приподняли губернатора и отволокли на пару метров от трибуны. На освободившееся место тут же вышел витус Тонк.

- Уважаемые жители Дайзен 2! Вы только что видели, до каких глубин позора и унижения может довести трусость и некомпетентностью присылаемых на нашу голову чиновников!

Если витус Гажан забыл, то я напомню: Мирем – далеко! Какая-либо помощь доберется до нас через четыре с половиной года! И неужели, всё это время, мы должны терпеть на своей шее сброд всё с той же метрополии?!

Витус Тонк обернулся и выразительно посмотрел на побледневшего губернатора.

- Мы, группа сторонников решительных действий, отстраняем от занимаемых должностей всех неудачников с Мирема и берём власть в свои руки!

Никаких переговоров с преступниками! Мы выдвигаем встречный ультиматум. Заключение тюрьмы Глот – сдавайтесь! Никаких условий! Никаких уступок! Только немедленная и безоговорочная капитуляция.

Любая попытка прорваться в город будет пресечена самым решительным образом. Кровь за кровь! За гибель одного заложника мы расстреляем сотню! На раздумья у вас 20 часов!

Заключённые тюрьмы Глот! Те, кто ещё не запачкал руки в крови мирных жителей. Кто не совершил особо тяжких преступлений. Именно к вам обращаюсь я в первую очередь. Вам никогда не поставит народ Дайзен 2 на колени. Никогда! Вас всего 50 тысяч, а нас – два миллиона! Ярый со своими нереальными амбициями ведёт вас на верную смерть. Не слушайте его! Убегайте! Сдавайтесь! И тогда у вас будет шанс остаться в живых. Кому, кому, а вам метрополия точно не поможет!

Сжимая локоть губернатора, Чаг слушает президента Федерации затаив дыхание. Вот это совершенно другое дело! Так и надо обращаться с этими ублюдками. Никаких поблажек! К чёрту метрополию. Сами разберёмся.

- Граждане Финдоса и прочих населённых пунктов! Я призываю вас создавать отряды самообороны. Вооружайтесь чем только можете: палками, дубинками, рогатками, кухонными ножами и сковородками. Занимайте круговую оборону. У преступников всего сотня автоматов. Половину боеприпасов они уже расстреляли, а пополнить его негде. Если они полезут к вам – бейте их самым решительным образом! И помните: у нас есть силы, чтобы указать уголовникам их законное место. Наша планета станет для них могилой!

Благодарю за внимание.

Маленькая красная лампочка над объективом телекамеры сменила красный цвет на зелёный. Прямой эфир окончен. Чаг просто находился позади витуса Тонка, но от волнения запыхался так, будто только что пробежал десятку километров с полной выкладкой. Нервная нагрузка тяжелее физической.

- Шнык, Непоседа – отлично! Вы – супер!

К ним подошёл Киборг.

- Отведём губернатора в кутузку. Пошли!

В сопровождении витуса Лерана и ещё троих солдат, Чаг и Шнык вывели губернатора из Центра связи. Витус Гажан без малейшего сопротивления позволил довести себя до Управления полиции и затолкать в небольшую камеру в дежурной части с обшарпанными скамейками и заплёванным полом. Обычно сюда сажают мелких хулиганов, дебоширов и перебравших посетителей баров. Но свергнутому губернатору не грозит одиночество. В камере уже сидит витус Рабел, бывший начальник Управления полиции и ещё какой-то чиновник с синим носом и обвислыми усами. Вид у всех троих несчастный и растерянный.

- Ну дела! – громогласно воскликнул Шнык, когда они вышли на Площадь пионеров. – Непоседа, мне до сих пор не верится!

- Не верится во что? – Час снял с головы шлем.

- Я творю историю! Меня только что показали по телеку на всю планету!

Чаг улыбнулся, но ответить не успел. Убранный в карман наладонник требовательно завибрировал в очередной раз. Пока они караулили губернатора, отвечать на звонки было некогда. На небольшом экране загорелась надпись: «Отец». Чаг нажал на кнопку приёма:

- Да, папа.

- Чаг! Наконец-то! – ответил отец.

Даже на экране маленького наладонника видно, как сильно он взволнован.

- Ты! Ты! Да я горжусь тобой!

- Спасибо, папа, - ответ Чаг

Похвала отца согрела душу.

- Убежал! Толком ничего не сказал! Мы с мамой не весть что думаем. А ты! А тебя! По телевизору узнали!

Пока витус Тонк выступал перед жителями Дайзен 2, Чаг маячил на заднем плане в обнимку с бывшим губернатором. Чёрная форма у солдат одинаковая, но забрало шлема Чаг не опустил. У родителей было достаточно времени, чтобы присмотреться и узнать его.

- Чаг! Милый! Да что ж ты нам ничего не сказал! Не предупредил!

Изображение на экране резко дёрнулось в сторону. Мама самым грубым образом вырвала наладонник из рук отца.

- Чаг! Дорогой! Да как же ты?! Я так волнуюсь! Что с тобой?!

Мама утопила в море вопросов. Минуть пять пришлось успокаивать взволнованных родителей. Наконец отец, в очередной раз завладев наладонником, произнёс:

- Ну всё, сынок, не будем больше тебя задерживать. Как освободишься – сразу домой! Пока. До встречи. Да хватит же, говорю!!!

Изображение на экране опять дёрнулось, но тут же погасло. Последние слова отца предназначены матери, которая опять чуть не вырвала наладонник.

- Да, мама. И я тебя очень, очень люблю. Обязательно. Вернусь. Как только смогу. Да когда я тебя не слушался?

В сторонке Шнык объясняется с родителями. Он вообще из дома в шлёпанцах убежал. Никого не предупредил, теперь отдувается.

- Всё! Мама. Целую! Мне пора.

Шнык оторвал взгляд от наладонника и с преогромным облегчением вздохнул.

- Ну что? Телезвёзды новоявленные. Успокоили родителей? – широко улыбаясь, подошёл Киборг. – Если закончили, возвращаемся в Центр связи, а то останетесь здесь стеречь арестованных. Пошли.

Смену власти трудно назвать восстанием или вооружённым переворотом. Присланных с метрополии чиновников почти ласково освободили от занимаемых должностей. С десятков наиболее видных посадили в кутузку Управления полиции. А остальных, человек примерно пятьдесят, отправили по домам.

Глава 15. «Карательная акция».

Оцепление на Площади пионеров сняли. Никто и не собирается проводить контр-переворот и возвращать власть неудачникам с Мирема. Силы Народной армии самообороны очень нужны в других местах.

Недооценивать противника ни в коем случае нельзя. Заключённым Глотки терять нечего. Заложники, члены семей высокопоставленных чиновников, разом обесценились, когда Чаг на пару с другом оттащил от трибуны губернатора.

Первый взвод отправили в Ущелье ветров на защиту электростанции, которая снабжает электроэнергией столицу и промышленные предприятия по близости. К сожалению, зеки успели захватить западный склон Ущелья, от куда запитана тюрьма и медный рудник под ней. Зато бойцам первого взвода удалось перекрыть главный туннель под дном ущелья и отстоять восточный склон. Финдос не остался без электричества.

Второй взвод взял под охрану Главные ворота, главный автовъезд в Финдос с поверхности планеты и еще несколько выходов наружу. Заключенные вполне могут атаковать столицу с поверхности планеты. Третий взвод перебросили на Центральный вокзал.

Небольшое привокзальное кафе находится точно по середине Центрального вокзала, в стратегически выгодном месте. Из западных окон отлично простреливается туннель №2, а из южных туннель №1, который ведёт к Космопорту имени Пилага. Отряд вчерашних игроков расположился прямо в торговом зале, среди перевернутых столов и стульев, разбитых витрин и окон.

Заключённые вполне могут атаковать из туннеля №1, или нанести удар сразу из обоих туннелей. Только вряд ли разнузданная толпа уголовников согласится совершить большой крюк, протопать по шпалам в потёмках лишние пять километров, лишь бы только появиться на том же Центральном вокзале, только из другого туннеля. Но – бережёного бог бережёт.

Часа полтора ушло на разведку местности и дополнительную подготовку. Забаррикадировали и заварили входы и выходы из обоих туннелей, технические колодцы и вентиляционные шахты. У заключённых полно взрывчатки. Перед парой килограмм тротила не устоит ни одна дверь. Зато будет много шума и пыли, а, главное, никакой внезапности.

Последний раз Чаг подкрепился в университетской столовой. Великий Создатель, как давно это было. Убегая из дома, не подумал прихватить хотя бы бутерброд. После стольких бурных событий желудок прилип к позвоночнику. К чести новых властей, они не забыли о народной армии. В том же привокзальном кафе специально для них приготовили ужин. Великолепное угощение из жаренной на противне картошки с душистыми котлетами из настоящей говядины оплатил бюджет колонии.

Час в карауле возле туннеля №2 пролетел быстро. Чаг с преогромным облегчением прилёг в торговом зале прямо на пол. Миловидная официантка пожертвовала подушку с кресла главного менеджера. Чаг от души поблагодарил

смущённую девушку и растянулся вдоль окна. Кто знает, что там у зеков на уме? Может охрана туннеля затянется на всю ночь. А то и на весь следующий день в придачу. Выспаться впрок никогда не бывает лишним.

- Непоседа! Дрыхнешь уже? – рядом присел Шнык.

- Сплю, - ответил Чаг. – И тебе советую сделать то же самое.

- Не могу, - признался Шнык. - Боязно мне, если честно. Одно дело игра, и, это, настоящая война.

- Ну и что здесь такого? – Чаг демонстративно повернулся к другу спиной. – Страх – вполне естественная реакция. Только полный дурак или законченный идиот ничего не боится. А ты что? – Чаг открыл глаза и повернулся к Шныку. – Думаешь, тебе одному страшно?

- Ну... да. Наверно, - нехотя признал Шнык.

- Так вот, дружище, - Чаг присел на пол. – Всем, кто сейчас находится на Центральном вокзале, страшно. Страшно мне, страшном им, - Чаг показал глазами на четвёрку солдат возле разбитой витрины. – А тем, кто сейчас стоит в карауле возле туннелей, ещё как страшно. Храбрец только тем и отличается от труса, что может в нужный момент наступить на горло собственному страху и не дать ему овладеть собой.

Ожидание боя гораздо страшнее самого боя. Это в одиночку помирать страшно, а всем вместе – ничуть.

- А ты откуда знаешь? – удивился Шнык.

- Книжки читать надо! Такие... с цветными картинками.

Чаг прилёг обратно на пол и положил голову на чудесную мягкую подушку. Но Шнык по-прежнему смотрит на него преданными глазами.

- Ну хорошо, - вздохнул Чаг. - В своё время я прочёл воспоминания боевого офицера древности. Он как раз с подобным автоматом, - Чаг потряс «Маркой», - в атаку ходил. Ему тогда столько же, сколько нам было.

Чаг самым решительным образом повернулся спиной к другу и постарался уснуть. Тот же офицер глубокой древности настоятельно советует спать при малейшей возможности. Ещё не известно, когда в следующий раз получится принять горизонтальное положение и покемарить хотя бы часок.

Но отоспаться не удалось. Минут через тридцать по радиоканалу прошла команда Лешего, командира третьего взвода.

- Внимание! – Чаг встрепенулся и присел на пол. – По туннелю №2 приближается большой отряд заключённых. Взводу занять позиции и приготовиться к отражению атаки. Огонь только по моей команде! Устроим засаду.

Началось! Чаг поправил шлем и опустил забрало. Сыграли в крутых солдатиков, свергли неудачников с Мирема, а теперь пора и ответ держать.

Ну дела! Чаг скосил глаза. Шнык дрыхнет на твёрдом полу даже без подушки. Уснул так крепко, что даже пропустил приказ командира мимо ушей.

- Шнык! Ну ты герой. Вставай! Идут! – Чаг толкнул друга в плечо.

- Что? Уже?

Шнык моментально проснулся и подхватил лежащий рядом автомат.

- Зеки прутся по второму туннелю. Быстро на позицию. Огонь только по приказу Лешего. Засада будет, - на ходу пояснил Чаг.

Кто-то очень кстати выключил в кафе свет.

Последние минуты перед боем самые тягучие. Чаг нервно облизал пересохшие губы. Одна. Вторая. Ничего не происходит.

Железнодорожная ветка туннеля №2 заканчивается тупиком. Для экономии кислорода выезд из туннеля прикрыт сверху прозрачным колпаком. Двери самодвижущегося вагончика открываются точно напротив выхода на перрон. Пусть не полноценный шлюз, но и этого вполне достаточно.

Сильный взрыва ударил по ушам. Чаг вжал голову в плечи. Стальные ворота вздулись огромным пузырьём и тут же лопнули. Сквозь оседающую пыль под прозрачный колпак хлынул людской поток. Чаг никогда не видел заключённых Глотки в таком количестве. Никакой дисциплины, никакого взаимодействия, никакого взаимного прикрытия. Зеки просто высыпали из туннеля №2 и заполнили прозрачный колпак над железнодорожной веткой. Несколько заключённых принялись растаскивать закрытый выход на перрон.

Вот она – военная хитрость! Выступая перед жителями Дайзен 2, витус Тонк ничего не сказал о новых возможностях игрушечных автоматов. Кто их знает? Может зеки до сих пор думают, будто их встретят красящими пулями, а то и обычными дубинками. Тем лучше – сюрпризом будет.

Солдаты третьего взвода попрятались кто где. Площадь Центрального вокзала обманчиво пуста. Стрелять сквозь прозрачный колпак – только зря тратить боеприпасы. Пусть выберутся на перрон. И побольше, побольше. Но, господи, сколько же их?

Десятка два зеков уже вылезли из-под прозрачного колпака. А из дыры в воротах всё прут и прут всё новые и новые толпы. Наконец двери выхода окончательно развели в стороны и уже ничем не сдерживаемый поток людей в красных робах выплеснулся на перрон.

Зеки прутся огромной толпой прямо на привокзальное кафе. Но вперёд, в отрыв от общей массы, никто не рвется. Боятся, значит. Чаг снял автомат с предохранителя и передвинул рычажок на автоматический огонь. Игры не будет, полноценного боя по всем правилам военного искусства то же не будет. Будет кровавая бойня.

Через оптический прицел противник как на ладони. Заключённые вооружены чем попало: прутки, дубинки, трубки. У одного весьма упитанного зека на правой руке болтается толстая цепь. А где, тогда, электромагнитные автоматы?

Толпа всё ближе и ближе. Тупые лица, накаченные бицепсы, синие татуировки и волосатые руки. Не-е-е, это не дисциплинированная армия, а банда мародёров. Зекам плевать на амбиции Ярого. Они идут разбойничать, убивать, насиловать и грабить. Больше власти над планетой их интересует «клёвый хавчик», бухло и бабы. И если эта банда выплеснется на улицы города...

Чаг украдкой глянул вправо. В паре метров Шнык деловито осматривает поле боя через оптический прицел. Дальше, у другого окна, два солдата в чёрной форме прильнули к автоматам. Ещё дальше по торговому залу угадываются силуэты бойцов третьего взвода.

Страха нет. Страх ушёл. Растворился. Я – не один. Мы, какое могучее слово, мы ещё пободаемся.

Чаг аккуратно, стараясь не брякать, передёрнул затвор. Первый самый настоящий боевой патрон выскользнул из магазина и ушёл в патронник. Хрен вам, а не бабы! Будете жрать заточенную сталь. Страха нет. Я – не один. Рядом звякнул затвор. Это Шнык привёл автомат в боевое положение.

Да когда же будет приказ стрелять?! До переднего ряда зеков несколько десятков метров. Скоро, очень скоро, они заметят засаду.

- Взвод, внимание. Огонь! Огонь!

Наконец-то! Чаг нажал на спусковой крючок.

Понеслась!!!

Короткая очередь. Автомат непривычно сильно дёрнулся в руках. Большая часть пуль ушла в потолок. Черт! Патроны боевые, мощные. Сильней! Сильней держать надо. Чаг снова нажал на курок.

Следующая очередь вышла что надо. Цепочка разрывов перечеркнула ближайших зеков. На красных робах выступила ещё более красная кровь. На

бандитов обрушился шквал огня. Воздух наполнился чёрным дымом. Из кафе, с флангов застрочили автоматы. Зеки тупо угодили под кинжальный огонь.

В голову ударил боевой азарт. Чаг зло улыбнулся. Это он умеет. Очень хорошо умеет. Так часто умеет. Как на игровом полигоне. Грохот выстрелов и красные следы от пуль.

Площадь перед кафе засыпана десятками трупов. Дружный огонь выкосил передние ряды. В боевом исступлении Чаг жмёт и жмёт на спусковой курок. Но вдруг – щелк! И тишина. Разом умолкли все автоматы.

Проклятье! Самоподавление! Чаг отдёргнулся от окна.

Такое бывало и не раз. Если отряд разом открывает огонь, то у всех разом пустеют магазины. Нужно перезаряжать.

Чаг судорожно расстегнул правый карман на разгрузке. Быстро! Как можно быстрее отцепить пустой магазин и вставить полный. Если враг поймает момент и дёрнется вперёд. Господи! Храни от рукопашной! Чаг с треском вогнал полный магазин и снова высунулся в окно.

- Ну-у-у!!! – выдох разочарования вырвался из груди.

Зеки использовали момент тишины на все сто. Только – пустились наутёк. Возле выхода на перрон беспощадная давка. Без очереди, без прикрытия, зеки всем скопом лезут в узкий проход и лупят друг друга цепями и дубинками. Справа и слева вновь загрохотали автоматы. Раз враг бежит, то его нужно добить. Чаг нажал на курок. Вот вам, а не бабы!

Всё. Последний зек получил несколько пуль в спину и рухнул на рельсы. Площадь перед кафе и перрон завалены трупами. Но солдаты всё равно усердно поливают поле боя пулями и дырявят прозрачный колпак над железнодорожной веткой.

- Прекратить огонь!

Чаг тут же отпустил курок и задрал ствол. Центральный вокзал погрузился в звенящую тишину. Стрелять больше не в кого. Противник протиснулся в дыру в воротах и пропал в темноте туннеля №2.

- Первое отделение! К краю перрона! Остальным – прикрывать!

Всё правильно: стандартная, многократно проверенная и перепроверенная тактика: один идёт, второй прикрывает. Чаг, на всякий случай, убрал палец со спускового крючка. Через оптический прицел отлично видно, как бойцы первого отделения осторожно приближаются к распахнутому выходу на перрон. Вот как нужно воевать! Солдаты двигаются уверенно, без страха и судорожных рывков. Каждый из них точно знает – товарищи по оружию надежно прикрывают их.

Зеки – никудышные солдаты. Стадо баранов с накаченными бицепсами и тупыми мордами. Но предосторожность лишней не бывает. Как раз полный профан может выкинуть такое! Такую глупость, какая не придёт в голову мало-мальски обученному солдату.

Первое отделение обследовало перрон и спустилось на железнодорожный путь туннеля №2. Никого и ничего. Зеки удрали и не думают возвращаться.

- Мужики!!! – пролетел по радиоканалу чей-то взволнованный голос. – Мы их сделали!!!

- Да-а-а-а!!!

- Ура-а-а-а!!!

От восторга Чаг единым махом выскочил через разбитое окно. Следом выпрыгнул Шнык.

- Победа-а-а-а!!! – заорал Чаг.

- Мы их сделали-и-и!!! – подхватил Шнык.

На площадь перед кафе высыпал весь взвод. Как на пэнтболе. Победители запрыгали, заскакали, заорали во всё горло. Через всеобщий гвалт прорезались автоматные очереди. Не в силах сдержать эмоции, солдаты открыли стрельбу.

- Шнык!!! – Чаг подскочил к другу. – Мы их сделали!!!
 - Да-а-а!!! – проорал Шнык. – Порвали-и-и!!! Как тузик грелку-у-у!!!
- Веселье взрывной волной прокатилось по Центральному вокзалу.
- Прекратить стрельбу!!! Всем молчать!!!

Командный голос как ушат воды. Шум тут же стих. Чаг так и застыл на одной ноге с автоматом над головой.

- Так лучше, - вперёд вышел Леший, командир взвода. – Мы на войне. Не стоит...

- Суки-и-и!!!

Истошный вопль перебил командира. На перроне, прямо по трупам, прыгает какой-то солдат.

- Сволочи!!! Вот вам! Вот!

Солдат, не обращая внимания на Лешего, в диком исступлении топчет убитых. Ноги в крови по самую щиколотку.

- Прекратить!!!

Леший – дед со стажем. Его грозный окрик способен свернуть горы, но только не в этот раз. Солдат начисто игнорирует приказ командира.

- Убью! Убью! Всех убью!!!

Словно дубиной, буйный взмахнул автоматом и треснул убитого прикладом по голове.

- Перестреляю! Всех перестреляю!!! – безумный потянулся к полным магазинам в карманах разгрузки.

- Взять его!!! – скомандовал Леший.

Дело принимает нешуточный оборот. Несколько солдат подскочили к безумному товарищу.

- Озар! Не надо!

Двое подхватили безумца под локти, а двое других вырвали из его рук автомат.

- Пустите меня! – солдат забился в руках товарищей. – Они! Они! Отца моего убили!!! Я их всех порешу!!!

У парня нешуточная истерика. Пятьсот человек, надзирателей и полицейских, навсегда остались в Глотке. Личная месть страшнее атомной войны.

- Слушай мою команду! – Леший самым решительным образом взял ситуацию под контроль. – Первое отделение: охранять туннель №2! При малейших признаках опасности немедленно отойти и занять оборону. Остальные: собрать убитых и сложить вон там, возле пандуса. Вы, двое, - Леший повернулся к солдатам, которые крепко держат буйного под руки. – Не отпускайте его. Я вызову медиков. Всё! За работу! Живо!

Вот это командир! Пусть Народная армия самообороны мала, зато спаяна железной дисциплиной.

- Давай, Непоседа, - Шнык закинул автомат за спину, - попачкаем руки в кровушке.

- Давай, - Чаг поставил автомат на предохранитель и закинул за спину.

Странное дело. Чаг подхватил очередного заключенного под руки, а Шнык поднял его за ноги. Тела убитых густо изрешечены пулями. Особенно тех, что шли в первых рядах. Но окровавленные трупы с перекошенными в агонии лицами совершенно не пугают. Как будто всё жизнь мертвых на поле боя подбирал. Вон! Некоторых солдат едва на изнанку не выворачивает. Даже Шнык предпочёл не поднимать забрало.

На Центральном вокзале, спустившись по неподвижным ступенькам эскалатора, появилась съёмочная группа столичного телеканала. По смазливому личику и глупым усикам легко узнать утуса Окрена, ведущего теленовостей. Женщина-оператор с портативной телекамерой на плече едва сдержала приступ

тошноты при виде заваленного трупами перрона. Следом за журналистами по эскалатору спустился Киборг.

Подойдя ближе, утус Окрен махнул наманикюренной ручкой и быстро, быстро заговорил:

- Уважаемые телезрители. Мы ведём прямой репортаж с места событий. За моей спиной посадочная платформа туннеля №2, по которому, буквально пару минут назад, огромная толпа заключённых пыталась прорваться в наш город. Но! Что из этого вышло вы сами прекрасно видите.

Телеведущий изящно выскользнул из кадра. Женщина-оператор повела объективом телекамеры из стороны в сторону. И, как на грех, Чаг опять попал в кадр. Руки в крови. Ноги в крови. А пэйнтбольный шлем вообще снял. Наверняка в этот момент родители смотрят телевизор. Вид родного сына по среди заваленного трупами перрона их точно не обрадует. К счастью, телеведущий снова шагнул в кадр и заговорил ещё быстрее:

- Заключённые возомнили о себе бог знает что. И получили достойный отпор. Позвольте представить вам витуса Лерана, командующего нашей доблестной армией. Прошу вас.

Телекамера плавно переместилась на Киборга.

- Уважаемые жители Дайзен 2! – торжественно заговорил Киборг. – Независимое правительство только что доказало, что способно надавать подзатыльников сброду из Глотки. Сейчас я вам раскрою секрет нашего успеха.

Киборг стащил с плеча игровой автомат и потряс им перед телекамерой.

- Перед вами самый простой, самый обычный пороховой автомат нашего пэйнтбольного клуба «Марка – 4-4». Но он не так прост, как кажется.

Киборг отстегнул магазин и вытащил из него патрон. С восторгом, не скрывая торжества, Киборг произнёс:

- Автомат игровой, но пули в нём боевые. На что способен пороховой автомат древности объяснять и доказывать не нужно. Вы только что видели это сами.

Киборг отступил назад и широким жестом показал на заваленный трупами перрон.

- В бессмысленной попытке прорваться в город глупо и без малейшей пользы полегло не меньше пяти сотен заключённых. Тогда как среди солдат Народной армии потерь нет. Они прекрасно обучены, вооружены и спаяны железной дисциплиной. И всё это благодаря военизированной игре пэйнтбол.

Чаг поспешил убраться подальше от телекамеры, но не слишком далеко. Любопытство распирает грудную клетку. Шнык притормозил рядом.

- Заключённые тюрьмы Глот. Вы – проиграли! Время работает против вас. Очень скоро вам будет нечем стрелять. Тогда как в мастерских Финдоса во всю идёт подготовка к массовому выпуску оружия. Завтра днём мы наладим производство боевых патронов к уже существующим автоматам. Через два дня на вооружение нашей армии поступят ещё более мощные пороховые автоматы «Надежда». А через три дня численность Народной армии самообороны достигнет нескольких тысяч человек. Да мы вас! – Киборг выразительно потряс автоматом, - В порошок сотрём!

Наблюдать за выступлением Киборга одно сплошное удовольствие. Ну... насчёт армии в несколько тысяч он явно загнул. Не иначе, Независимое правительство ведёт целенаправленную пропаганду. Что, что, а вид поверженного противника обязательно воодушевит горожан на борьбу, да и не только их, а всю планету. Пропаганда – мощный инструмент воздействия на собственное население, а заодно и на противника.

На ликвидацию последствий бойни возле туннеля №2 ушла пара часов. Особенно порадовала оперативность городских служб. Киборг слегка преувеличил: не пятьсот, а три с небольшим сотни заключённых остались лежать

на перроне и на площади возле привокзального кафе. Погибших свезли в городской крематорий и без последних почестей запахали в печь.

Взорванные ворота быстро заделали. Бригада весёлых ремонтников подрезала рваные края и наложила заплатку. Пусть стальная плита не способна остановить преступников, но им снова придётся взрывать ворота. А это снова шум и пыль.

Третий взвод просидел на Центральном вокзале до самого утра. Чаг успел разок постоять в карауле возле туннеля №3. Но большую часть ночи проспал на полу в привокзальном кафе. После мощного выброса адреналина пол в торговом зале больше не кажется твёрдым. В 10 утра их сменил третий взвод второй роты Народной армии.

За ночь Независимое правительство сформировало вторую роту. В неё вошли уже взрослые мужчины, которые когда-то играли в пэйнтбол. Ополченцы, как их в шутку называл Шнык. Но! Чтобы там не говорил Киборг перед телекамерой, две роты – максимум, который может выставить пэйнтбольный клуб. В призывниках отбоя нет, но вооружать их нечем.

Первая рота Народной армии вернулась в пэйнтбольный клуб. Впереди ещё одно очень важное задание. Но на этот раз придётся одеть борги.

Глава 16. «Без энергии».

Электроэнергия на Дайзен 2 – суть жизни. Кислород, вода, еда – всё без исключения добывается, очищается и производится с помощью электричества. Энергетика для маленькой колонии основа основ, становой хребет, критическое условие для элементарного выживания.

В Ущелье ветров находится самая большая на планете электростанция. Мощные ветровые генераторы вырабатывают десятки мегаватт электроэнергии. Но, по сути, в Ущелье две электростанции, которые так и называют: Восточная электростанция и Западная.

Великий Создатель ниспослал жителям Финдоса крупицу своего божественного внимания. У Ярого, нового вожака заключённых, не хватило ума в первые часы бунта захватить Ущелье ветров. Без электричества жителям Финдоса пришлось бы крайне худо. Независимому правительству удалось отстоять Восточную электростанцию и спасти столицу от тьмы и холода.

Пока зеки не оправились от бойни на Центральном вокзале, настала пора нанести ответный удар. Если удастся захватить Западную электростанцию и обесточить Глотку, то дни заключённых сочтены. Без электричества встанут вентиляторы и наносы, погаснет свет и накроется система регенерации воздуха. Зеки элементарно задохнутся, если ещё раньше не замёрзнут.

Главный туннель под дном Ущелья соединяет две электростанции в единую энергосистему. Но пробиться через него на западную сторону невозможно. Главный туннель очень легко защищать. Любая атака неизбежно захлебнётся в крови. Командование решило пойти в обход, пересечь Ущелье снаружи и пробиться на Западную электростанцию через аварийный выход. План рискованный, но, в случае удачи, обещает снизить потери на порядок. Вот для чего бойцам Народной армии самообороны понадобились борги.

Последний раз Чаг был в Ущелье ветров на школьной экскурсии. Тогда им показали несколько машинных залов, заставленный мигающей электроникой центральный пульт управления и тот самый главный туннель, который соединяет обе электростанции. А вот на поверхность их не выпустили. Зато сегодня у него будет возможность полюбоваться самыми мощными на планете ветровыми генераторами.

Аварийный выход не оборудован полноценным шлюзом. Так себе: небольшой коридорчик и две двери. Массивные засовы без какой-либо электроники открываются и закрываются большими стальными колёсами с четырьмя спицами.

Первая рота выстроилась в длинную колонну. Солдаты по одному выходят наружу. Кислород в коридорах Восточной электростанции стремительно выветривается, зато ударный отряд быстро выбирается наружу. Чаг шагает в общей очереди сразу за Шныком.

Внешняя дверь аварийного выхода утоплена в склон ущелья на пару метров. В небольшой пещере сильная турбулентность. Ветер закручивается самым причудливым образом, зато не валит с ног. А вот на выходе из пещеры пришлось сразу же лечь на землю. Передвигаться по дну ущелья можно исключительно ползком.

За миллионы лет северо-западный ветер прорезал в каменном поясе кратера Финдос узкое ущелье. Если сегодня в относительно тихую погоду ветер всё равно валит с ног, то в бурю он может запросто подхватить многотонный вездеход и выдуть его из ущелья, словно пушинку.

Чаг осторожно лёг на землю. Впереди мелькают пятки Шныка, ещё дальше ранцы жизнеобеспечения солдат второго взвода. Серые фигуры слишком хорошо заметны на красноватом камне. Перебирая руками и ногами, упираясь в малейшие выступы локтями и ступнями, Чаг терпеливо ползёт вперёд и только вперёд. До противоположного склона пятьсот метров. Расстояние не маленькое, но не зря же Киборг гонял их столь долго и упорно. Вот уж действительно: тяжело в ученье, легко в бою.

Ветер давит на уши монотонным воем. Зато не валит с ног и не тащит по камням. Сегодня второй день весеннего месяца. Температура воздуха едва-едва перевалила за нулевую отметку. Снег осел и уплотнился. Где-то через неделю он начнёт таять. Но в Ущелье снег отсутствует начисто. Буйный ветер выносит всё без малейшего остатка. Даже в искусственной пещере перед аварийным выходом чисто, как в операционной.

День перевалил на вторую половину. Дно ущелья накрыла тень. Туши ветровых генераторов похожи на гигантские личинки тутового шелкопряда, которые, словно солдаты, выстроились двумя рядами. Широкие лопасти вращаются в прочных коконах из армированного бетона.

Терпении и ещё раз терпение. Чаг монотонно перебирает руками и ногами. Дрожать перед боем некогда. Доползти бы, для начала. Чаг подтянулся в очередной раз, но неожиданно ткнулся забралом в ботинок друга. Какого чёрта Шнык замер прямо посреди дороги?

Спросить бы, но нельзя. Приказ Киборга строг: до контакта с противником никаких радиопереговоров. Чаг слегка приподнялся на руках. Противных ветер тут же толкнул в бок и едва не опрокинул на спину.

До западного склона каких-то пятьдесят метров. На полированной скале чернеет провал пещеры. Значит рота уже дошла до аварийного выхода Западной электростанции. Из провала выскочили и тут же упали на землю синие фигуры.

Блин! Чаг вновь распластался по земле. Ну нельзя же быть таким тупым. Зеки не на столько глупы, чтобы оставить аварийный выход открытым. Поди, охрана с той стороны приставлена. Единственный способ быстро попасть во внутрь – взорвать стальные двери к чёртовой матери. Для чего Киборг прикомандировал двух гражданских подрывников. Это они выскочили из пещеры. Значит...

Из пещеры с грохотом вылетел столб дыма. Ветер тут же подхватил его и размазал по стене ущелья. Первая дверь взорвана. Осталась ещё одна.

Снова подрывники в синих боргах и... второй взрыв. Путь свободен.

- Внимание! – радиоканал донёс голос Киборга. – Пошли! Пошли!

Масса солдат пришла в движение. Передние ряды медленно, слишком медленно, потянулись в чёрный провал пещеры. Да что они там возятся! От нетерпения Чаг заскрежетал пальцам по земле. Животы в землю упираются? Так и подмывает вскочить на ноги и ринуться на штурм, но нельзя. Загрохотали первые выстрелы.

Что пороховой автомат, что электромагнитный – на слух не разобрать. Первый грохочет из-за резкого расширения пороховых газов. У второго никаких газов нет, зато крошечная пуля с преогромным щелчком пробивает звуковой барьер.

У аварийного выхода нештучный бой. Но поток наступающих не остановить. Всё больше и больше солдат заползает в искусственную пещерку и вскакивает на ноги.

Чаг подполз к аварийному выходу. Наконец ветер не толкает монотонно в бок, а вертится вокруг волчком. Рывком на ноги. Автомат из-за спины в руки. Подождать, пока в дырку вместо дверей протиснется Шнык... И во всю прыть следом!

Узкий аварийный выход, а за ним широкий коридор. Черт!!! Налево на полу два скорченных тела. Серые борги. Проклятье! Первые потери. Двое храбрецов наткнулись на зеков, но не отступили, не закупорили узкий проход, а приняли геройскую смерть. Глубже в коридоре валяется зек в красной робе. Чуть дальше еще один. Мёртвым не помочь. Вперёд и только вперёд.

Задача первого взвода пройти по широкому коридору первого уровня и заблокировать отряд зеков в главном туннеле под дном ущелья. В том направлении отдельные выстрелы слились в сплошной гул. Чёрный дым – ни черта не видать. Чаг прибавил скорости. Ему на лево, вверх по лестнице.

Пролёт. Ещё пролёт. На площадке второго уровня труп в красной робе. Рядом солдат из второго взвода. Боец, зажав рукой рану в бедре, пытается вытащить из разгрузки медпакет. Сквозь пальцы сочится кровь. Ранение по виду страшное, но не серьёзно. Раненый мотает головой и упорно отказывается от помощи товарищей – ему видней.

Бойцы второго взвода убегают в широкий коридор. Их задача пробиться к центральному пульту управления и захватить его. Только оттуда можно погасить Западную электростанцию. Два гражданских спеца остановят генераторы и поставят аварийные накопители на разрядку. Чаг по инерции рванул со всеми, но вовремя спохватился. Ему выше, на третий уровень.

Чаг выскочил на площадку между вторым и третьим уровнями и замер в одиночестве. Или он очень здорово обогнал товарищей по взводу, или те, кто бежал перед ним, всё же завернули на второй уровень.

- Третий взвод! – командный голос Лешего стряхнул неуверенность. – За мной! На третий уровень!

А вот и командир. Высокий, тощий, с длинными руками, но такой внушительный.

Ручей солдат сменил направление. Из глубин второго уровня обратно на лестницу пробирается Шнык – убежал всё же. Впрочем, Чаг оглянулся, он больше не один. Вперёд, и только вперёд.

Чаг в несколько прыжков преодолел последний пролёт и выбежал в широкий коридор на третьем уровне. Впереди на пару сотен метров открытое пространство.

Бежать по середине широкого прохода – самый верный способ нарваться на шальную пулю. По стеночке, по стеночке, только по стеночке. Леший повернул на лево, значит нужно на право. Стрелять, когда правый локоть скребётся о бетонную стенку, не очень удобно. Но сила отряда во взаимодействии.

Широкий коридор хорошо освещён. Длинные лампы под сводчатым потолком заливают пространство белым светом. С правой стороны стальные двери с закруглёнными концами. Но вот одна из них распахнулась. Из-за края неуверенно высунулся чёрный ствол.

Чёрт побери, это же классика. Чаг с ходу всадил в дверь короткую очередь. Ствол исчез.

Боевые пули – это вам не краска в пластике. Ряд дырочек перечеркнул дверь от края до края. Чаг с ходу пнул её ногой.

Сильный хлопок. Дверь с треском захлопнулась. За ней шлепок упавшего тела... Чаг ухватился за прямоугольную ручку и резко затормозил. Плечевой сустав огрызнулся болью.

Точно! Внутри, в узком коридорчике, валяется зек. Левая рука зажимает бок, а правая пытается поднять автомат.

Чаг всадил в лицо врага короткую очередь. Стальные пули разнесли голову заключённого вдребезги. Кровавые кляксы запачкали стены. Правая рука убитого бухнулась на пол вместе с автоматом.

Узкий коридор ведёт в машзал ветряка на склоне ущелья, зачищать его некогда. Но! Чаг заскочил в коридорчик и присел возле убитого. Электромагнитный автомат слишком ценный трофей, чтобы просто так бросить его. Ещё боеприпасы. Стараясь не испачкать руки в крови, Чаг похлопал по карманам убитого. Бинго! Из левого кармана Чаг вытащил полный магазин. Во удача! А теперь бежать дальше. Чаг вышел в широкий коридор и аккуратно прикрыл за собой округлую дверь.

Пока возился с зекон, Леший и ещё несколько солдат добежали до входа в главный энерготуннель и заняли возле него оборону. Одиночными выстрелами шугают кого-то на том конце широкого коридора. Чаг предусмотрительно перебежал на левую сторону и через неприметную дверь с закруглёнными углами первым заскочил в энерготуннель.

Господи! Как солдаты зеки вообще никакие. Несколько красных фигур постыдно улепётывают вдаль по туннелю. Да если б хотя бы один из них остался у входа... Чаг присел на колени и перевёл автомат на одиночный огонь.

Как в тире: на светлом фоне контрастные фигуры. Через оптику спина последнего как на ладони. Вдох, выдох – унять дыхание. А теперь... Чаг плавно нажал на курок. А потом ещё и ещё раз.

Грохот выстрелов прокатился по замкнутому пространству. Бегущая впереди фигурка кувырнулась на пол. Один готов! Но, во засада, остальные благополучно завернули за угол.

Эх! Сейчас бы вскочить на ноги и с дикими воплями рвануть следом. Погоня – самая любимая часть в игровом сражении. Особенно, когда бегаешь быстрее многих. Но вбитые в пэнтболе рефлексy удержали на месте. Скакать вдаль в гордом одиночестве – ещё один верный способ нарваться на пулю. Территорию, будь то коридор, комната, или ложбинку с валунами, нужно зачищать вдвоём и только вдвоём. Один бежит, другой прикрывает.

За спиной хлопнула дверь.

- Ну, Непоседа! Ну ты и бегать!

Рядом, словно загнанным пёс, шумно присел Шнык. Как более грузный и медлительный, друг только сейчас добрался до главного энерготуннеля.

- Кушать меньше надо, уважаемый, - ответил Чаг. – Я пошел. Прикрывай.

Чаг поднялся на ноги и осторожно двинулся вперёд. Пусть Шнык немного восстановит дыхание. Метров через двадцать Чаг остановился и присел на одно колено. Автомат наизготовку к стрельбе. Дальний поворот на мушке.

Пока всё тихо. Через оптику отлично видно, как толстые кабели на том конце туннеля заворачивают налево. По краю зрения серой тенью выдвинулся вперёд Шнык. В свою очередь напарник присел на колени и взял поворот на прицел.

Вот как надо воевать. Перекатами, перекатами, взаимно прикрывая друг друга, Чаг с напарником продвинулись в глубь энерготуннеля. До поворота осталось метров пятьдесят, как вдруг из-за угла высунулся чёрный ствол. Загрохотали одиночные выстрелы, Шнык открыл огонь. Чаг резко присел и дёрнулся в сторону под высоковольтные кабели. Чёрный ствол исчез.

Ясно, как божий день – за поворотом зеки заняли такую оборону. Всё, что остаётся – в свою очередь занять оборону и не дать зекам высунуться из-за угла.

Предел наступления достигнут. Для полной гарантии командование решило взорвать главный энерготуннель. Даже если зеки каким-то чудом запустят Западную электростанцию, то передать энергию в Глотку всё равно не смогут. Задача третьего взвода взять под контроль третий уровень и вход в энерготуннель.

Чаг оглянулся. Входная дверь темнеет где-то далеко позади. Ещё несколько солдат в серых боргах залегли вдоль стен. Пара синих фигур суетится у входа. Гражданские подрывники закладывают заряды. Они же взорвали двери аварийного выхода.

Чаг лежит под высоковольтными кабелями. Ранец жизнеобеспечения упирается в дубовую изоляцию. Наконец нашлось время рассмотреть энерготуннель получше. Высоковольтные кабели, похожие на чёрные трубы, тянутся в несколько ярусов вдоль стен и пропадают за поворотом. Чаг невольно вздохнул.

Медные кабели в пластиковой оболочке – позапрошое тысячелетие, медный век. Тонкая нитка высокотемпературного сверхпроводника легко заменила бы их всех. Ну две нитки для резерва. Но! Даже низкотемпературные сверхпроводники запрещённая на Дайзен 2 технология. Зато меди, вон, полно.

Как объяснил отец, от высокотемпературных сверхпроводников всего один шаг до накопителей огромной мощности и электромагнитного оружия. Если добавить ещё пару-тройку запрещённых на Дайзен 2 технологий, то можно было бы создать вирт-привод и построить полноценный космический корабль. А это уже прямая угроза Мирему. И не важно, что чисто гипотетическая. Метрополия всё равно будет против.

Терпение – вторая по важности добродетель. Главную задачу третий взвод выполнил. По крайней мере, зеки даже не пытаются выбить их из туннеля. Или ждут подкрепление из Глотки? А что у других взводов?

В туннеле тишина. Снаружи ни выстрелов, ни прочих звуков. Прямую связь с Киборгом имеет только Леший, командир третьего взвода. Тут же, словно отвечая на вопрос, сквозь плотную ткань борга Чаг почувствовал, как перестали дрожать высоковольтные кабели над его спиной. Второй взвод выполнил поставленную задачу: центральный пульт управления захвачен. Западная электростанция остановлена, Глотка осталась без электричества. Ну всё, Чаг крепче сжал автомат, теперь зекам хана! Пусть дышат собственным дерьмом.

Радость переполняет душу. Так и хочется открыть забрало и крикнуть тем простофилям за поворотом что-нибудь гадкое и очень обидное. Но нельзя. Надо ждать приказ на отступление.

Через оптику видна каждая бетонная крошка по углам туннеля и ребристые следы ботинок на пыльном полу. Хотя... Храбрость – самая первая солдатская добродетель. Из-под руки убитого зека торчит приклад электромагнитного автомата. Ну не оставлять же кретином в красном такое оружие.

Чаг положил «Марку» на бетонный пол и стащил со спины трофейный автомат. Короткий бросок и оружие ткнулось в плечо друга.

- Шнык! Вынеси, – попросил Чаг. - Там, впереди, ещё один. Достану.

- Ты что? С ума сошёл? – возмутился Шнык, но всё же подобрал переброшенный автомат. – Вот-вот отступить будем.

- Из того ствола они много наших завалить могут, – упрямо возразил Чаг. – Прикрой. Я пошёл.

Каблуки убитого, словно огоньки в кромешной тьме, тянут и тянут к себе. Попластунски, будто желая слиться с бетонным полом в единое целое, Чаг всё ближе и ближе подбирается к убитому.

Страшно? Еще как! Но... Азарт. Азарт солдата и азарт охотника в одном флаконе. Наверно с такими же чувствами древний воин подбирался к стану врага.

Наконец Чаг ухватил убитого за каблук и потянул на себя. Зек, будто большая кукла, нехотя зашевелился и развернулся боком. А вот и автомат! Последний рывок... Чаг дотянулся пальчиками до приклада...

Грохот выстрелов и свист пуль прямо над головой. Чаг резко пригнулся. Подбородок шлема гулко стукнулся о бетонный пол. Из-за поворота мелькнул красный рукав. Что-то шлёпнулось в полуметре.

Ё-ё-ё!!! Чаг резко отдернул руку. Самопальная граната: в кусок взрывчатки воткнут запал с огнепроводным шнурком. Крошечный огонёк, щедро разбрызгивая искры, торопливо пожирает серый шнурок. Ещё немного и доберётся до запала.

Все мысли из головы вон. Чаг дёрнулся всем телом вперёд и поймал в кулак жёлтый огонёк. Судорожный рывок назад. Запал на лету выскочил из взрывчатки. Заряд тротила улетел назад по туннелю. Жёлтый огонёк вышел из кулака. Запал шлёпнулся на высоковольтные кабели и хлопнул маленьким взрывом.

Тунн, высокий бородатый мужик в волчьей шкуре, мифическое воплощение духа смерти, присел рядом и посмотрел в глаза. Но! Великий Создатель уберёг от верной смерти. Тунн улыбнулся, хлопнул по плечу и пропал.

- Ну ты даёшь! – вопль друга вывел из оцепенения. – Чаг! Хватай автомат и вали от туда!!!

Чаг, тяжело дыша, вытащил из-под убитого автомат. Да чтоб теперь! Да чтоб оставить! Патроны? Хрен с ними! Пусть подавятся. Нельзя дёргать Туна за густую бороду дважды. Второго шанса может и не быть.

- Внимание! Третий взвод! Покинуть главный энерготуннель!

Долгожданная команда на отступление. Не останавливаясь, Чаг пополз дальше. Метров через двадцать остановился и развернулся.

- Шнык! Уходи! – выкрикнул Чаг.

«Отступление – это вам не паническое бегство, а важный тактический манёвр. Не менее важный, чем наступление. В чём-то даже более сложный и опасный». В голове, помимо воли, всплыли наставления Киборга.

Перекат за перекатом, прикрывая друг друга, солдаты третьего взвода покинули главный энерготуннель. Чаг выбрался последним. Округлая дверь захлопнулась за его спиной.

- Все? – спросил Леший.

- Так точно, – ответил Чаг.

- Всем отойти от туннеля! – скомандовал Леший.

Чаг отбежал метров на сорок, когда позади грохнул взрыв. Пол дёрнулся под ногами, над головой мигнул свет, а запирающая туннель дверь с треском вылетела в коридор. Третий взвод выполнил задание и отступил к лестнице.

- Шнык – за старшего. Ты, ты и ты, – Леший ткнул пальцем в Чага, – держать оборону. Остальные за мной.

Всё правильно: для прикрытия одной двери вполне достаточно четырёх солдат. Чаг залёг позади Шныка. Широкий коридор третьего уровня великолепно простреливается на всю длину. Любой, кто вздумает гулять по нему, получит полю в лоб. Но! Какая досада: опять сидеть, ждать и нервничать!

Леший увёл взвод туда, где по прежнему кипит бой. По радиоканалу долетают короткие команды командира и отзывы солдат. Как нож в сердце, когда раздаются крики раненых товарищей.

За плечами болтается такой трофей. Лучший способ побороть дьявольское искушение – поддаться ему. Заодно поможет отвлечься от дурных мыслей. Чаг стащил со спины электромагнитный автомат и посмотрел в окуляр прицела...

Да-а-а! Не сравнить. После простейшей оптики «Марки», прицел настоящего боевого автомата кажется вершиной совершенства. Не напрягая глаза, в мельчайших подробностях, можно легко рассмотреть дверь на противоположном конце длинного коридора. Пострелять бы ещё. Чаг повернул автомат на бок. Счётчик пуль замер на числе тринадцать. Что ни говори – фатальное количество для предыдущего владельца.

- Охранение на лестнице, третий уровень. Отходите!

Пара минут и отдых закончен. На том конце широкого коридора так никто и не показался. Чаг со вздохом закинул электромагнитный автомат за спину. Проверить в деле крутое оружие не удалось. А жаль. Чертовски жаль.

Чаг с товарищами спустился на первый уровень. Сразу на ними отошла четвёрка бойцов со второго уровня. Значит и второй взвод выполнил поставленное задание.

Вот где развернулся самый жаркий бой. Широкий коридор первого уровня залит кровью. По жёлтым плиткам протянулись кровавые дорожки. Но ни трупов, ни раненых не видно. Десяток солдат сидит вдоль стен и методично отстреливают возникающие в глубине коридора фигуры. Зеки, злые от поражения, безбожно тратят боеприпасы. Пули яркими вспышками искр отскакивают от стен.

Эх! Чаг с завистью взглянул на бойцов первого взвода. Задержаться бы и расстрелять парочку магазинов. Из собственного боекомплекта удалось израсходовать едва треть.

- Всеобщее отступление. Прикрытию отойти к аварийному выходу.

Приказ Лешего подстегнул Чага.

В момент, когда стрельба со стороны зеков чуть смолкла, Чаг рывком перескочил на противоположную сторону. А чёрт! Ступни проскользнули по кровавой дорожке. Умение быстро ползать и ещё быстрее бегать на этот раз сыграло против него – Чаг первым из всех оставшихся на Западной электростанции добежал до аварийного выхода и выскочил наружу. Злой ветер тут же толкнул в бок и едва не опрокинул на спину.

Кажется, будто провоявал на Западной электростанции полжизни. На деле не прошло и часа. Чаг пополз прочь от аварийного выхода. Метрах в двадцати от искусственной пещеры лежат солдаты. Ясно – прикрытия. Для него лично бой окончен. Всё, что остаётся – вернуться на Восточную электростанцию.

На половине пути Чаг неожиданно остановился, будто ткнулся лбом в невидимую стену. В голову полезли шальные мысли.

Ещё в «Песчаной буре», гоня друзей и сверстников пластиковыми пулями, много раз задавал сам себе вопрос: могу ли при необходимости убить человека? На Центральном вокзале была огромная толпа заключённых. Пара полных магазинов ушла влёт. Если не считать самой первой очереди, то прочие пули, быстрее всего, нашли цель. Но... там стрелял как бы во всех сразу, и ни в кого конкретно. А здесь собственноручно пристрелил двоих... Если первый ещё как-то мог представлять опасность, то второй зек банально спасал собственную шкуру. И... Ничего. Никакой реакции. Как разбить пару яиц, чтобы приготовить яичницу.

- Что встал? – сзади подполз Шнык. – Давай! Шевели конечностями.

Секундное оцепенение прошло. Чаг пополз дальше по каменистому дну Ущелья ветров. С другой стороны, извращённого удовольствия то же не было – хороший признак. Визит к мозговеду можно отложить на неопределённое время.

Заключённые не стали преследовать уходящий отряд. Легко догадаться почему: защитных костюмов у обитателей Глотки просто нет. А если и есть, то в очень малом количестве.

Как несколько позже на разборе полётов поведал Киборг, налёт на Западную электростанцию удался целиком и полностью. Заключённые не ждали серьёзной атаки со стороны аварийного выхода и оставили возле него символический караул из трёх-четырёх зеков. Основные силы, примерно две сотни бунтовщиков, сидели в центральном туннеле под ветровыми генераторами на дне ущелья.

Второй взвод с ходу захватил центральный пульт управления. Гражданские специалисты остановили ветряки Западной электростанции, поставили на разрядку аварийные накопители энергии и полностью обесточили Глотку. А то, что главный энерготуннель взорван, Чаг видел собственными глазами.

Первому взводу удалось заблокировать главные силы зеков в туннеле под дном ущелья. Но и цена за успех уплачена не малая. Из тридцати пяти человек уцелело пятеро. Десять погибло на месте, остальных ранило. Всего первая рота Народной армии потеряла семнадцать убитыми и ещё тридцать семь ранеными. Но главная цель всё же была достигнута: тюрьма Глот обесточена целиком и полностью. У зеков не хватит ни знаний, ни возможностей, ни времени чтобы восстановить энерготуннель и запустить в работу хотя бы один ветровой генератор. Заключённые проиграли.

Окончательная победа вопрос нескольких дней. Крайний срок – неделя. Но, как гласит народная мудрость, опасно загонять крысу в угол. Больше сорока тысяч заключённых по прежнему на свободе, но уже без воздуха и надежд на будущее. Напоследок они могут выкинуть такое, чему удивится сам Великий Создатель.

Глава 17. «Штурм отчаянья».

Глава 18. «Независимость».

II-ая часть. «Бунт».

Глава 1. «Общая тревога».

Глава 2. «Прибытие Первого крейсерского».

Глава 3. «Ультиматум».

Глава 4. «Штурм космопорта».

Глава 5. «Итоги первого боя».

Глава 6. «Отрезвление».

Глава 7 «Наблюдательный пункт».

Глава 8. «Штурм тюрьмы».

Глава 9. «Под завалом».

Глава 10. «Тяжелое решение».

Глава 11. «Уход».

Глава 12. «Торжество».

Череповец. Декабрь, 2013 год.

Об авторе.

Разрешите представиться: Волков Олег, писатель, блоггер, бета-ридер.

В Интернете много самых разных писателей, профессиональных и талантливых. Но и мне есть чем похвастаться.

Главная особенность моего творчества в том, что я пишу не только красиво, а ещё реалистично, насколько такое вообще возможно в фантастике как в литературном жанре. В моих произведениях вы не найдёте ляпов, багов, глупостей и подгонки желаемого под действительное. Поверьте: на этом поприще у меня крайне мало конкурентов. Ведь даже в произведениях мэтров российской фантастики полно несуразностей.

Сюжеты своих произведений я моделирую самым тщательным образом. Никогда и ни за что не приношу правдивость и реалистичность в жертву глупой зрелищности и супергеройству.

Надеюсь, вам понравится.

С уважением.

Я в Интернете.

«Библиотека реалистичного фантаста» (<http://www.volkov-o-a.ru/>).
Авторский сайт.

«Миры реалистичного фантаста» (<http://www.wiki.volkov-o-a.ru/>).
Энциклопедии по литературным мирам.

«Творчество, как профессия» (<http://volkov-o-a.livejournal.com/>). «Живой журнал».

Skype: volkov-o-a